

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13

Выпуск 1

2014

Март

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

АФРИКАНИСТИКА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Передня А. Д.</i> Структура именных словоизменительных категорий в древнеуйгурском языке (субстантивные категории)	5
<i>Редькин О. И.</i> Формирование корпуса текстов и определение частотности слов в арабском языке: проблемы и решения	14
<i>Смирнова М. О.</i> Базовые термины тибетской грамматической традиции	23

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Илюшина М. Ю.</i> Арабские источники по истории мамлюкского Египта в берлинской коллекции рукописей.....	35
<i>Орно Е. С.</i> Рама IV Монгкут (1851–1868) и начало модернизации Сиама	44
<i>Солощева М. А.</i> Ссылка Далай-ламы VII 1728–1735 годов: причины и последствия	55
<i>Суцевский А. Г.</i> Надписи из Вади эль-Холь: опыт исторического описания проблемы	63

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2014

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2014

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Пелевин М. С.</i> Метафоры и образные сравнения в языке афганской племенной хроники.....	71
<i>Родионова О. П.</i> Издание русской и советской детской литературы в Китае в новейшее время.....	82
<i>Суворов М. Н.</i> «Большая» проза ОАЭ на этапе становления (70–80-е годы XX века)	94

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Борисова А. А.</i> Некоторые особенности возникновения новых школ японских традиционных искусств, возглавляемых иэмото.....	105
<i>Завьялова О. Ю.</i> Понятие <i>məgdu</i> в пословицах манден.....	111
<i>Колотов В. Н.</i> Технологии гипноза в миссионерской практике иезуитов во Вьетнаме XVII века (Часть 1).....	117

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Дубровина М. Э.</i> Рецензия на книгу: Аврутина Аполлинария Сергеевна. Древнетюркские рунические памятники: Система письма и фонологическая реконструкция. — М.: Едиториал УРСС, 2011. — 136 с.	134

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Perednya A. D.</i> Category of declension in Ancient Uighur	5
<i>Redkin O. I.</i> Formation of text corpus and frequency definition for the words in the Arabic language: problems and solutions	14
<i>Smirnova M. O.</i> Basic terms of the Tibetan grammatical tradition	23

HISTORY AND SOURCE STUDIES

<i>Iliushina M. Yu.</i> Arabic sources on the history of Egypt under Mamluks at the manuscript's department of the Berlin State Library	35
<i>Orno E. S.</i> Rama IV Mongkut (1851–1868) and the beginning of modernization of Siam	44
<i>Soloshcheva M. A.</i> The Reasons Behind the Seventh Dalai Lama's Exile in 1728–1735 and Its Consequences	55
<i>Soushchevsky A. G.</i> The Inscriptions of Wadi el-Ḥôl: an essay of historical description of the issue.....	63

LITERARY STUDIES

<i>Pelevin M. S.</i> Metaphors and figurative comparisons in the language of a Pashtun tribal chronicle.....	71
<i>Rodionova O. P.</i> Publishing of Russian and Soviet Children's Literature in China in the Newest Time.....	82
<i>Suvorov M. N.</i> Origin of Emirati novel (1970–80s).....	94

GEOCULTURAL SPACES AND CODES OF
THE CULTURES OF ASIA AND AFRICA

<i>Borisova A. A.</i> Origin of traditional Japanese arts schools led by the iemoto	105
<i>Zavyalova O. Yu.</i> Concept of mōgōya in Manden proverbs	111
<i>Kolotov V. N.</i> Hypnosis techniques in missionary activities of Jesuits in Vietnam in the XVII century (Part 1)	117

REVIEWS

<i>Dubrovina M. E.</i> Review of the book Avrutina A. S. “Old Turkic Runiform Scripts: Writing System and Phonological Reconstruction”. — Moscow: Editorial URSS, 2011. — 136 pp.	134

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

А. Д. Передня

СТРУКТУРА ИМЕННЫХ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ (СУБСТАНТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье предпринимается попытка описания круга именных словоизменительных категорий, характерных для имени существительного (субстантивных категорий) в древнеуйгурском языке. На основании фактического материала можно выделить пять субстантивных словоизменительных категорий, а именно: категория множественности (*-lar*), категория принадлежности (*-(y)m, -ŋ, -(s)y, -(y)myz, -(y)nyz(lar), -lary (-sy)*), категория склонения (представлена семью падежами: родительный (*-(n)yŋ*), винительный (*-(y)y, -ny, -(y)n*, в редких случаях *-ay*); дательный (*-(q)a*), местный (*-(d)a*), исходный (*-dyn, -tyn*), инструментальный (*-yn*), экватив (*-ča*), направительный (*-yaru*)), категория именной сказуемости (основа имени + *män*, основа имени + *sän*, основа имени + *biz*, основа имени + *siz*, основа имени + *ol*) и категория вторичной репрезентации (гипостатизирования) (*-ki*). Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: Древнеуйгурский язык, именные словоизменительные категории, субстантивные категории.

CATEGORY OF DECLENSION IN ANCIENT UIGHUR

A. D. Perednya

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The following article represents an attempt to describe the range of nominal inflectional categories which are typical to noun (substantive categories) in the Old Uighur. Based on the material of the language, it distinguishes five substantive inflectional categories, namely: category of plurality (*-lar*), category of possession (*-(y)m, -ŋ, -(s)y, -(y)myz, -(y)nyz(lar), -lary (-sy)*), category of declension (represented by seven cases: genitive(*-(n)yŋ*), accusative (*-(y)y, -ny, -(y)n*, in rare cases *-ay*); dative (*-(q)a*), locative (*-(d)a*), ablative (*-dyn, -tyn*), instrumental (*-yn*), equative(*-ča*), directive (*-yaru*)), category of nominal predicate (stem + *män*, stem + *sän*, stem + *biz*, stem + *siz*, stem + *ol*), category of secondary representation (hypostatization) (*-ki*). Refs 16.

Keywords: Old Uighur, nominal inflectional categories, substantive categories.

В предлагаемой статье предпринимается попытка описания круга именных словоизменительных категорий, характерных для имени существительного (субстантивных категорий). Под именами существительными следует понимать лексемы, «объединенные классифицирующим грамматическим значением предметности» [1, с. 51].

Словоизменительная категория представляет собой совокупность форм, имеющих одно общее или разные, но однородные родственные служебные значения. В древнеуйгурском языке категория также может быть представлена всего одной формой с автономной семантикой. На основании фактического материала можно выделить пять субстантивных словоизменительных категорий, а именно: *категория множественности* (*-lar*), *категория принадлежности* (*-(y)m*, *-η*, *-(s)y*, *-(y)myz*, *-(y)nyz(lar)*, *-lary* (*-sy*)), *категория склонения* (представлена восемью падежами: родительный (*-(n)yη*), винительный (*((y)y*, *-ny*, *-(y)n*, в редких случаях *-ay*); дательный (*-(q)a*), местный (*-(d)a*), исходный (*-dyn*, *-tyn*), инструментальный (*-yn*), экватив (*-ua*), направительный (*-yaru*)), *категория именной сказуемости* (основа имени + *män*, основа имени + *sän*, основа имени + *biz*, основа имени + *siz*, основа имени + *ol*) и *категория вторичной репрезентации* (гипостазирования) (*-ki*). Термин «гипостазирование» был разработан и введен Ленинградской, а позднее Санкт-Петербургской школой тюркологии [1, с. 104].

Категория множественности представляет собой одночленную категорию с показателем *-lar*, «коммуникативным предназначением которой является сигнализация о том, что предметы, называемые основами, находятся во множестве» [1, с. 132]. Во многих тюркских языках данная категория скорее передает множество в тех случаях, когда это необходимо, так как нельзя утверждать, что имя без показателя *-lar* присутствует в единственном числе. Так, в древних языках аффикс *-lar* в основном сочетается с лексемами, обозначающими лиц высокого положения (родственников каганов, беков и т. д.) [2, с. 145], т. е. с лексемами, которые обозначают достаточно высокое положение того или иного человека в обществе. Традиционно в отечественной тюркологии форму без показателя *-lar* исследователи считали формой единственного числа [3, с. 31–32]. Зарубежные тюркологи признают *категорию множественности* не одночленной, а «бинарной», в которой «множество» представляет собой маркированный показатель, т. е., по их мнению, объекты во множественном числе обычно отмечены показателем *-lar*, но из этого не следует, что отсутствие данного элемент сигнализирует о том, что объект находится в единственном числе [4, р. 158]. Что же касается *категории множественности* в древнеуйгурском языке, автору представляется, что вышеуказанную категорию следует считать одночленной, а лексема без показателя *-lar* (*a*) в древнеуйгурском языке в зависимости от контекста может толковаться как единственное число или как совокупность чего-либо. При этом форма с показателем *-lar* (*б*) в древнеуйгурском языке, скорее всего, выражает не просто множественность, а указывает на разнородность объектов.

(а) ...*igid saqynu neud toysar köñülüğ tebrätgäli umaz...* (BUYZ XIV 177, 14) «...сколько бы ни возникало дурных мыслей, они не могут заставить сердце шевелиться...»; (б) ...*alqu saqynulartyn ertip qylmaqsyz jorymaqsyz adyrşyşyz tebräñusiz uynşu tegmä ertük teg kertü töztä köñüllärin turyurmaq ornarmaq jemä qajü erür tip tisär...* (Suv 286–20) «...если спросить, каким же является преодоление (букв. минувя) всех своих желаний и утверждение своих помыслов на подлинной основе, какой называется бездеятельная, неподвижная, неизменная и непоколебимая абсолютная сущность...»

Интерес также представляют примеры, в которых аффикс *-lar* употреблен и при наличии числительного, что является невозможным для многих тюркских языков:

...*bu iki uluy jaylyqlar bu qamay ///yynua ikägü barua bütä teginmiş erdi...* (Hüen. V14 8–11) «...эти два больших павильона были полностью отстроены до прибытия всех /участников/ собора...»

Можно предположить, что подобное употребление числительного и аффикса *-lar* — следствие того, что текст является не оригинальным, а «переводным».

Категория принадлежности представляет собой совокупность форм, объединенных одним общим для всех членов этой совокупности значением «грамматической принадлежности», но различающихся формоизменительными значениями грамматического лица [1, с. 133]. В отечественной тюркологии традиционно считалось, что данная категория имеет значение «реальной», конкретной принадлежности [5, с. 73]. Под «реальной принадлежностью», по всей вероятности, понимается отношение личной собственности: когда один предмет является собственностью другого предмета. Однако фактический материал древнеуйгурского языка позволяет сделать предположение, что формы исследуемой категории способны выступать в качестве морфологических средств передачи не только так называемой «реальной принадлежности», но и «принадлежности в широком грамматическом смысле» [6, с. 43]. Рассматриваемая категория в древнеуйгурском языке представлена следующими личными показателями: *-(y)m* (а), *-η* (б), *-(s)y* (в), *-(y)myz* (г), *-(y)nyz(lar)* (д), *-lary* (*-sy*) (е).

(а) ...*örün köpükümin sauar men...* (ThS II 30) «...я брызжу белой пеной...»;
(б) ...*isig özümüzni üztürdün ersär...* (Suv 3, 9–10) «...если ты погубил нашу жизнь...»;
(в) ...*senin isig öz alymuylaryn...* (Suv 5, 16–17) «...те, кто отнимают твою жизнь...»;
(г) ...*kim sizlärnin ayyzynyzlarda bu muntay türlü edgü sav ešidgäli...* (БТТ IX 0–2 р 16–18) «...услышал у вас такие вот разнообразные хорошие слова...»; (д) ...*šila aditi ilig bäg /ig/ ordu qapuyuna jaqyn tegdüktä ötrü ilig beg jgrmi uluy nomuy baqlylar birlä utru цньр ордуқа кигьрър олууртды...* (Hüen. V 9–15) «...когда они приблизились к воротам дворца правителя Шиладиты, правитель вместе с двадцатью выдающимися учеными — знатоками закона — вышел навстречу, ввел (их) во дворец и усадил...»;
(е) ...*kim ularnyñ tapuyyylary udmaqlary az-u jma jaña kötürgülär...* (Hüen. V 13–14) «...когда они вместе со слугами, прибыв верхом на слонах...».

Большой интерес вызывает и проблема происхождения форм принадлежности. До сегодняшнего времени на этот вопрос нет однозначного ответа. Существует точка зрения, в соответствии с которой личные показатели 1-го и 2-го лица единственного, а иногда и множественного числа являются редуцированными формами личных местоимений. Эти аффиксы восходят к предикативным показателям, а предикативные показатели — к личным и лично-указательным местоимениям [7, с. 76]. По другой версии, личные показатели в формах принадлежности происходят от формы родительного падежа личных местоимений. Процесс сокращения (редуцирования) форм родительного падежа личных местоимений 1 и 2-го лица происходил по-разному. Местоимение 1-го лица, утратившее самостоятельное ударение, стало терять составляющие его звуки с конца, вследствие чего сохранился лишь начальный звук */m/*, ставший основной морфемой принадлежности 1-го лица; местоимение же 2-го лица, сокращаясь от начала к концу, сохранило конечный */η/* в качестве соответствующей морфемы в форме принадлежности [8, с. 7–10]. Однако с данной версией сложно согласиться, поскольку вероятнее всего показатель родительного падежа возник намного позже, чем показатели принадлежности, о чем говорит сравнительно-исторический анализ тюркских языков [9, с. 96].

Категория склонения в древнеуйгурском языке состоит из совокупности падежных форм. *Падежной формой* следует считать форму имени, местоимения или

любой субстантивированной части речи, которая появляется в зависимости от отношения этих слов к другим словам в предложении [1, с. 148]. У исследователей сложились различные представления о количестве падежных форм в древнеуйгурском языке. В отечественной тюркологии одни исследователи отмечают присутствие *семи* падежных форм в древнеуйгурском языке: основной (или прямой), винительный, инструментальный, местный, исходный и притяжательный (или родительный) [10, с. 32–37]. Другие исследователи полагают, что в древнеуйгурском языке следует рассматривать *девять* падежных форм — основную, родительный, дательный, дательно-направительный, винительный, местный, исходный, инструментальный и сравнительный [11, с. 40]. В западной тюркологии традиционно рассматривают *восемь* падежных форм в древнеуйгурском языке, а именно: родительный (Genitiv), дательный (Dativ), винительный (Akkusativ), местно-исходный (Lokativ-Ablativ), исходный (Ablativ), инструментальный (Instrumental), экватив (Äquativ) и направительный (Direktiv). К тому же к числу падежей причисляют и форму имени, обозначая ее как неопределенный падеж (Kasus indefinites) и утверждая, что данная форма является именем с нулевым окончанием и выполняет функцию как именительного падежа, так и неопределенной формы имени [12, р. 86–89]. Западные исследователи более позднего периода отмечают присутствие двенадцати падежей: именительного (nominative), родительного (genitive), винительного (accusative), дательного (dative), местного (locative), исходного (ablative), инструментального (instrumental), экватива (equative), направительного (directive), разделительно-местного (partitive-locative), уподобительного (simulative) и комитативного (comitative) [4, S. 182]. На основании проведенного исследования фактического материала древнеуйгурского языка автором были выделены восемь падежных форм: родительный, винительный, дательный, местный, исходный, инструментальный падежи, экватив и направительный падеж. Автором принимается точка зрения, согласно которой в древнеуйгурском, как и в некоторых других тюркских языках, отсутствует форма «основного», или «именительного», падежа. Традиционно считалось, что данная форма в тюркских языках не имеет специального падежного показателя и представляет собой основу имени, при этом является смысловым эквивалентом винительного падежа, выражая объект действия [10, с. 32]. Также считалось, что эта форма представляет собой основную, исходную, словарную форму существительного, способную употребляться в функции любого члена предложения и противостоящую всем остальным падежам как падеж подлежащего [13, с. 17]. Однако, опираясь на разграничение таких понятий, как «значение» и «смысл», можно увидеть, что «под призванием основной “формы” передавать разнообразные связи следует понимать не наличие у нее значения, несущего в себе информацию о таковых, а способность выражать в речи в качестве смыслов и такие предметные связи, которые передаются посредством некоторых конкретных падежных форм (участие предмета в притяжательной связи в качестве обладателя, быть объектом прямого, непосредственного воздействия или обстоятельством какого-либо события)» [14, с. 107]. Сама же форма не сигнализирует о передаче каких-либо связей, что свидетельствует об отсутствии так называемого нулевого падежного показателя. Следовательно, «с функциональной точки зрения неаффиговое существительное не имеет отношения к категории склонения и, следовательно, в турецком языке отсутствует и именительный, или основной падеж (нет аффикса — нет и формы или категории)» [14, с. 107].

Материал памятников дает возможность убедиться в том, что существительное без показателя не сигнализирует о передаче каких-либо связей, в которые вступает предмет. В нижеприведенных примерах неаффигированные существительные скорее представляют собой часть «устойчивых» выражений с глагольными формами, которые сложились в древнеуйгурском языке в момент создания памятников:

...*munday bu adunusuz jazuq jazyntymyz ersär...* (Chuast B 35) «...если мы совершили такой неискупимый грех...»; ...*bir aj uaqšapat tutmaq kergäk erdi...* (Chuast L 129) «...было необходимо соблюдать месячный обет воздержания...»; ...*neud javlaq saqynu saqynur biz...* (Chuast L 137) «...сколько у нас несправедливых мыслей (букв. сколько ужасных дум мы думаем)...».

Родительный падеж в древнеуйгурском языке выражает принадлежность одного предмета или явления другому предмету или явлению. В памятниках форма родительного падежа образуется следующими показателями: *-нуң, -ниң (а); -уң, -иң (б)*.

(а)...*iki köziniң ülgüsi...* (Suv 46, 18) «...величина его обоих глаз...»; (б)...*qatunun bir tapuуu kyzy...* (Chuast L 621–15) «...одна служанка госпожи [Катун]».

Винительный падеж выступает как морфологическое средство указания на то, что предмет, называемый основой, воспринимается автором высказывания как объект прямого воздействия. В древнеуйгурском языке форма винительного падежа представлена следующими показателями: *-уу, -иг, -у, -үг (а); -ну, -ни (б)*, в редких случаях *-ау (в); -у, -г, -н (г); -уң, -иң (д); -ну, -ни (е)*.

(а)...*bu savlaryу ešidip ol törütä jyуylmyš qamay kišilär adyntylar...* (Suv 16, 17) «...услышав эти слова, все люди, собравшиеся на этой церемонии, удивились...»; (б)...*any otaju utayaj...* (Man I 15, 8) «...[они] не смогут его вылечить...»; (в)...*tyнlyуay turalyуay... neud qorqytdymyz ürkädimiz ersär...* (Chuast. 35–37) «...сколько ни пугали мы... живые существа...»; (г)...*ojma er oylanyn kišisin tutuy urupan...* (ThS II, 43) «...азартный человек поставил в качестве залога свою родню...»; (д)...*örün köpükümin sauar men...* (ThS II 30) «...я брызжу белую пену...» (букв. Я брызжу белой пеной); (е)...*jüzünni...* (BTT XIII 02, 4–6) «...твое лицо...».

Форма дательного падежа является одной из многозначных форм в древнеуйгурском языке и представлена следующими показателями: *-qa, -kä; -a, -ä, -ḡa, -ḡä*. Фактический материал памятников показывает, что данный падеж выражал направленность действия в прямом и переносном смысле (а), а также время протекания действия (б).

(а)...*uluyqa kiuiḡkä tegi...* (Chuast L 87) «...от мала до велика (букв. вплоть до старых и малых)...»; (б)...*bir jylqa elig kün aryу dintarua vušanti olursuq törü bar erdi...* (Chuast L 115) «...был закон [совершать], подобно истинным манихейцам, пятьдесят дней в году [совместное] сидение-трапезу...».

Форма местного падежа в древнеуйгурском языке сигнализирует о том, что предмет является либо местом, точкой или пространством (а), в котором происходит какое-либо событие, либо моментом или временным отрезком (б), в течение которого происходит событие [1, с. 92]. Форма местного падежа в древнеуйгурском языке образуется следующими показателями: *-ta, -tä; -da, -dä*.

(а)...*teginusiz tamuta...* (Suv 99, 14) «...в аду, куда не следует попадать...»; (б)...*ötrü bütär bir jylta alty käšinlär saqyşy...* (Suv 589, 18) «...затем в одном году завершается счет шести кешинам [отрезкам времени в два месяца]...».

Форма исходного падежа, так же как и формы дательного и местного падежей, многозначна. Данная форма сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является объектом, от или из которого направлено действие (а), или объектом, сквозь который совершается действие (б). Форма исходного падежа в древнеуйгурском языке представлена следующими показателями: *-tyn, -tin, -dyn, -din*.

(а) ...*qara nomlartyn jyraq kesip jürün nomlaryy tutmaqqa tajanyr*... (Suv 302, 14) «...удаляясь от неправедных учений и опираясь на принятие праведных учений...»; (б) ...*uusuz qydyysyz uluy emgäklig taluj ögüztin keürüp*... (Suv 430, 7) «...переправив через безграничный, большой океан горестей...»

Следует отметить, что форма исходного падежа является новообразованием, поскольку отдельный показатель зарегистрирован лишь в древнеуйгурских памятниках. Что же касается более раннего периода, то в языке древнетюркских рунических памятников функцию формы исходного падежа брала на себя форма местного падежа.

Форма инструментального падежа сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является либо орудием (материалом), с помощью которого совершается действие, либо тем предметом, совместно с которым совершается действие [9, с. 82]. Форма инструментального падежа в древнетюркском языке представлена следующими показателями: *-yn, -in*.

...*saqynuyyn sözin qylynuyyn on türlüq suj jazıq qyltymyz ersär*... (Chuast L 41) «...если мы совершим десять различных грехов и прегрешений мыслью, словом и делом...».

Форма экватива (квантитативного падежа) [1, с. 94–96] сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является объектом, (а) с которым сравнивают или (б) которому уподобляют другой предмет. Форма экватива в древнеуйгурском языке представлена следующими показателями: *-ua, -ud*.

(а) ...*any negülük munua keu kelürtünjüzlär*... (Suv 13, 8) // «...почему вы привели его так поздно?»; (б) ...*bir jylqa elig kün arıy dıntarua vuřanti olursuq törü bar erdi*... (Chuast L 115) «...был закон [совершать], подобно истинным динтарам, пятьдесят дней в году [совместное] сидение-трапезу...».

Форма направительного падежа сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является объектом, к которому направлено действие. Данная форма падежа в древнеуйгурском языке представлена следующими показателями: *-yaru, -gärü, -naru, -ñarü*.

...*tebäsinärü barmış*... (ThS II–V) «...он отправился к своим верблюдам...»; ...*beg er jontynyaru barmış*... (ThS II–V) «...бек отправился к своему табуну коней...»

В результате проведенного исследования материалов памятников древнеуйгурского языка были обнаружены примеры лексикализации направительного падежа. Это те случаи, в которых аффикс падежа присоединяется не к основе имени существительного, а к основе имени числительного *bir*. Здесь, скорее всего, приобретается смысл, который отображает совместность.

...*birlä birgärü etildi*... (Hüen. VIII: 0082) «...вместе совершаются...»; ...*birgärü men jämä*... (BTT XIII 46.8.6) «...вместе я также...».

Категория вторичной репрезентации (гипостазирования). В древнеуйгурском языке существуют формы, которые представляют то или иное мыслительное содержание в образах предмета, признака или обстоятельства. Следует полагать, что речь идет о предполагаемом окказиональном (т.е. осуществляемом эпизодически,

при наличии коммуникативной потребности) сопряжении отдельных лексем или сложных значений, репрезентируемых в речи словоформами, с классифицирующими значениями предметности, качественности, обстоятельственности, в результате чего передаваемое с помощью слов или словоформ мыслительное содержание предстает в образах предмета, признака или обстоятельства [1, с. 104]. Иными словами, предполагается, что функционирование таких форм сопровождается стандартными мыслительными операциями по преобразованию одной семантики в другую [1, с. 104]. Следует отметить, что в традиционной тюркологии аффикс *-ki* рассматривался в сфере словообразования, как аффикс, образующий «от существительных, местоимений... прилагательные, обозначающие предметы, которым что-либо принадлежит, которые являются местом чьего-нибудь пребывания» [3, с. 108–109; 6, с. 39]. В древнеуйгурском языке категория вторичной репрезентации представлена формой, образуемой при помощи показателя *-ki/-qu*, который может присоединяться непосредственно к основе слова (а), а также и к основе с аффиксом местного падежа (б).

(а) ...*jükünür biz kin keligmä ödki majtri atlyy burqan qutyña*... (ВТТ II–14) «...мы поклоняемся благодати Будды по имени Майтри, который относится к эпохе после явления [Будды Шакаямуни]...»; (б) ...*бу ögüztäkilär*... (Hüen.V8–10) «...обитающие в трех реках...»

Особый интерес представляют случаи сочетания деепричастия *-r ärkän/-maz ärkän* с показателем *-ki*. Подобные образования функционируют как «атрибутивные». Например: ...*anıulaju jemä algu nomlar toymaz erkänki köñül etmäk jaratmaq üzä ertmäz erip üzä oq qıruy yruy erür*... (BUYZ I 256–257) «...душа, существующая в то время, когда ни какое учение не рождается, не создается путем творения и созидания, а его собственное существо пусто и светится...» [15, с. 221].

Категория именной сказуемости. При описании данной категории следует указать, что под термином «сказуемость» следует прежде всего понимать способность морфологической формы или категории выражать какое-либо конкретное мыслительное содержание в форме суждения [1, с. 106]. Традиционно категория сказуемости трактовалась как совокупность финитных форм, в которых лексемы именных классов (т.е. существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения и предикативы) выступают в высказываниях в функции сказуемого [16, с. 16–21]. Автором принимается точка зрения, что как в современном турецком, так и в древнеуйгурском языке именная категория сказуемости включает в себя более частные категории, каждая из которых представляет собой совокупность финитных форм, объединяемых общим модальным значением — изъявительной, субъективной и условной модальности [1, с. 134]. Следует отметить и то, что и в древнеуйгурском языке, и в других тюркских языках глагольная категория сказуемости более распространена, нежели именная. В древнеуйгурском языке следует выделять несколько подкатегорий именной сказуемости — подкатегорию времени (индикатива), субъективной оценки и условия. Две последние подкатегории часто трактуются как модальности [1, с. 115]. В данной статье автор остановился на рассмотрении только подкатегории времени. Частная именная подкатегория времени в древнеуйгурском языке представлена формами настоящего и прошедшего времени. Именная подкатегория настоящего времени представляет собой форму, состоящую из основы имени + личное местоимение (основа имени + *män*, основа имени + *sän*, основа имени + *biz*,

основа имени + *siz*, основа имени + *ol*). Судя по зарегистрированным примерам, чаще встречается именная сказуемость с личным местоимением третьего лица единственного числа *ol* (а). Следующими по частотности оказываются случаи использования личного местоимения первого лица единственного числа *män* (б). Однако автором диссертационного исследования были также зафиксированы и более редкие примеры с местоимением второго лица единственного числа *sän* (в), с местоимением первого лица множественного числа *biz* (г) и с местоимением второго лица множественного числа *siz* (д):

(а) ...*anua bilijlär: edgü ol!*... (ThS II–III) «...так знайте: это хорошо!...»; (б) ...*ala atlyy jol täñri män*... (ThS II–II) «...я Бог судьбы, [разъезжающий] на пегом коне...»; (в) ...*antay tip ynua sözlädi uluy kbulüg sän tegin*... (BTT XIII 3, 1, 9) «...затем они вот так вот молвили: принц, ты великий и могучий...»; (г) ...*artuq sevinulig biz*... (BTT IX 141. 1) «...мы весьма радостные...»; (д) ...*antada basa šakimuni täñri täñrisi burqannuñ bir körmiškä baqšym siz tip jinurь jьkьnpь savur taplap tojyn bolur vazanpat edgüsinä tegdi*... (BTT IX 56, 3–5) «...затем будда, повинувшись Будде Шакьямуни со словами “Вы мой наставник”, поклонялся, полюбил, стал монахом и постиг благодать...».

Именная подкатегория прошедшего времени представляет собой форму, состоящую из основы имени + глагол *er-* («быть») в форме прошедшего категорического времени *-dy* + личный показатель. В ходе исследования автором были выявлены следующие формы прошедшего времени именной сказуемости:

...*nizvanysyz erdilär*... (Suv. 8, 24) «...они были бесстрашными...»; ...*kimlär erti*... (Suv. 1, 6) «...кто были...»; ...*öñrä ažunta qan erdiniz*... (Hüen. 0430–0431) «...в прошлом перерождении Вы были ханом...»; ...*añsyz eni artuq edgü ertim*... (BTT IX 15–16) «...я был совершенно спокоен и весьма счастлив...».

На основании сопоставления с формами простого прошедшего времени глаголов можно воспроизвести следующую парадигму форм прошедшего времени именной сказуемости:

	ед.ч.	мн.ч
1-е л.	ertim~ erdim	ertimiz~ erdimiz
2-е л.	ertiñ~ erdiñ	ertiñiz(lär)~ erdiñiz(lär)
3-е л.	erti~ erdi	erti(lär)~ erdi(lär)

В процессе обработки фактического материала автором статьи была обнаружена весьма интересная форма *qy-a*:

...*näkül öñisi syuyan qy-a işiu xu-a üzä aqtynyp sumir tayqa aqtynmaq alp ermäz ermiš timäkdä*... (Hüen. VIII 15, 18–21) «...в чем состоит его отличие от мыши, которая, взобравшись на цветочный горшок, скажет: оказывается, нетрудно взойти на гору Сумеру...».

Словоизменительный показатель *qy-a*, вероятно, можно отнести к формам, в которых отражены свойства предметов иметь малые размеры. Соответствующие словоформы передают информацию не только о размерах предметов, но и, вероятно, выражают отношение говорящего к описываемому явлению. Традиционно подобные формы именуются уменьшительно-ласкательными, однако, как представляется, в данном случае речь, скорее, идет о форме, которую следует включить в категорию субъективной оценки. Возникает справедливый вопрос, входят ли в данную катего-

рию еще какие-либо формы или же ее следует признать одночленной категорией. На данном этапе автор считает: для того чтобы сделать какие-либо выводы, необходимо большее количество примеров, а данная форма встречается достаточно редко в материалах памятников.

Итак, в статье были рассмотрены *пять* именных словоизменительных категорий, которые удалось выделить на основании фактического материала древнеуйгурского языка: *категория множественности, категория принадлежности, категория склонения, категория вторичной репрезентации (гипостазирования) и категория именной сказуемости.*

Литература

1. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 144 с.
2. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л.: Наука, 1980. 258 с.
3. Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1974. 101 с.
4. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Boston, 2004. 575 p.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 570 с.
6. Севортян Э. В. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 37–41.
7. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Наука, 1977. 192 с.
8. Акбаев Ш. Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. С. 7–10.
9. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Изд-во восточной литературы, 1986. 301 с.
10. Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М., 1963. 124 с.
11. Кондратьев В. Г. Очерк по грамматике древнетюркского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 65 с.
12. Gabain A. V. Alttürkische Grammatik. Leipzig: Otto Harrasowitz, 1950. 373 S.
13. Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 1: Грамматические категории имени существительного. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 99 с.
14. Гузев В. Г. Словоизменение существительных в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 92–114.
15. Телицин Н. Н. Инфинитные формы глаголы в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 179–230.
16. Севортян Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 16–21.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Передня Александра Дмитриевна — аспирант; alexisse@yandex.ru

Perednya Alexandra D. — post-graduate student; alexisse@yandex.ru

*О. И. Редькин***ФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА ТЕКСТОВ
И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСТОТНОСТИ СЛОВ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ¹**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Хотя проблема формирования корпуса текстов на материале индоевропейских языков, включая русский, сравнительно хорошо разработана, в отношении других языков, прежде всего арабского, она далека от своего окончательного решения. В статье рассматриваются проблемы и возможные решения при построении арабского корпуса текстов на базе материала из Интернета и других доступных источников, а также принципы отбора данных. В статье также приведены результаты формирования частотного словаря арабского языка, список наиболее распространенных арабских слов с их частотной индексацией. Библиогр. 6 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: Арабский язык, корпус, компьютер, данные, обработка, частотность, словарь.

**FORMATION OF TEXT CORPUS AND FREQUENCY DEFINITION FOR
THE WORDS IN THE ARABIC LANGUAGE: PROBLEMS AND SOLUTIONS***O. I. Redkin*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Although the problem of formation of corpus on the material of the Indo-European languages, including Russian, is comparatively developed in relation to other languages and particularly Arabic, it is far from its final solution. The article deals with the problems and solutions for building the Arabic corpus, based on the material from the Internet and other available sources, and identifies the principles of data selection. The article also considers the results of formation of frequency dictionary of Arabic, as well as peculiarities of the Arabic phonology, morphology and script. Besides, the article studies some peculiarities of the stress in Arabic. The article is supplied with a list of the most common Arabic words with their frequency indexing. Refs 6. Tables 1.

Keywords: Arabic, corpus, computer, data, proceeding, frequency, dictionary.

Корпусная лингвистика является одним из наиболее актуальных направлений общего языкознания, о чем свидетельствуют публикации, посвященные данной проблематике, и результаты состоявшихся в последнее десятилетие научных конференций, а также публикаций в периодических журналах и сети Интернет [1–3]. Проблема формирования корпусов текстов давно перестала носить чисто теоретический характер, но имеет также и большое практическое значение в таких областях, как социолингвистика, лексикография, историческая лингвистика, психолингвистика [4], а также в разработке поисковых систем в сети Интернет [5] и ряде других областей.

Хотя методика формирования корпусов текстов на материале индоевропейских языков, в том числе и русского, в значительной мере разработана в отношении других языков, в частности арабского, она далека от окончательного решения. Несмотря на формирование в последние годы корпусов текстов на различном материале, в частности на базе текста Корана, что имеет большое научное значение, как спра-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00425.

ведливо отмечает М. А. Мансур, арабский мир «не располагает арабским лингвистическим корпусом, сопоставимым с английским» [1, р. 81].

В значительной мере это объясняется тем, что многие решения, эффективные при обработке материала европейских языков с алфавитным письмом, богатой парадигмой словообразования и четко выраженными на графике границами слов, оказываются малопригодны для восточных языков с иероглифической письменностью, а также языков, письменность которых хотя и построена на алфавитном принципе, однако не всегда позволяет четко маркировать границы между словами, где критерии выделения слов могут трактоваться по-разному.

Хотя в корпусной лингвистике, как правило, рассматриваются базы данных, созданные на основе письменных текстов, существует и принципиальная возможность формирования корпусов на базе устного материала, что важно для бесписьменных языков и весьма актуально, например, при исследовании арабских диалектов. Использование в указанных целях звучащей речи осложняется тем, что обработка акустического материала затрудняется в силу наличия помех (так называемых шумов), а также редуцированным характером реализации акустических элементов, например, опущением окончаний и т. д., что является следствием действия общелингвистического принципа экономии артикуляционных усилий; при этом неполнота реализации устных текстов компенсируется синхронным экстралингвистическим контекстом, использовать который и учитывать при анализе записи в дальнейшем в большинстве случаев не представляется возможным. Меньшая степень использования акустического материала объясняется, скорее, недостаточным развитием методики регистрации таковых и сложностью их дальнейшей обработки, нежели игнорированием такого рода источника.

В целом причины, обуславливающие сложности сегментации письменных и устных текстов, во многом сходны, и в их основе лежат особенности структуры арабского языка, уже первое знакомство с которыми показывает если не невозможность использования методов, применяемых при анализе индоевропейских языков, то необходимость серьезной корректировки имеющегося инструментария или разработки новых подходов.

Как и любой другой, арабский текст представляет собой сложно структурированную линейную последовательность графических единиц или, в случае его устной реализации — последовательность фонем, а также суперсегментных элементов. Сегментация компонентов осуществляется как на основе формальных признаков — пауз в основном тоне в случае обработки устного текста, а также интервалов, которые являются формальными маркерами границ между словами письменного текста, — так и на основе чисто лингвистических критериев. Хотя существует набор критериев, позволяющих на первый взгляд успешно сегментировать текст, вместе с тем, как показывает практика, при обработке арабского материала все не выглядит столь однозначным.

Так, в случае акустического текста единство слов как произносительных комплексов в значительной мере определяется наличием единого ударения. Однако даже предварительный инструментальный анализ показывает, что в арабском языке демилитативная функция ударения не столь ярко выражена, как в других языках, в арабском, скорее, имеет место комбинация двух типов ударения — количественного и силового. При этом гласный ударенного слога, являющийся своего рода его

ядром, выделяется как за счет пролонгации, так и динамических характеристик (амплитуды колебаний), на что указывают, в частности, данные осциллографического анализа.

С проблемами, связанными с сегментацией текста, приходится иметь дело и при анализе письменных текстов, где использование таких формальных показателей, как интервалы между графическими элементами, оказывается недостаточно эффективным. Среди факторов, затрудняющих сегментацию арабского письменного текста, следует назвать наличие значительного числа слитных предлогов, частиц и трансфиксов, равно как и слитное написание определенного артикля, различные варианты написания одних и тех же графем в зависимости от их положения в слове.

В случае оптической обработки письменных текстов и их распознавания исследователь сталкивается и с такими проблемами, как наличие лагун в графике, а также шумов (например, дефектов бумаги, значительной дисперсии диакритических знаков, степени наклона графических символов, их нечеткой реализации, повреждений).

К сказанному следует добавить значительные отличия, существующие между диалектными текстами и текстами на арабском литературном языке, что является частным проявлением ситуации, получившей более полувека тому назад название диглоссии [6].

Имеют место также и различия между текстами из различных регионов арабского мира, равно как и между текстами, относящимися к определенным хронологическим периодам развития арабского языка, например, доисламскому, классическому, современному. Следует учитывать и тематическую маркированность арабского лингвистического материала, спектр которой весьма широк и простирается от сакральных текстов до предельно функционального и упрощенного стиля электронной коммуникации, например, текстов электронной почты или sms-сообщений. Наконец, реальность такова, что исследователи нередко имеют дело со «средним» языком, представляющим собой смесь местной разновидности диалекта и литературного языка. Проблему осложняет и нерешенность ряда теоретических положений общей лингвистики, в частности критериев понятия слова.

В упрощенном виде алгоритм создания корпуса выглядит следующим образом.

На первом этапе осуществляется морфологическое аннотирование текстов с последующим формированием тезауруса для данного текстового массива; следующий блок текстов получает аннотирование уже в автоматизированном режиме путем сопоставления словоформ текста со словоформами тезауруса; новые словоформы вручную заносятся в текст с необходимой разметкой и аннотированием. Последовательность данных операций повторяется при обработке последующих массивов текстов.

Реализация каждого из данных действий требует решения ряда как теоретических, так и сугубо практических задач. Так, одним из основных условий является перевод корпуса текстов в цифровой формат с их последующей обработкой; маркированность текста в зависимости от его происхождения, тематики и иных формальных признаков, реализация действия поисковых запросов по грамматическим глоссам и т. д.

Новые компьютерные технологии и разработанные на их базе методики обработки лингвистического материала позволяют по-новому подойти к решению проблемы формирования корпусов текстов, а также создавать массивы текстов, кото-

рые можно использовать в ходе как теоретических изысканий, так и практических разработок. В частности, корпус текстов может быть подвержен различным видам дальнейшей цифровой обработки, одной из целей которой является частотный анализ языковых единиц, позволяющий выявить их разноуровневое актуальное распределение.

Методы формирования частотных словарей на примере материала арабского языка

Частотный анализ текстового материала, отобранного по определенному признаку, или иначе, корпуса текстов, широко применяется в самых разных отраслях научного знания, таких как лексикография; прикладная лингвистика; компьютерная лингвистика; социо- и психолингвистика, литературоведение и ряде других.

Анализ лексического материала предполагает учет таких показателей, как частотность вхождений словоформ и соответствующих им корней в текстовый материал, т. е. возведение словоформ к корневой основе и выделение списка приоритетных слов в зависимости от их индекса частотности.

Как и при формировании корпусов текстов, при определении индекса частотности используются получившие широкое распространение современные технологии цифровой обработки материалов естественных языков, что облегчает задачу формирования максимально репрезентативной выборки текстов для анализа частотного вхождения в них лексических единиц, однако многие из числа такого рода технологий оказываются не вполне эффективны применительно для арабского материала.

Компьютерные технологии и обработка арабского текста

Разработка и оптимизация принципов определения частотности вхождения лексических единиц в письменные тексты на арабском литературном языке включают в себя решение следующих задач:

- 1) сбор лексического материала в виде письменных текстов с их дальнейшей оцифровкой или использованием текстов в цифровом формате;
- 2) разработка принципов формализации лексических единиц и сведения их к словарной форме и корневой морфеме;
- 3) определение частотности вхождения лексических единиц в состав анализируемых текстов.

Рассмотрим методику составления частотного словаря словоформ на основе компьютерного процессинга арабского текста с целью определения частотности вхождения языковых единиц.

Определение индекса частотности арабской лексики было проведено на базе сформированного корпуса текстов на литературном языке, результатом проведенной работы было создание арабского частотного словаря. В анализируемый корпус текстов были включены фрагменты, имеющиеся в цифровом формате, либо переведенные в таковой после сканирования. Корпус включал различные по тематике тексты (общественно-политические, художественные, научные, учебные и т. д.), что позволило учесть максимально возможный инвентарь лексики и объективно оценить частотность ее использования, равно как и региональную маркированность.

В результате был сформирован корпус текстов объемом около одного миллиона лексических единиц, с оформлением в виде тематических разделов, что в дальнейшем может быть использовано для формирования специализированных тематических словарей.

Даже предварительный анализ показывает степень сложности классификации слов в зависимости от индекса частотности на базе значительных объемов лексики, что связано как с особенностями арабской графики, так и богатством арабской морфологической парадигмы, в рамках которой возможна реализация большого числа словоформ, производных от отдельно взятого корня.

Помимо возможностей слитного написания ряда частиц и предлогов, в арабском языке существует большое количество факультативно реализуемых графических символов — знаков для гласных, знаков геминии, знаков слитного произношения — васлы (ل вместо ل), знаков для долготы произношения алефа — мадды (ا вместо ا), а также некоторых согласных, например, хамзы (ه вместо ه, و вместо و, ى вместо ى, ا вместо ا), опущение в ряде случаев точек у конечного ي или «добавление» точек у конечного алифа максура — ي вместо ى. Список факультативных вариантов еще более расширится, если принять во внимание написание знаков, используемых при таджвидном чтении Корана, например, ط, ظ, ق, ك, ع, ف, указывающих на необходимость пауз и реализации других особенностей чтения.

Столь широкий спектр вариативности еще более увеличивает и без того значительное число потенциально возможных форм — дериватов от одного корня, количество которых нередко превосходит несколько тысяч. Так, для имен (масдаров, причастий, прилагательных, имен места и времени действия) это обусловлено наличием, как это было отмечено, элементов, пишущихся слитно в пре- или постпозиции к слову, а также инфиксов. С учетом факультативных вариантов написания, даже без учета различий в огласовках, число графических вариантов словоформ весьма велико. Так, например, насчитывается (без учета огласовок) 208 графических репрезентаций производных форм слова باب «дверь», а с наличием факультативных вариантов написания, но без учета омографов, соответствующих различным формам склонения, их число достигает 121.

Что касается глагольных форм, то число их еще более велико, чем именных, и обусловлено развитой системой глагольной парадигмы. В глагольной, как и в именной парадигме, помимо единственного и множественного числа, присутствуют также формы двойственного числа, а также пять наклонений. Так, только с учетом форм действительного залога общее число форм парадигмы правильного глагола достигает 166, а с учетом производных пород количество глагольных форм может доходить до нескольких тысяч единиц.

В ходе работы по определению индекса частотности словоформы возводились к словарной ячейке, для чего были созданы алгоритмы и на их основе макросы, позволяющие производить данную операцию. Наиболее успешно данная операция проходила с незначительным числом слов (до ста единиц), более значительные объемы лексики требовали большего объема времени и мощностей используемого оборудования.

В результате в ходе работы была использована комбинированная технология. Часть лексики возводилась к корневым морфемам в автоматическом режиме, а часть вручную. Как и следовало ожидать, вспомогательные слова и частицы ока-

Перечень ста наиболее употребительных лексем в арабском языке

№ п.п.	Лексема	Количество вхождений
1	و	43501
2	في	31047
3	من	24603
4	على	10767
5	أن	8716
6	التي	6999
7	إلى	5256
8	هذا	5001
9	ما	4851
10	عن	4818
11	ذي	4257
12	شمس	4095
13	هذه	4095
14	ان	3825
15	لا	3813
16	مع	3525
17	ذلك	3288
18	علي	3267
19	قمر	2856
20	هو	2799
21	الى	2580
22	كان	2484
23	كل	2463
24	خلال	2349
25	بين	2283
26	لم	2262
27	الله	2166
28	بعد	2139
29	قال	2091
30	كما	2073
31	أو	2046
32	عام	1274
33	أمير	3822
34	حيث	1830
35	هي	1773
36	إن	1659
37	قد	1659
38	كانت	1608
39	إلي	1566
40	مليون	1497
41	قبل	1422
42	لكن	1326
43	غير	1314

Продолжение таблицы

№ п.п.	Лексема	Количество вхождений
44	ولا	1287
45	مجلس	1230
46	بعض	1185
47	هناك	1155
48	تم	1149
49	شركة	1131
50	يا	1125
51	اليوم	846
52	يمكن	843
53	شركات	843
54	لها	831
55	مثل	819
56	أنا	810
57	شركات	807
58	قطاع	807
59	منها	804
60	أميركية	804
61	عامّة	792
62	أنت	786
63	ليس	783
64	مشروع	777
66	خاصة	774
67	دول	762
68	مما	759
69	اقتصادية	753
70	جميع	747
71	سوق	744
72	يكون	741
73	شركة	738
74	نعم	735
75	إلا	732
76	فيه	729
77	إذا	726
78	أنه	720
79	ثم	720
80	عراقية	720
81	أكثر	708
82	بما	708
83	وزارة	708
84	بن	696
85	عم	696
86	تي	693
87	عدد	690
88	به	681

Окончание таблицы

№ п.п.	Лексема	Количество вхождений
89	الي	681
90	منذ	678
91	قطاع	669
92	مساعد	669
93	كذلك	660
94	نحو	660
95	مشروع	654
96	زيادة	651
97	عربية	648
98	ماضي	648
99	ثاني	645
100	تابع	639

зались наиболее частотными. Одними из самых частотных оказались лексические единицы, имеющие нейтрально-стилистическую семантику, такие как شمس «солнце» и قمر «луна»², что весьма неожиданно. Отмечена и корреляция индекса частотности лексики с текущими политическими событиями (частотность топонимов и этнонимов, повторяемых в новостях: مبارك «(президент) Мубарак»; إسرائيل «Израиль» и т. д.). Пропорциональное соотношение между наиболее часто встречающимися лексическими единицами и наиболее редко составляло 43 501 к одному.

Проведенная работа позволила идентифицировать у каждой лексической единицы ее корневую морфему и частотный показатель вхождения в состав рассмотренного текстового материала. Зависимости числа вхождений наиболее частотных лексем от тематики текстов отмечено не было.

При рассмотрении анализируемого массива текстов и спектра их тематики основной список наиболее частотных слов оставался практически неизменным. Таким образом, удалось выделить наиболее характерную лексику письменных текстов литературного арабского языка, имеющую универсальный характер, часть ее возвести к корневой основе.

Суммируя сказанное выше, следует отметить, что успешная разработка технологий автоматизированной обработки материала арабского, равно как и других восточных языков, требует объединения усилий как лингвистов-востоковедов, так и специалистов в области программного обеспечения.

² Показатели частотности вхождений ста наиболее употребительных словоформ представлены в таблице.

Литература

1. AbdelRaouf A., Higgins C. A., Pridmore T., Khalil M. Building a multi-modal Arabic corpus (MMAC) // International Journal on Document Analysis and Recognition. 2010. Vol. 13 (Dec., 2010), N 4. P. 285–302.
2. Haslina H., Mat D. N., Atwell E. S. Connectives in the World Wide Web Arabic Corpus // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 21 (Special Issue of Studies in Language Teaching and Learning). P. 67–72.
3. Kilgarrieff A., Rundell M., Dhonnchadha E. U. Efficient corpus development for lexicography: building the New Corpus for Ireland // Language Resources and Evaluation. Vol. 40, N 2 (May, 2006). P. 127–152.
4. Mansour M. A. The Absence of Arabic Corpus Linguistics: A Call for Creating an Arabic National Corpus // International Journal of Humanities and Social Science. Vol. 3, N 12 (Special Issue — June 2013). P. 83–84.
5. Hammo B., Abuleil S., Lytinen S., Evens M. Experimenting with a Question Answering System for the Arabic Language // Computers and the Humanities. Vol. 38, N 4 (Nov., 2004). P. 397–415.
6. Ferguson Ch. Diglossia // Word. 1959. N 15. P. 325–340.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Редькин Олег Иванович — доктор филологических наук, профессор; oleg_redkin@mail.ru
Redkin Oleg I. — Doctor of philological sciences, Professor; oleg_redkin@mail.ru

М. О. Смирнова

БАЗОВЫЕ ТЕРМИНЫ ТИБЕТСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Первые тибетские грамматические сочинения посвящены преимущественно описанию фонологии и грамматики тибетского языка. Однако для тибетской грамматической традиции не характерно выделение таких традиционных для западной лингвистики разделов, как фонология, морфология и синтаксис. Базовые термины тибетской грамматической традиции *yi ge*, *ming*, *tshig* и *brjod pa* представляют собой обозначения первичных единиц разных языковых уровней. В статье «Базовые термины тибетской грамматической традиции» дается общая характеристика этих четырех терминов; рассматриваются их значения, соответствующие грамматическому терминологическому полю; приводятся санскритские эквиваленты. Анализ использования и толкования терминов проводится на основе первых тибетских грамматических трактатов «Сумчупа» (тиб. *Sum cu pa*) и «Тагкичжупа» (тиб. *Rtags kyi 'jug pa*), авторство которых традиционно приписывается тибетскому советнику царя Сонгцэн Гампо (VII в.) — Тхонми Самбхоте, и одних из наиболее важных комментариев к ним — «Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу» (тиб. *Mkhas mchog si tu'i zhal lung*) Нгулчу Дхармабхадры (тиб. *Dngul chu dharma bha dra*, 1722–1851), комментария неизвестного автора «Драгоценный венок благих изречений» (тиб. *Sum rtags gzhung mchan legs bshad nor bu'i phreng ba*, XVIII/XIX вв.), «Ясное зеркало — введение в тибетскую грамматику» (тиб. *Bod kyi brda sprod rig pa'i khrid rgyun rab gsal me long*) Келсанг Гьюме (тиб. *Skal bzang 'gyur med*) и некоторых других сочинений. Библиогр. 10 назв. Ил. 2. Табл. 1.

Ключевые слова: история языкознания, тибетский язык, тибетская лингвистическая традиция, тибетская грамматическая терминология.

BASIC TERMS OF THE TIBETAN GRAMMATICAL TRADITION

М. О. Smirnova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

First Tibetan grammatical treatises mainly described phonology and grammar of the Tibetan language. Nevertheless it is not typical of the Tibetan grammatical tradition to emphasize such traditional for the Western linguistics subdisciplines as phonology, morphology and syntax. Basic terms of the Tibetan grammatical tradition — *yi ge*, *ming*, *tshig* and *brjod pa* denote basic units of different language levels. The article provides a general description of these four terms; describes their meanings within grammatical terminological field; points out their Sanscrit equivalents. The article also describes the use and interpretation of these terms by Tibetan grammarians. The article refers to the first Tibetan grammatical treatises “Sum cu pa” and “Rtags kyi 'jug pa”, attributed to the adviser of the king Srong btsan sgam po (VII c.) — Thon mi Sambhoṭa, and some of their most important commentaries — “Mkhas mchog si tu'i zhal lung” of Dngul chu dharma bha dra (1722–1851), anonymous commentary “Sum rtags gzhung mchan legs bshad nor bu'i phreng ba” (XVIII/XIX cc.), “Bod kyi brda sprod rig pa'i khrid rgyun rab gsal me long” of Skal bzang 'gyur med and some other works. Refs 10. Figs 2. Tables 1.

Keywords: history of linguistics, the Tibetan language, the Tibetan linguistic tradition, Tibetan grammatical terminology.

Для тибетской грамматической традиции, берущей свое начало с трактатов «Сумчупа» (тиб. *sum cu pa*) и «Тагкичжупа» (тиб. *rtags kyi 'jug pa*), авторство которых приписывается тибетскому советнику царя Сонгцэн Гампо (VII в.) — Тхонми

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Тибетская грамматическая традиция» (11-34-00227a1).

Самбохте, не характерно выделение таких традиционных для западной лингвистики разделов, как фонология, морфология и синтаксис. Базовые термины тибетской грамматической традиции *yi ge*, *ming*, *tshig* и *brjod pa* представляют собой обозначения первичных единиц разных уровней.

Термином *yi ge* в тибетской грамматической традиции обозначаются элементарные единицы первичного языкового уровня. Данный термин определяется авторами трактата «Сумчупа» как наиболее важный, «основа»² остальных базовых терминов. Термин является исходным для описания не только в первой части грамматики «Сумчупа», но используется и в других частях трактата.

Согласно «Большому тибетско-китайскому словарю» термин *yi ge* имеет четыре значения, два из которых принадлежат грамматическому терминологическому полю. В соответствии с первым определением под данным термином может пониматься как звук (фонема), так и знак (графема)³. Второе определение термина *yi ge* скорее указывает на понятие графического знака⁴.

Американский исследователь Р. Э. Миллер, подробно изучавший исходные трактаты «Сумчупа» и «Тагкичжупа», а также некоторые комментарии к ним и другие грамматические сочинения, переводит данный термин как «фонема». Такой перевод не находит противоречия в содержании трактата. В исходной грамматике сказано, что *yi ge* «бывают двух видов — гласные и согласные. Гласные — это четыре явно обозначенные [огласовками]⁵, *i* и другие. Согласных — тридцать»⁶. Следует отметить, что к согласным (тиб. *kā li*) в тибетском языке относятся 30 согласных фонем в сочетании с гласной *a* (например, *ka*).

² *ming tshig brjod pa kun gyi gzhi//*
yi ge'i sbyor ba bshad par bya//
'Объясню [правила] соединения букв —

Основу всех слов, словосочетаний и предложений' [1, шлока 6].

³ *ming dang/ tshig dang/ rjod pa thams cad kyi gzhi gyur pa zhiig ste/ skad kyi sgra gdangs kyi gzhi rtsa mtshon byed kyi brda/* — 'символ, выражающий основу звуков (*sgra gdangs*) языка — то, что стало источником всех *ming*, *tshig* и *brjod pa*' [2, 2563]. Следует отметить, что терминологический элемент *sgra* в составе *sgra gdangs* также является широко употребляемым термином в рамках грамматической традиции трактата «Сумчупа». Однако несмотря на то что основное значение терминов *sgra gdangs* и *sgra* 'звук', последний преимущественно используется в исходной грамматике и комментариях к ней в значении 'грамматический показатель'.

⁴ *tshig bar gyi dbar du yod pa'i ming dang phrad dang rnam dbye so sor ston byed kyi yig 'bru/* — 'буквы (*yig 'bru*), составляющие отдельные слова, частицы и падежные [показатели], имеющиеся в рамках [одного] слога' [2, 2563]. При этом термин *yig 'bru* 'буква' в свою очередь определяется следующим образом: *dbyangs gsal gyi yi ge so ste/ gzugs zhes par yig 'bru bzhi yod pa ltar ro/* — 'отдельные буквы — гласные и согласные подобно тому, как в *gzugs* (གཟུགས་) имеется четыре *yig 'bru* (*ga* ཀ, *za* ཁ, *u* ར, *sa* ལ་)' [2, 2568].

В соответствии с правилами чтения, первая и последняя графемы не произносятся. Таким образом, определение *yig 'bru* ближе всего к современному понятию графемы — минимальная единица графической системы языка (системы письма), обладающая тем или иным лингвистическим содержанием [3, с. 118].

⁵ Тиб. *gsal byed*. Как отмечает Р. Э. Миллер, термин *gsal byed* в контексте грамматического сочинения «Сумчупа» обозначает диакритику, т. е. графический знак или символ, отмечающий другой символ (в тибетском письме — корень слова). Вероятно, термин используется для указания на графическое различие гласных и согласных (гласные в тибетском письме обозначаются с помощью трех надстрочных знаков и одного подстрочного).

⁶ *yi ge ā li kā li gnyis [yin]// ā li gsal byed i sogs bzhi [yin]// kā li sum cu tham pa'o/* [1, шлока 7].

Рассмотрим пример типичного использования термина *yi ge* в трактате «Сумчупа»: «Что касается десяти конечных [графем], то к [ним], добавленным после какого-либо слова, добавляют четвертую гласную. Это известно как обобщение»⁷.

Исходя из примера можно предположить, что используя термин *yi ge*, авторы трактата подразумевают отсутствие гласной *a*⁸, иначе добавление в данном случае четвертой гласной *и* было бы невозможно. Однако, в соответствии со словарным значением термина, здесь может подразумеваться графическое добавление, т. е. добавление дополнительного знака нижней огласовки для гласной *и* (гласный *a* не обладает в тибетской графике самостоятельным символом).

Трактовать термин *yi ge* как «графема» также можно только с некоторыми оговорками. Основная сложность заключается в том, что данный термин является ключевым и в описании фонетики. В соответствующей части комментария тибетского ученого Ситу Махапандиты (тиб. Karma si tu gtsug lag chos kyi snang ba, Si tu mahāpaṇḍita, 1700–1774) и комментария неизвестного автора под названием «Драгоценный венок благих изречений» (тиб. Sum rtags gzhung mchan legs bshad nor bu'i phreng ba, XVIII/XIX вв.) термин *yi ge* используется для описания классификации звуков тибетского языка.

Помимо *yi ge*, в комментариях встречается его сокращенная форма *yig*, обладающая таким же значением. Данный термин используется для обозначения не только конкретных согласных и гласных, но и слогов тибетского алфавита. Тибетский ученый Нгулчу Дхармабхадра (тиб. Dngul chu dharma bha dra, 1722–1851) вслед за комментатором Ситу Махапандитой использует термин *yig* применительно к префиксу отрицания *mi*. Этим же термином Ситу Махапандита обозначает словообразовательную морфему *to*. Более поздний комментатор, автор «Драгоценного венка благих изречений», использует термин *yig* для конечной частицы общего вопроса *Am*.

Таким образом, можно предположить, что термин *yi ge* в зависимости от контекста может соответствовать письменному знаку (графеме), звуку и слогу — открытому, закрытому, либо представленному одной гласной.

На основе анализа сочинения Чжамьян Шепы I (тиб. 'jam dbyangs bzhad pa I) (1648–1721) — «Краткий обзор главных аспектов санскрита под названием “Самосвобождение от железных оков на шее”» (тиб. legs sbyar gces pa'i gnad bsdu mgrin pa'i lcags sgrogs rang grol) [5, p. 157] П. К. Верхаген приходит к выводу о том, что в тибетской лингвистической традиции термин *yi ge* был многозначным. Чжамьян Щепы приводит три санскритских эквивалента для термина *yi ge* — *akṣara*, *vya jana*, *varṇa* [5, p. 256]. Первый термин *akṣara* обозначает 'слог' — либо гласную, либо сочетание одной или нескольких согласных с гласной. Грамматическое значение второго термина *vyañjana* — 'согласная', что в тибетской традиции эквивалентно термину *gsal byed*. Третий термин *varṇa* используется в индийской традиции в значении 'фонема' [5, p. 257].

⁷ rjes 'jug yi ge bcu po ni/ ming gang gi ni mthar sbyar ba/ de la ā li bzhi pa sbyar/ slar bsdu bar ni shes par bya/ [1, шлока 13].

⁸ Так в индийской традиции для удобства произношения в сутрах слоги (согласный+ «a») являлись символическим обозначением соответствующих согласных звуков [4, с. 184]. Однако, несмотря на то, что трактат «Сумчупа» составлен в стихах и рассчитан на запоминание, отдельные согласные звуки там не перечисляются, называется лишь номер согласной в соответствующем ряду алфавита.

Термин *yi ge* является термином категории, в отличие от *yig*, который используется для называния конкретных членов категории⁹. На первом уровне классификации *yi ge* делятся на гласные и согласные, обозначенные двумя заимствованными санскритскими терминами — *ā li* и *kā li*¹⁰. Данные термины имеют тибетские эквиваленты — *dbyangs* ‘гласная’ и *gsal byed* ‘согласная’. Все последующие термины, обозначающие различные уровни классификации, включают термин *yi ge* и относятся, таким образом, к терминам-словосочетаниям.

Сводная классификация *yi ge* на основе грамматики «Сумчупа», комментария «Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу» (тиб. *Mkhas mchog si tu'i zhal lung*) Нгулчу Дхармабхадры и комментария «Драгоценный венок благих изречений» представлена на рис. 1.

Следует отметить, что данная классификация не является идеальной и полной: выделение категории '*jug pa'i yi ge* предположительно¹¹; категория *sngon'jug gi yi ge* ‘начальные графемы’ входят в категорию *rjes 'jug gi yi ge* ‘конечные графемы’, поскольку все начальные графемы также являются и конечными; не представлены категории подписных (тиб. *'dogs can yi ge*) и надписных графем (тиб. *mgo can yi ge*), в то

⁹ В большинстве случаев в трактате «Сумчупа», комментарии Нгулчу Дхармабхадры, а также комментарии «Драгоценный венок благих изречений» термин *yi ge* используется для обозначения различных категорий графем. Термин *yig* в исходной грамматике не используется. В комментариях он встречается преимущественно в сочетании с конкретными буквами или слогами (*u yig, nga yig, tam yig* и др.). Один раз термин используется для обозначения категории гласных (*dbyangs yig*) в комментарии Улчу Дхармабхадры.

¹⁰ Два непереведенных на тибетский язык санскритских термина, не известные ни источникам по санскритской грамматике, ни индотибетским каноническим текстам. В «Махавьютпатти» *ā li* переведено как «небольшая траншея, канал» [6, p. 127]. Также эти термины неизвестны тибетско-санскритскому словарю Цэрин Вангьяла (тиб. *tse ring dbang rgyal*), в котором, однако, приводится полный список всех возможных тибетских эквивалентов *gsal byed* ‘согласная’ и *dbyangs* ‘гласная’ [6, p. 127]. Р.Э. Миллер и П.К. Верхаген считают, что эти термины тесно связаны с тантрической традицией. В своих трудах исследователи указывают тантрические буддийские тексты, где встречаются *ā li* и *kā li*.

П.К. Верхаген отмечает, что при рассмотрении фонологии санскрита термины *ā li* и *kā li* были использованы в трудах «Введение [для] детей» (тиб. *byis 'jug*) Сонам Цэмо [5, p. 58] и «Светильник, [освещающий] словосочетания — выразителей [смысла]» (тиб. *rjod byed tshig gi sgron me*) Долпопа Шераб Гьялцэна (тиб. *dol po pa she rab rgyal mtshan*) (1292–1361/2) [5, p. 90]. Сочинение «Введение [для] детей», главной целью которого является обучение произношению мантр, связано с тантрической традицией [5, p. 262].

Р.Э. Миллер приводит в пример сочинение «Садханамаала» (санскр. *Sādhana-mālā*), где термины *ā li* и *kā li* применяются как часть «мнемонического жаргона» (выражение Р.Э. Миллера) последователей школы Ваджраяна (санскр. *Vajrayāna*), которые использовали эти термины для характеристики мантр [6, p. 138].

Р.Э. Миллер и П.К. Верхаген утверждают, что для тантрической традиции характерно обширное использование противопоставлений. Рассматривая дихотомию *ā li* — *kā li* (гласная-согласная), Верхаген связывает ее с противопоставлением мужского и женского начал. Мужское начало — *irāya* ‘средство, метод’, женское — *prajñā* ‘высшее познание, интуиция’ [7, с. 30]. В тантрической традиции *ā li* ассоциируется с *prajñā*, а *kā li* — с *irāya* [5, p. 265]. Подобная связь раннего тибетского грамматического текста с тантрами, по мнению Миллера, неудивительна, учитывая тантрический характер тибетского буддизма и индийской культуры, известной Тибету.

Термины *ā li* и *kā li* вошли в книгу «Грамматика и словарь буддийского гибридного санскрита» Франклина Эджертон. В ней автор переводит *ā li* как «а-циклы (а и другие гласные) — название последовательности слогов, используемых как магическая формула в “Садханамаале”». Также и для *kā li*, которые он описывает как «ка-циклы (ка с гласной) — название последовательности слогов, начинающихся с ка», опять же ссылаясь на «Садханамаалу» [6, p. 138].

¹¹ Категория '*jug pa'i yi ge* ни в одном из анализируемых текстов не выделяется. Согласные, относящиеся к данной категории, сразу делятся на подвиды третьего уровня.

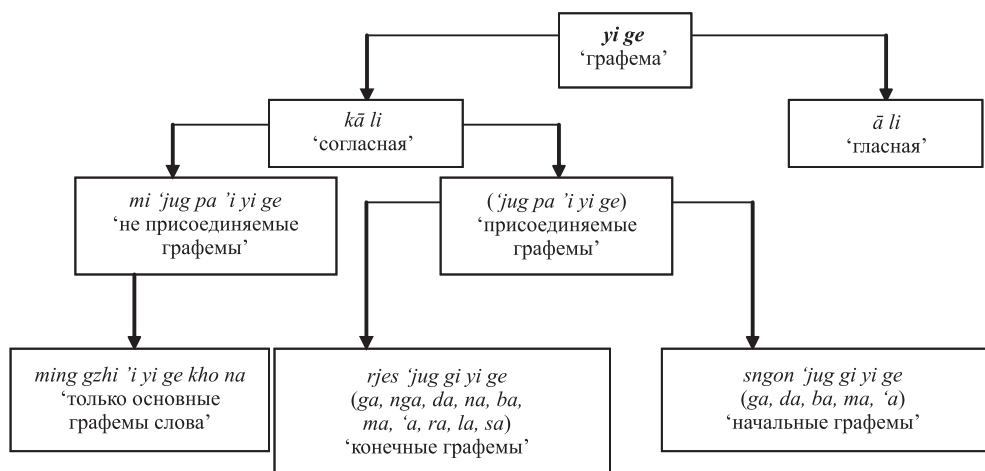

Рис. 1. Сводная классификация *yi ge*.

время как некоторые из них влияют на произношение слога. Кроме того, категория *mi 'jug pa'i yi ge* 'графемы, не употребляющиеся [ни в передней, ни в задней частях слога]', представлена только одним членом третьего уровня — *ming gzhi'i yi ge kho na* 'только основные графемы [слога]'. Все терминологические сочетания, включающие базовый термин *yi ge*, в большинстве случаев используются без него не только в исходной грамматике «Сумчупа» — для достижения краткости и сохранения стихотворного размера¹², но и в комментариях¹³. В связи с этим можно говорить о стремлении терминологии к краткости, что в данном случае не противоречит критерию точности.

Терминологическое сочетание *ming gzhi'i yi ge kho na* 'только основные графемы [слога]' в сравнении с большинством терминов, которые являются двухсложными, выглядит несколько громоздко. Отчасти это связано с тем, что разделение согласных графем в данной классификации происходит по двум признакам (по способности добавления к основным графемам, по графическому расположению в слоге). Это препятствует использованию термина *ming gzhi*, поскольку основной графемой

¹² *de las rjes 'jug bcu yin te//*
de las lnga ni sngon du'ang 'jug//
mi 'jug pa ni nyi shu'o//

['Из согласных] конечных — десять;

Что касается пяти из этих [конечных], [то они] употребляются еще и в передней [части слога].

Что касается не употребляющихся [ни в передней, ни в задней частях слога, то их] двадцать' [1, шлока 8].

¹³ *gong du sngon 'jug lnga zhes bshad pa de gang zhe na/ rjes 'jug yi ge bcu po de dag nyid las/ dang po ga/ gsum pa da/ lnga pa ba/ drug pa ma/ bdun pa 'a rnam yin* — 'Если говорить об этом [упомянутом] выше [пояснении] начальных [графем], то среди самих десяти конечных [графем] [начальными] является первая *ga*, третья *da*, пятая *ba*, шестая *ma*, седьмая *'a*' [8, с. 159].

В комментарии «Драгоценный венок благих изречений», где пояснения вставляются непосредственно в текст исходной грамматики, уточняя в том числе и термины трактата «Сумчупа», термины-категории также используются преимущественно без компонента *yi ge*: *de lta bu'i su la sogs bdun po 'di dag gis rnam dbyer 'jug byed ming gzhi rnam ky i mthar 'jug pa'i phyir [...]* — 'Так как эти семь [показателей] — подобные *su* и другие — употребляются после [того, что следует за] основными [графемами] [...]' [9, 5b³–5b⁴].

слова может быть любая согласная тибетского алфавита, и без уточнения термин мог трактоваться как ложноориентирующий¹⁴.

Следует отметить, что все термины второго и третьего уровней классификации обладают свойством дефинитивности. Терминоэлементы, составляющие термины данных уровней, отражают все необходимые признаки понятия, без обращения к дефиниции. Тем не менее комментаторы дают им определения. Так, Нгулчу Дхармабхадра поясняет термин *rjes 'jug* следующим образом:

kā li de dag la dbye na rjes su 'jug pa bcu dang/

‘Если разделять эти только что объясненные согласные [на виды], то употребляющихся в задней [части слога графем] — десять’ [8, с. 157].

Кроме двух терминоэлементов исходного термина *rjes 'jug*, другие значимые слова в дефиниции не используются, что и позволяет отнести *rjes 'jug* к дефинитивным терминам. В комментарии «Драгоценный венок благих изречений» приводится другое определение термина:

sum cu de las ga sogs rjes 'jug gi mtha' rten pa'i yi ge bcu yin te/

‘Из тех тридцати — конечных [графем], на [которые] опирается край [слога], *ga* и других — десять’ [9, 2a⁴–2a⁵].

Однако термин *sngon 'jug* в комментарии «Драгоценный венок благих изречений» объясняется с использованием его терминоэлементов и также относится к дефинитивным. Для объяснения терминов исходной грамматики неизвестный автор комментария «Драгоценный венок благих изречений» вводит синонимы терминов *rjes 'jug* и *sngon 'jug* — *phul 'jug* и *phul byed* соответственно. Однако ни в трактате «Сумчупа», ни в комментарии Нгулчу Дхармабхадры эти термины не используются.

Объяснение терминологического словосочетания *ming gzhi kho na* ‘только основные [графемы] слова’ в комментариях не использует его терминоэлементы. Чаще всего в качестве объяснения используется его синоним *mi 'jug pa'i yi ge* с теми или иными вариациями, например:

sngon rjes gnyis kar mi 'jug pa ni ka sogs ming gzhi kho na ste nyi shu'o/

‘Что касается не употребляющихся ни в начале, ни в конце [слога], то это *ka* и другие — исключительно основные [графемы слога] — [и их] двадцать’ [9, 2a⁵].

Для классификации согласных графем используется термин *sde* ‘ряд’¹⁵. Данный термин представляет интерес, поскольку в комментариях к исходной грамматике он используется как часть термина-символа¹⁶. В качестве первого терминоэлемента может использоваться начальная согласная одного из рядов тибетского алфавита (например *ka sde*), и тогда термин будет обозначать весь соответствующий ряд (*ka*, *kha*, *ga*, *nga*). Следуя санскритской модели описания¹⁷, этот термин также используется в комментарии Ситу Махапандиты и комментарии «Драгоценный венок благих из-

¹⁴ Термин, мотивированность которого осознается, что может препятствовать его правильному пониманию [10, с. 64]

¹⁵ Согласные графемы группируются в исходном сочинении в ряды (семь с половиной рядов (тиб. *sde*) по четыре графемы в каждом). Санскритский эквивалент термина *sde* — *varga* ‘класс, группа’ [5, p. 216].

¹⁶ Термин, в состав которого входит буквенный или числовой символ и слово. Разновидность сложных терминов, выделенная В.П. Даниленко [10, с. 62].

¹⁷ В санскрите словом *varga* могут обозначаться категории согласных фонем по месту образования. Например: *ca-varga* ‘класс *ca*’ (ряд палатальных согласных, начинающийся с *ca*: *ca*, *cha*, *ja*, *jha*, *ña*), *ta-varga* ‘класс *ta*’ (ряд дентальных согласных, начинающийся с *ta*: *ta*, *tha*, *da*, *dha*, *na*).

речений» в значении ‘класс [согласных фонем]’ для описания фонетики тибетского языка.

Минимальная значащая единица в тибетской традиции обозначается термином *ming* ‘[значимое] слово’ (санскр. *prātipadika*) [5, p. 220]. Несмотря на широкое использование термина, его дефиниция не приводится ни в исходном трактате, ни в рассматриваемых комментариях. С помощью данного термина описывается состав означающего и грамматическая семантика различных служебных морфем и лексем: «Что касается десяти конечных графем, то к [ним], добавленным после какого-либо слова, добавляют четвертую гласную. [Это] известно как обобщение»¹⁸.

Неграмматическое значение термина *ming* — «имя». В грамматическом значении термин обозначает любую часть речи, в том числе и глагол. Так, в вышеприведенном примере описана конечная частица повествовательного предложения *O*, которая чаще всего стоит после финитной формы глагола.

Однако при комментировании данной *шлоки* комментаторы уточняют текст исходной грамматики. В соответствии с рассматриваемыми комментариями конечная частица повествовательного предложения *O* (тиб. *slar sbdu ba; rdzogs tshig*) употребляется после *ming* и *tshig*.

Как самостоятельный термин *tshig* (санскр. *pada*) [5, p. 220] многозначен. Он может обозначать слова, употребленные с каким-либо грамматическим показателем¹⁹. В отличие от *ming*, который «обозначает суть смысла» (значение), *tshig* передает «специальный смысл»²⁰. Последнее является главным свойством понятия, обозначаемого термином *tshig*. Таким образом, с помощью термина *tshig* может называться любое слово или сочетание слов в речи.

Основываясь на толковании терминов *ming* и *tshig* в «Большом тибетско-китайском словаре», можно предположить наличие между ними противопоставления как между единицами, одна из которых передает значение слова, а другая — смысл. Таким образом, *ming* обозначает минимальную двухстороннюю языковую единицу, включающую означающее и означаемое, и коррелирует с термином «монема»²¹. В акте коммуникации несколько *ming* образуют *tshig*, посредством которого передается смысл.

Ни в исходной грамматике, ни в комментариях к ней не приводится дефиниции термина *tshig*. Несмотря на то что во вступительной части грамматики «Сумчупа» он используется в значении одного из уровней базовых единиц языка, в основной — грамматической части сочинения — как самостоятельный термин *tshig* не

¹⁸ *rjes 'jug yi ge bcu po ni/ ming gang gi ni mthar sbyar ba/ de la ā li bzhi pa sbyar/ slar bsdu bar ni shes par bya* // [1, шлока 13].

¹⁹ *ming gang zhig phrad dang rnam dbye gang rung dang ldan pas don gyi khyad par ston pa tshig yin/* — ‘Когда слова обладают какими-либо частицами или падежными показателями, они являются словосочетаниями, выражающими специфическое значение (смысл)’ [2, 2265].

²⁰ *ming dang tshig gnyis/ don gyi ngo bo ston pa ming ste/ [...]* *don gyi khyad par ston pa tshig ste/ ri mthon po/ ngas bshad/ khyod kyis nyan lta bu'd/* — ‘[из] двух — *ming* и *tshig*, *ming* указывает на сущность смысла, а *tshig* указывает на специальный смысл’ [2, 2096].

²¹ Минимальная инвентарная двусторонняя единица языка, состоящая из двух взаимосвязанных абстрактных образов, абстракций: 1) означающего, представляющего собой обобщенный образ речевого знака, и 2) означаемого (значения, семантемы), представляющего собой обобщенный образ какого-либо класса элементов материального или воображаемого мира (т.е. вещей, свойств или отношений).

Употребление терминов *ming* и *tshig* в трактате «Сумчупа» и комментариях «Драгоценный венок благих изречений»,
«Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу»

Служебная лексема или морфема	«Сумчупа»	«Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу»	«Драгоценный венок благих изречений»
конечная частица повествовательного предложения <i>O</i>	ming gi mthar 'после слова'	ming tshig gang gi mthar 'после какого-либо слова или словосочетания'	ming tshig gang dang gang gi ni mthar 'после какого-либо слова или словосочетания'
служебные лексемы <i>na</i> , <i>la</i> , <i>Ti</i> , выражающие предметные связи дательного-местного характера	ming mtha' na 'в конце слова'	ming gi mtha' na 'в конце слова'	ming gi mtha' na 'в конце слова'
служебная лексема <i>KYi</i> , выражающая предметные связи определительного характера		ming gnams la 'при словах'	ming gang yang rung bar 'при подходящем слове'
служебная лексема <i>KYi</i> s, выражающая предметные связи эргативного характера			
формант уступительного деепричастия / усиительная частица <i>Yang</i>			
формант деепричастия <i>STe</i>		ming tshig gang gi mthar 'после какого-либо слова или словосочетания'	
конечная частица общего вопроса <i>Ai</i>			ming tshig gang rung gi mthar 'после какого-либо подходящего слова или словосочетания'
служебные лексемы <i>nas</i> , <i>las</i> , выражающие предметные связи исходного характера			

Служебная лексема или морфема	«Сумчупа»	«Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу»	«Драгоценный венок благих изречений»
междометие <i>kye</i>	gang ming brjod pa'i dang po ru 'перед тем как сказать какое- либо слово'	ming brjod pa'i thog mar 'перед тем как сказать слово'	ming brjod pa'i dang po ste thog tu 'перед тем как сказать слово — до [него]'
выделительная частица <i>ni</i>	gang ming mtha' dang mthun pa yī 'в соответствии с концом слова'	ming tshig gi mtha' dang mthun par 'в соответствии с концом слова или словосочетания'	ming gi mtha' dang mthun par 'в соответствии с концом слова'
соединительный союз <i>dang</i>	ming gang rung ba'i bar mt- shams su 'между подходящими словами'	ming tshig gang yang rung ba'i bar mt- shams rnam su 'между подходящими словами или словосочетаниями'	ming gang yang rung ba'i bar mtshams su 'между подходящими словами'
указательное местоимение <i>de</i>	gang ming gi ni ya mtha' ru 'перед каким-либо словом'		ming gi ni ya mtha' ste thog ma ru 'перед словом — до [него]'
вопросительное, относительное, не- определенное местоимение <i>gang</i>	gang ming brjod pa'i dang po ru 'перед тем как сказать какое- либо слово'	ming brjod pa'i dang por 'перед тем как сказать слово'	ming brjod pa'i dang po ru 'перед тем как сказать слово'
формант именной формы глагола и словообразовательная морфема <i>ra</i>	gang ming gi ni ma mtha' na 'в конце какого-либо слова'	ming gi ma mtha' rnam su 'в конце слова'	ming gi ni ma mtha' na 'в конце слова'
префикс отрицания <i>ma</i>	gang ming brjod pa'i ya mtha' na 'перед тем как сказать какое- либо слово'	ming brjod pa'i ya mtha' ste thog mar 'перед тем как сказать слово — до [него]'	ming brjod pa'i ya mtha' ste thog ma 'перед тем как сказать слово — до [него]'

употребляется. Это может быть связано с тем, что разные части трактата «Сумчупа» составлялись в разное время, и, вероятно, неграмматическая часть — выражение почтения — является более поздним добавлением, тогда как во время составления основной части грамматики процесс терминологизации слова *tshig* не был завершен, и он использовался в основном как терминоэлемент.

Подтверждением этому может служить и приведенный выше пример уточнения комментаторами текста исходной грамматики с помощью термина *tshig*. В трактате «Сумчупа», как правило, говорится о том, что служебная лексема или морфема должна употребляться после подходящего слова (тиб. *ming*). В остальных случаях указания о месте употребления служебных лексем или морфем опускаются. Авторы рассматриваемых комментариев уточняли место их использования (таблица).

Из таблицы можно сделать вывод, что единая система употребления термина *tshig* отсутствовала, кроме того, сложно восстановить рациональную основу выбора, когда служебная лексема или морфема, по мнению комментаторов, добавляется к *ming*, а когда к *tshig*²². Вероятно, данную сложность можно объяснить многозначностью описываемых служебных лексем и морфем.

В сочинении XX в. «Ясное зеркало — введение в тибетскую грамматику» (тиб. Bod kyi brda sprod rig pa'i khrid rgyun rab gsal me long), написанном Келсанг Гьюрме (тиб. Skäl bzang 'gyur med), продолжающем традицию трактата «Сумчупа», описывается гораздо больше функций той или иной служебной лексемы или морфемы. В каждом конкретном случае автор грамматики указывает на место ее употребления. К *ming* и *tshig* добавляется еще один элемент — место использования служебных лексем и морфем — *rnam dbye rjes su*, букв. 'после [частицы, выражающей значение] падежа' [8, с. 132]. Это может свидетельствовать о продолжении процесса терминологизации слова *tshig*.

Последний базовый термин, рассматриваемый в данном разделе — *brjod pa* (санскр. *vākyā*) [5, р. 219], — также не употребляется в основном тексте исходной грамматики «Сумчупа» и встречается только во вступительной части, которая, скорее всего, является более поздним добавлением. В комментариях термин употребляется в основном в неграмматическом значении. В качестве термина для обозначения единиц последнего языкового уровня (предложений) он встречается лишь в комментарии «Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу», где только указывается, что «благодаря буквам возникают слова, благодаря словам — словосочетания, благодаря словосочетаниям — предложения»²³. Вероятно, в период составления исходной грамматики и рассматриваемых комментариев, процесс терминологизации *brjod pa* был не закончен.

²² Это особенно важно, учитывая связь комментариев. Как комментарий Нгулчу Дхармабхадры составлялся на основе сочинения Ситу Махапандиты, так и неизвестный автор комментария «Драгоценный венок благих изречений» использовал при составлении своей грамматики труды Нгулчу Дхармабхадры и Ситу Махапандиты. Текст некоторых частей сочинений полностью совпадает, что свидетельствует о традиции приемственности между комментариями. Несмотря на то что при описании употребления показателей Нгулчу Дхармабхадра использует термин *tshig* четыре раза, а неизвестный комментатор — два, употребление термина совпадает только при описании конечной частицы.

²³ *spyir yi ge las ming dang/ ming las tshig dang/ tshig las brjod pa 'byung ba* [8, с. 151].

Тони Дафф, составитель электронного «Тибетско-английского энциклопедического словаря “Озаряющий”», указывает, что главное отличие понятия, выражаемого термином *tshig* от понятия, выражаемого термином *brjod pa*, заключается в том, что с помощью последнего выражается смысл, который может быть передан в акте коммуникации, тогда как первое понятие такой достаточный для передачи смысл не выражает. Подтверждение этой точки зрения в рассматриваемых комментариях отсутствует.

Схема базовых единиц языка, представленных в исходной грамматике и рассматриваемых комментариях, представлена на рис. 2.

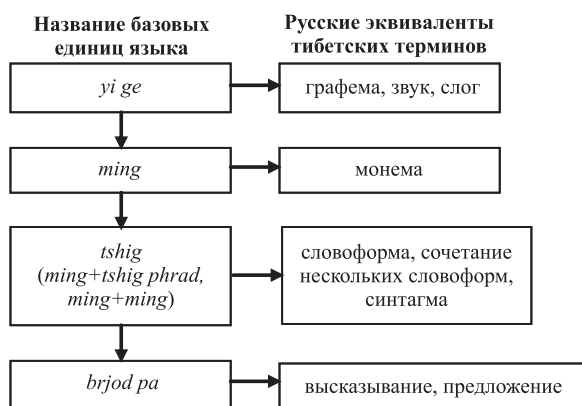

Рис. 2. Базовые единицы языка и их русские эквиваленты.

Таким образом, из приведенной схемы видно, что однозначным является только термин *ming*. Остальные термины обладают несколькими грамматическими значениями. Кроме того, в рассматриваемых сочинениях они также использовались как слова общей лексики.

Литература

1. lung ston pa rtsa ba sum cu pa zhes bya ba // A. Rona-Tas. Wiener Vorlesungen zur Sprach- und Kulturgeschichte. Wein: Universitat Wein, 1985. S. 264–276.
2. Bod rgya tshig mdzod chen mo. Beijing: Mi rigs dpe skrun khang, 1985.
3. Большой энциклопедический словарь. Языковедение. 2-е (репринтное) изд. лингвистического энциклопедического словаря. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
4. Тавастийерна С. С. Становление и развития лингвистической традиции в Древней Индии: дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2008. 193 с.
5. Verhagen P. C. A history of Sanskrit grammatical literature in Tibet. Assimilation into Indigenous Scholarship. Vol. II. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 353 p.
6. Miller R. A. Studies in the grammatical tradition in Tibet. Amsterdam: John Benjamins, 1976. 143 p.
7. Туччи Д. Религии Тибета. СПб.: Евразия, 2005. 416 с.
8. yul gangs can gyi skad kyis brda sprod pa'i bstan bcos sum cu pa dang / _rtags kyi 'jug pa'i rnam bshad mkhas mchog si tu'i zhal lung zhes bya ba bzhuks so / Sarat Chandra Das. An introduction to the grammar of the Tibetan language. Delhi: Motilal Banarsidass, 1983. P. 1–36.

9. sum rtags gzhung 'chan legs bshad nor bu'i phreng ba zhes bya ba bzhugs so // Bacot J. Les slokas grammaticaux de Thonmi Sambhota. Paris: F. W. Thomas and C. Toussaint, 1928. P. 109–141.

10. *Гринев-Гриневич С. В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Смирнова Мария Олеговна — соискатель; 2321781@mail.ru

Smirnova Maria O. — post-graduate student; 2321781@mail.ru

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

М. Ю. Илюшина

АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МАМЛЮКСКОГО ЕГИПТА В БЕРЛИНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье представлен обзор арабских источников по истории мамлюкского Египта (XIII–XVI вв.), имеющих в рукописном собрании Берлинской государственной библиотеки. Наряду с широко известными хрониками и энциклопедиями упомянуты неопубликованные сочинения, некоторые из них описаны более подробно, приводится перевод отрывков из двух рукописей по фурусии. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: арабские рукописи, мамлюки, Египет.

ARABIC SOURCES ON THE HISTORY OF EGYPT UNDER MAMLUKS AT THE MANUSCRIPT'S DEPARTMENT OF THE BERLIN STATE LIBRARY

M. Yu. Iliushina

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The manuscript's department of the Berlin State Library covers a wide range of different sources. Some of them are of particular interest. The article includes a description of unpublished anonymous work "A book of purls". The first part of this *Book* is a brief history of *Bahri* sultans (1250–1382), in the second part one can find some practical legal advice, while the third is a panegyric, written especially for sultan Barquq (1382–1399). An ingenious *urjuza* on the mamluk sultans was composed by Shams al-Din Khatib in the period of rule of sultan Barsbay (1422–1438) and then continued by a nephew of Shams al-Din Khatib, Muhammad al-Ba'uni in two more *urjuza*'s. The "threlogy" is an autograph of Muhammad al-Ba'uni, written in the third quarter of 16th century. In a work titled "The sun of Magrib" of Badr al-Din al-Damimini (1362–1425) there are copies of documents and letters giving some information not mentioned in well-known chronicles. Some treaties on *furusyya* are described and partly translated. The most important ones are unpublished texts, which have not been studied before. Refs 13.

Keywords: arabic manuscripts, mamluks, Egypt.

Коллекция арабских рукописей в Берлинской государственной библиотеке — одна из самых крупных в Европе. Она насчитывает несколько тысяч томов, часть из них до сих пор не описана в опубликованных каталогах. Более 600 манускриптов составляют старый фонд собрания. К числу самых ранних приобретений

(1677–1682) относятся 30 рукописных томов с сочинениями на арабском и других восточных языках из коллекции кенигсбергского ученого-лингвиста Теодора Петерауса (1630–1672). Сто арабских рукописей поступило в библиотеку в 1817 г. по завещанию прусского дипломата и библиофила Фридриха фон Дица (1751–1817). Более двух тысяч арабских манускриптов было приобретено у немецких ученых Й. Г. Вецштайна (1815–1905) и Ю.-Г. Петерманна (1801–1876), которые много лет провели на Востоке. Крупное собрание — 1140 томов — продал библиотеке австрийский ориенталист А. Шпренгер (1813–1893) в 1857 г. [1, S. V–VI; 2, S. 11].

Среди сочинений по истории и географии Египта в рукописной коллекции Берлинской государственной библиотеки есть работы таких известных авторов, как 'Абу-ль-Фида (1273–1331)¹, аль-'Умари (1301–1348/1349)², Ибн Хальдун (1332–1406)³, Таки-ад-Дин аль-Макризи (1364–1442)⁴, Ибн Хаджар аль-'Аскалани (1372–1449)⁵, Ибн Тагри Бирди (1409/1411–1469/1470)⁶, 'Абд ар-Рахман ас-Сахави (1427–1497)⁷, Джалаль-ад-Дин ас-Суйути (ум. 1505)⁸, Шамс-ад-Дин аз-Захаби (ум. 1348)⁹, Халиль б. Шахин аз-Захири (1410–1468)¹⁰, Мухаммад Ибн Ийас (1448–1524)¹¹.

К числу менее известных трудов относится краткая хроника VII в. хиджры (XIII–XIV вв. н.э.), составленная аль-Бирзали (1260–1339)¹², его же продолжение «Садов...» («الروضتان في أخبار الدولتين»)¹³ 'Абд ар-Рахмана Абу Шамы (1203–1268)¹⁴, сочинение Мухаммада Ибн Шихны (ум. 1412), в котором дан обзор мусульманской истории от эпохи Мухаммада и праведных халифов до 1403 г.¹⁵ Мамлюкам Бахри¹⁶ (до султана Ша'бана (1363–1376) включительно)) посвящена «Жемчужина...» Бадр-ад-Дина б. Хабиба аль-Халляби (1311–1378)¹⁷. Этому же автору принадлежит работа, в которой более подробно рассмотрены события периода правления Калауна (1279–1290) и его преемников (до 1325)¹⁸. Сыну Калауна, ан-Насиру Насир-ад-Дину Мухаммаду (1294–1295; 1299–1309; 1309–1340), посвятил свой труд Шамс-ад-Дин аш-Шуджа'и аль-Мисри (ум. после 1349)¹⁹. Берлинская государственная библиотека располагает несколькими списками сочинения Ибн 'Абу Хаджаля (ум. 1374

¹ Mf. 77. تاريخ ابن كثير.

² Pm. 64. التعريف بالمصطلح الشريف.

³ Pet. 625, Spr. 28. كتاب العبر وديوان المبتدا والخبر وإيام العرب والعجم والبربر ومن عاصرهم من ذوي السلطان الاكبر.

⁴ Spr. 190–192, We. 1093, Mf. 450. Особый интерес представляет небольшой трактат по истории денег в халифате: Mo. 252, رسالة في معرفة النقود ووزنها.

⁵ Mf. 76, Pm. 736, Mf. 73. انباء الغمر بابناء العمر.

⁶ WE. 1. النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة. Spr. 189. حوادث الدهور في مدي الايام والشهور.

⁷ Spr. 27. ذيل السخاوي على تاريخ ابن كثير. We. 343. الاعلان بالتنبيه لمن ضم اهل التواريخ.

⁸ We. 1773, Mf. 1178, Ms. or. oct. 3941: كوكب الروضة. Стихи и рассказы, сведения различного характера об истории и географии острова Рода. Pet. 185, Mq. 654, 655. Ms. or. quart. 2104: حسن المحاضرة في تاريخ مصر القاهرة.

⁹ Ms. or. oct. 1438. تاريخ الاسلام.

¹⁰ Pm. 476. زبدة كشف الممالك.

¹¹ Mf. 1179. نشق الازهار في غرائب الاقطار.

¹² We. 288. تاريخ مختصر للمائة السابعة وما بعدها. Подробно о перечисленных выше источниках [см.: 3].

¹³ Сочинение 'Абу Шамы «Сады...» также имеется в коллекции рукописей Берлинской государственной библиотеки: We. 1893, WE. 127. الروضتان في أخبار الدولتين.

¹⁴ Spr. 60, 61. المنتخب من تاريخ علم الدين البرزالي.

¹⁵ WE. 185, F. 11–57. WE. 10, 1. F. 1–71. Pm. 642, We. 376. روض المناظر في علم الاوائل والواخر.

¹⁶ Подробнее о мамлюках Бахри и Бурджи (см. [4, с. 128]).

¹⁷ We. 344, Spr. 63. درة الاسلاك في دولة الاتراك.

¹⁸ Spr. 85. منتقى تذكرة النبیه في ايام المنصور وبنیه.

¹⁹ We. 7. كتاب تاريخ الملك الناصر محمد بن قلاوون.

или 1375) «Сахарница»²⁰, в котором наряду с самыми различными сведениями по истории и географии Египта перечислены все мамлюкские правители с 1250 по 1356 г. В отдельной главе представлены биография Насир-ад-Дина аль-Хасана (748–752/1347–1351; 755–762/1354–1361) и сообщения о других султанах-Калаунидах (Pet. 182. F. 19 a–41 a). Своеобразным дополнением к двум биографическим словарям ас-Сафади (1297–1363)²¹ служит составленный им же сборник собственной переписки под названием «Мелодии рифм...» (الحان السواجع بين البادئ والمراجع)²².

Одно из сочинений, авторство которых не установлено, посвящено султану Баркуку (1382–1399) и, очевидно, написано в самом начале его правления. Вводная часть работы, названной «Книга жемчуга...» (كتاب الدر النضيد في مناقب الملك الظاهر ابي سعيد)²³, содержит рассуждения о том, каким должен быть глава мусульманского государства, и стихи, восхваляющие Баркука. В первой главе перечислены мамлюкские султаны от 'Айбека (1250–1257) до ас-Салиха (1382), о каждом написано несколько слов, хотя в некоторых случаях названы только годы их пребывания на троне. Автор «Книги жемчуга...» дает краткую характеристику правления того или иного султана, иногда упоминает наиболее яркие эпизоды из его биографии. Вся история Бахритов проносится перед читателем в калейдоскопе дат, имен и событий: 'Айбек был убит своей женой; при аль-Мансуре (1257–1259) монголы взяли Багдад и убили аббасидского халифа, а всеми делами страны управлял Кутуз (1259–1260), который в 1259 г. сам стал султаном, победил монголов, потом он был убит Бейбарсом (1260–1277) — «самым благородным из всех тюркских властителей Египта» (F. 9 a). Аль-Малик ас-Са'ид (1277–1279) — продолжает повествование автор «Книги жемчуга...» — отказался от власти в пользу своего семилетнего брата Саламуша (1279), через пять месяцев и несколько дней Саламуша сместил Калаун, которому пришлось бороться с непокорным наместником Сирии, объявившим себя султаном, и пережить гибель собственного сына. Аль-'Ашраф Халиль (1290–1294) был убит в аль-Бухайре, эмиры провозгласили султаном Байдару, но мамлюки аль-'Ашрафа отомстили за смерть своего господина, отрубили Байдаре голову, насадили ее на копьё и пронесли по улицам Каира. С 1294 по 1295 г. правил ан-Насир Мухаммад. При Китбуге (1295–1299) цены выросли, и «сердца людей не были к нему расположены» (F. 11 a–11 b). Ляджи-на (1297–1299) убил один из его собственных мамлюков, и эмиры решили вернуть трон ан-Насиру Мухаммаду (1299–1309). При Бейбарсе аль-Музаффаре (1309) дела пошли совсем плохо, и власть опять передали ан-Насиру Мухаммаду (1309–1340), третий период правления которого был длительным и благополучным. После аль-Мансура 'Абу Бакра (1340–1341) султаном стал аль-'Ашраф Кучук (1341–1342), всеми делами при нем заправлял эмир Кусун, но его арестовали, а Кучука сместили. Аль-Малик ан-Насир 'Ахмад (1342) был осажден в Караке и убит своим братом 'Исма'илом (1342–1345), который был, как утверждает автор трактата, самым лучшим султаном из всех сыновей ан-Насира Мухаммада (F. 13 b). При аль-Камиле Ша'абане (1345–1346) вся власть находилась в руках его отчима, он «много времени

²⁰ Pet. 182, We. 406, We. 407, Spr. 19, Spr. 2004, We. 1860 (f. 43–59), We. 1860 (f. 60–79). كتاب السكردان.

²¹ Один из них, «Достаточный...» («الوافي بالوفيات»), включает в себя рассказы о выдающихся представителях мусульманской общины с о времен Пророка до XIV в., в другом («اعيان العصر واعوان النصر»), меньшем по объему, ас-Сафади сосредоточился на биографиях своих современников, значительно дополнив материал «Достаточного...» [5, p. 431–432].

²² We. 150 u. 151.

²³ WE 133.

проводил с людьми порочными, часто спускался ночью в город, совершал поступки, не приличествующие его положению, и был арестован» [F. 14 b]. Аль-Музаффара Хаджи (1346–1347) убил Тайбуга Рус, он же стал наместником при следующем султанине — ан-Насире Хасане (1347–1351). Правление Салиха (1351–1354) освещено чуть более подробно: автор «Книги жемчуга...» рассказывает о новых назначениях, которые получили эмиры, о восстании Тайбуги Руса в Алеппо, о походе Салиха в Дамаск и казни мятежников (F. 16 a). В 1354 г. под давлением эмира Шейху Салих был смещен, трон вернули ан-Насиру Хасану (1354–1361), но вся власть оставалась в руках Шейху. После смерти Шейху контролировать действия султана пытался эмир Сагартамуш, но он обладал меньшим авторитетом, и «слово ан-Насира Хасана снова приобрело вес» (F. 16 b). Ан-Насир Хасан приказал схватить Сагартамуша и сам стал править страной, но его сместил эмир Йалбуга, усадивший на трон аль-Мансура Мухаммада (1361–1363). Йалбуга с большим тщанием занимался делами государства, увеличил расходы на благотворительность, покупал новых мамлюков и заботился о подданных султана. Затем он устроил так, что султаном стал Ша'абан (1363–1376). В стране царили благополучие и порядок вплоть до смерти эмира Йалбуги²⁴. При аль-Мансуре 'Али (1376–1382) и его брате ас-Салихе Хаджи (1382) гарантом спокойствия и безопасности в султанате стал Баркук. «...Сердца подданных поднялись на вершину любви к нему» (F. 19 b), Хаджи был смещен и власть перешла к Баркуку (F. 7 b–20 a). Баркуку автор «Книги жемчуга...» посвящает довольно пространную хвалебную касыду (F. 20 a–24 a).

В следующей главе рассмотрены вопросы, связанные с практикой молитвы, поста, выплаты *закята*, паломничества, в том числе возникающие в случае, если паломник отправляется на охоту или продает раба, разбираются конкретные проблемы купли-продажи недвижимости, невольниц, некоторые спорные случаи из области семейного и наследственного права, а также вопросы, связанные с захватом пленных и проведением состязаний по стрельбе из лука, подробно разъясняются некоторые спорные ситуации, возникающие во время охоты (F. 24 a–38 a). В заключительной главе своей работы автор «Книги жемчуга...» снова помещает стихи, посвященные Баркуку, и с многочисленными ссылками на Коран и сунну приводит доказательства законности правления этого султана.

«Урджуза об истории халифов» (الارجوزه في تاريخ الخلفاء)²⁵ Шамс-ад-Дина Хатиба была составлена, по-видимому, в период правления Барсбая (1422–1438) и записана племянником Шамс-ад-Дина Хатиба, Мухаммадом б. Йусуфом б. 'Ахмадом аль-Ба'уни, уже при Каитбае (1468–1496). В *урджузе* собственного сочинения, которая продолжает рукописный сборник, Мухаммад аль-Ба'уни перечислил султанов от Йусуфа аль-Малика аль-'Азиза (1438), сына Барсбая, до Каитбая (F. 24 a–41 a). Каитбаю посвящена большая часть его поэмы (F. 26 b–41 a). На листах 43 b–50 a помещена последняя часть «трилогии» — еще одна *урджуза* Мухаммада аль-Ба'уни, в которой речь идет о султанах Каитбае, аль-Малике ан-Насире 'Абу ас-Са'адате (1496–1498), 'Абу Са'иде Кансухе аз-Захире (1498–1500), аль-'Ашрфе Джанбулате (1500–1501), аль-'Адиле Туманбае (1501) и Кансухе аль-Гури (1501–1517).

²⁴ Йалбуга пал жертвой заговора в 1366/1367 г.

²⁵ We. 426.

Административная география Египта представлена в «Подарке...» (التحفة السنية في) «اسماء البلاد المصرية»²⁶ Йахьи б. Шакира, известного также как Ибн аль-Джи'ан (1412–1480). По каждому округу, области или отдельной местности Ибн аль-Джи'ан приводит площадь обрабатываемой земли, налоговые сборы, имена держателей икта' по данным на 1375 и 1475 гг., что позволяет в полной мере оценить изменения в административном делении и системе налогообложения Египта за указанные сто лет (Ms. or. fol. 2557).

Порядок составления писем и документов, правила обращения к должностным лицам, а также практическое применение правовых норм в мамлюкском султанате рассмотрено в сочинениях Бадр-ад-Дина аль-Халаби (ум. 1377)²⁷ и 'Абу Бакра аль-Бадри (ум. после 1479)²⁸. Шестая глава трактата аль-Бадри посвящена порядку освобождения мамлюка и вопросам оформления соответствующего свидетельства (We. 1755. F. 77 b). Тексты договоров и контрактов, связанных, прежде всего, с покупкой, продажей и арендой различного имущества, представлены в трактате ас-Субки (ум. 1355) по юриспруденции (Mq. 16). К периоду правления султана Барсбая относится копия текста указа о порядке взимания налогов (We. 1185. F. 487 b — 488 a).

По заказу султана аль-'Ашрафа (1290–1294) Мухаммад Ибн Джама'а (ум. 1332) авторитетный египетский ученый, занимавший пост главного судьи в Каире, составил сокращенное изложение собственного сочинения об управлении государством²⁹, в которое включил главы о войске, обеспечении его оружием, выделении воинам содержания и различных видах икта' [6, s. 115; 7, s. 7]. Трактат ат-Тарсуси (ум. 1357) под названием «Подарок туркам...» (كتاب تحفة الترك فيما يجب ان نعمل في الملك)³⁰, так же как и упомянутая выше работа Мухаммада Ибн Джама'а, посвящен различным вопросам управления государством. Свое сочинение ат-Тарсуси начинает с рассуждения о том, что султан не обязательно должен быть курейшитом и знатоком мусульманского права. В «Подарке...» есть разделы о порядке назначения должностных лиц, организации хаджа, расходах и доходах казны [6, s. 116; 8].

В период правления бурджитских султанов, в 1475 г., с автографа Мухаммада аль-Мукаддаси (умер в Каире в 1471 или 1483 г.) был сделан список трактата под названием «Щедрые советы...» (بذل النصائح الشرعية فيما على السلطان وولاية الامور وسائر الرعية)³¹, написанного в 1463–1464 г., когда у власти находился султан Хушкадам (1461–1467). В этой работе аль-Мукаддаси касается вопросов налогообложения, доходов и расходов казны. Во многом следуя Ибн Таймийе (1263–1328), он сетует на падение нравов, противопоставляет обездоленных улемов эмирам, которые вместо того чтобы защищать закон и порядок, тратят собранные с населения деньги на роскошные одежды, седла, сбрую, позолоченные чернильницы, красивых молодых рабов и юных наложниц, даже государственная почта становится средством доставки нежных юношей и любовниц для мамлюков. Эмиры учреждают вакфы, изымая имущество подданных, не в благочестивых целях, а ради земной славы. При этом мамлюк низшего ранга имеет больший доход, чем самый уважаемый мусульманский ученый.

²⁶ Ms. or. fol. 2557.

²⁷ We. 1765. كشف المروط عن محاسن الشروط.

²⁸ We. 1755. احكام الفصول في احكام العنود.

²⁹ Pet. 347. تحرير الاحكام في تدبير ملة الاسلام.

³⁰ We. 1844.

³¹ Pet. 593.

Конечно, признает аль-Мукаддаси, султан не может все свое время тратить на то, чтобы творить суд и устранять нарушения, допущенные его эмирами, но реформы, тем не менее, необходимы, например, должность пажа-виночерпия или слуги-хранителя тазика для умывания следует упразднить. Нужны и более серьезные перемены. Особенно недопустимо фактическое наличие особого, внутреннего и, по сути, светского суда для мамлюков. Есть только один закон для всех мусульман — *шариат*, подчеркивает аль-Мукаддаси [6, s. 118; 9, p. 63–73; 10].

Упомянутый выше султан Хушкадам по свидетельству мусульманских ученых отличался набожностью, был склонен к мистицизму и особенно почитал 'Ахмада аль-Бадави, святого из Танты. Похвалу арабских историков вызывало и то, что Хушкадам владел литературным арабским языком [11, s. 386]. По заказу Хушкадама в 1467 г. было написано еще одно сочинение об управлении государством³², имеющееся в коллекции Берлинской государственной библиотеки. Его автор, Шихаб-ад-Дин аль Мухаммади аль-'Ашрафи, основное внимание сосредоточил на вопросах религии и морали [6, s. 118–119].

Тексты писем, составленных в канцелярии мамлюкских султанов, содержатся в «Разъяснении...» Мухаммада аль-Халяби (ум. 1397)³³, «Солнце Магриба...» Бадр-ад-Дина ад-Дамамини (1362–1425)³⁴, «Кофе канцелярии» Таки-ад-Дина Ибн Хиджжа (ум. 1433)³⁵. Подробная инструкция по переписке с чиновниками и эмирами различного ранга представлена в сочинении 'Абу-ль Хайра Йа'куба, оконченом в 1505 г.³⁶ [12, s. 577–580].

Значительный интерес для изучения истории султаната мамлюков представляют письма и документы, включенные в упомянутое выше сочинение ад-Дамамини. Листы 2b–6a содержат послание, написанное от имени султана аль-Му'айяда (1412–1421) его наместнику в Египте. Текст представляет собой подробное описание похода в Малую Азию и взятия Тарсуса в 1414 г. Листы 17a–18a занимает указ о запрете принимать на службу в администрацию султана христиан и иудеев, листы 43a–44a — письмо султана Татара (1421) правителю Йемена о безопасном передвижении судов, листы 50b–53b — текст *договора* (العهد), составленного от имени халифа аль-Му'тадида (1414–1441), согласно которому права на султанат передаются Барсбаю.

Специально в качестве подношения султану Кансуху аль-Гури по заказу мамлюкского эмира по имени Касбай была создана обработка нескольких частей энциклопедии аль-Калькашанди (1335–1418/1419), в которых речь идет о государственном устройстве, структуре войска и административной системе мамлюкского султаната³⁷.

Особое место в культуре средневекового Египта занимало мамлюкское военное искусство. Сочинения по *фурусии* были востребованы и популярны. Наряду с новыми трактатами эмиры охотно приобретали для своих библиотек копии более ранних произведений — своеобразную классику военной литературы. В 1335 г. Махмуд б. 'Аля-

³² Spr. 944. كتاب البرهان في فضل السلطان.

³³ Mf. 72. البيان في اصطلاح اهل الزمان.

³⁴ Spr. 1223. شمس المغرب في المرقص المطرب.

³⁵ Spr. 1160. قهوة الانشاء.

³⁶ Pet. 299. كتاب مزيل الحصر في مكاتبات اهل العصر.

³⁷ Ms. or. quart. 1817.

ад-Дин аль-Джунди сделал богато иллюминированный каллиграфический список «Книги о науке верховой езды...» (كتاب في العلم بالفروسية والعمل به والعلم بالثقافة راجلا ومعرفة الرمي) (الحسبان وغير ذلك) для эмира Йалбуги ас-Сайфи. Сочинение, вероятнее всего, было создано при Фатимидах, хотя в качестве автора указан — возможно, для того, чтобы работа выглядела более весомой и авторитетной — знаменитый Йа'куб Аху Хизам, написавший свой трактат для халифа аль-Мутаваккиля (847–861) [13, s. 143–144].

Порядок построения войска и движения отдельных его частей описан в сочинении Ляджина аль-Хусами, известного также как ат-Тараблуси (ум. 1337)³⁸. Этому же автору принадлежит «Книга по фурусии»³⁹. В 1490 г. султан Каитбай передал в вакф для своей школы великолепную рукопись, которая содержит оба упомянутых выше трактата. Копия выполнена крупным, ясным каллиграфическим почерком *наسخ*, текст почти полностью огласован, сопровождается цветными схемами. Титульный лист иллюминирован, название первого сочинения помещено в картуш, выполненный золотой и синей красками [6, s. 73].

Наряду с сочинениями собственно по *фурусии* мамлюкские султаны и эмиры приобретали для своих школ и библиотек трактаты по уходу за лошадьми и труды по соответствующей области ветеринарии. По заказу султана ан-Насира Мухаммада (1294–1295; 1299–1309; 1309–1340) 'Абу Бакр аль-Мунзир аль-Байтар составил сочинение под названием «Книга, обнаруживающая беду...» (كتاب كاشف الويل في معرفة امراض الخيل) и описал в нем все, «что следует всаднику знать о лошадях» [6, s. 469].

Важное место в искусстве *фурусии* занимала стрельба из лука. В Берлинской библиотеке есть несколько сочинений, посвященных этому виду военных упражнений. В 1482 г. закончил работу над поэмой об искусстве стрельбы из лука⁴⁰ 'Абу Бакр аль-Халаби, известный как аль-Мункар (ум. после 1495) [6, s. 73–74]. После традиционных *басмалы* и *хамдалы* автор поэмы переходит к рассуждениям о том, какое важное место среди обязанностей мусульманина занимает *джихад* и какое значение имеет для воина умение хорошо стрелять. Далее речь идет об основных принципах владения луком и различных школах (*мазхабах*) стрельбы из лука (F. 43b–46b). Поэма содержит разделы о том, какие разновидности луков являются наиболее предпочтительными, в какой позиции должен находиться стрелок, как держать лук, как захватывать стрелу, как следует натягивать тетиву, как правильно подобрать вес и длину стрелы, как определять дальность полета стрелы во время состязаний и т. д. Особая глава посвящена анатомии человека и типам телосложения с учетом

Худобы и роста
И сажени длинны,
Которая зависит от того, сколь длинны руки,
Пальцы коротки ли,
Еще учтем ладонь — узка или мясиста,
Длину плеча и ширину груди,
Могуч ли стан,
И талия тонка ли.

³⁸ Mf. 588. كتاب تحفة المجاهدين في العمل بالمباين.

³⁹ Mf. 588. كتاب الفروسية يرسم الجهاد وما اعد الله للمجاهدين.

⁴⁰ «Урджуза аль-Халаби о метании стрел из арабских луков» (الارجوزة الحلبية في رمي السهام عن القسي العربية).

И коль наставник сведущ,
Для каждого он подберет урок
(F. 50 a–50 b).

В конце XIV в. был написан трактат «Чудеса и тайны...»⁴¹ [6, s. 72–73]. Его автор, Мухаммад аль-Харави, известный также как аль-Хулль Савра (ум. после 1397 г.), рассказывает о разновидностях луков, о том какие преимущества и недостатки они имеют, об истории искусства стрельбы и выдающихся его мастерах, в следующих главах речь идет о стрелах и о том, какие названия они имеют.

В одном из двенадцати разделов трактата изложены правила поведения воина: «Первое, что надлежит тому, кто обучается стрельбе из лука, — оставить споры, болтовню и смех. Ученик не должен презирать того, кто знает меньше, и соперничать с тем, кто его превосходит в военном искусстве» (F. 24b). Готовясь к стрельбе, следует «полностью овладеть собой, расслабить суставы, успокоиться... не отвлекаться на того, кто обращается к тебе, не смеяться тому, что увидел, не занимать ни разум, ни сердце ничем, кроме того, что ты сейчас делаешь» (F. 25a). Далее следует детальное описание всего, что должен знать и уметь ученик, прежде чем он приступит к стрельбе. Затем автор трактата переходит к основам искусства стрельбы из лука, после этого рассказывает об особенностях охоты, в том числе в разное время суток, о том, как носить и хранить лук и стрелы, о специфике стрельбы во время военных действий. Отдельная глава посвящена стрельбе по мишеням. Вначале стрелок должен был научиться попадать по мишеням разного размера, расположенным как далеко, так и на близком расстоянии (F. 59b), затем — переходить к стрельбе по движущейся цели. Для тренировки автор трактата предлагает изготовить следующую мишень: прикрепить к колесу изображение льва или слона, или еще какого-нибудь животного и преследующей его собаки. Колесо следует пустить по склону. Эта ступень обучения считается пройденной, когда ученик сможет уверенно попадать в «дичь», не задев «собаку». Следующее упражнение, которое следовало повторять много раз в течение нескольких месяцев, представляло собой стрельбу по четырем мишеням, расположенным слева, справа, спереди и сзади ученика, который должен был стоять на одном месте, не переступать ногами и двигаться только корпусом. Овладев безупречной техникой стрельбы, можно было приступать к выполнению этого упражнения, сидя верхом на коне, который стоял неподвижно, затем пустить коня шагом, потом рысью и т. д., постепенно увеличивая расстояние до мишеней (F. 60a). Двенадцатый раздел трактата посвящен состязаниям по стрельбе, разрешенным уловкам и недозволенным хитростям, которые используют соревнующиеся (F. 63a–68a).

Богатейшая коллекция Берлинской государственной библиотеки содержит широкий спектр письменных источников по истории мамлюкского Египта — от фундаментальных трудов и пространных хроник до кратких справочников карманного формата, от скрупулезного описания административных округов и системы налогообложения до хвалебных касид в адрес султанов. Особую ценность представляют неопубликованные рукописи, малоизвестные работы, до сих пор не привлекавшие пристального внимания исследователей, — хроника VII в. хиджры аль-Бирзали (We. 288), «Книга жемчуга...» неизвестного автора конца XIV в. (We. 133), «Солнце Магриба...» Бадр-ад-Дина ад-Дамамини (Spr. 1223), поэма аль-Халяби об искусстве

⁴¹ Spr. 1942. البدايع والاسرار في حقيقة الرد والانتصار و غامض ما اجتمعت عليه الرماة بالامصار.

стрельбы из лука (Ar. 1705), «Чудеса и тайны...» Мухаммада аль-Харави (Spr. 1942), поэтическая «трилогия» Шамс ад-Дина Хатиба и Мухаммада аль-Ба'уни (We. 426).

Литература

1. Verzeichniss der Arabischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin von W. Ahlwardt. Bd 1. Berlin: A. W. Schade's Buchdruckerei, 1887. 413 S.
2. Islamische Buchkunst aus 1000 Jahren: Ausstellung der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz, Berlin. Wiesbaden: Reichert, 1980. 118 S.
3. Илюшина М. Ю. Арабские источники о народах России в Средние века и Новое время (Арабская историография в Египте и Сирии в XIII–XVIII вв.) // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб., 2011. С. 217–231.
4. Зеленев Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 372 с.
5. Little D. P. Historiography of the Ayyubid and Mamluk epochs // The Cambridge History of Egypt. Cambridge University Press, 1998.
6. Verzeichniss der Arabischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin von W. Ahlwardt. Bd 5. Berlin: A. Asher & Co, 1893. 645 S.
7. Tahrir al-ahkam fi tadbir ahl al-islam li-l-imam Badr al-Din b. Jama'a. Ri'asat al-Mahakim al-Shar'iya wa-l-Shu'un al-Dinniya bi-Dawlat Qatar, 1985. 358 S.
8. Najm al-Din 'Ibrahim b. 'Ali al-Tarsusi. Tuhfat al-turk fima yajib an ya'mal fi-l-mulk. Beirut: Dar al-Tali'a l-l-Tiba'a wa-l-Nashr, 1992. 159 S.
9. Haarmann U. Arabicin Speech, Turkish in Lineage: Mamluks and their Sons in the Intellectual Life of Forteenth-Century Egypt and Syria // Journal of Semitic Studies. Vol. XXXIII/I. Spring 1988. P. 81–114.
10. Bazhl al-Nasa'ih al-Shar'iya fima 'ala-l-sultan wa-walat al-'umur wa-sa'ir al-ra'iya li-l-imam al-'allama Muhibb al-Din 'Abi Hamid Muhammad b. 'Ahmad al-Muqaddasi al-Shafi'i. Dirasa wa-tahqiq Salim b. Ta'ma b. Matar al-Shimri. Al-Mamlaka al-'Arabiya al-Sa'udiya Jami'at al-imam Muhammad b. Sa'ud al-Islamiya, Kulliya al-Da'wa wa-l-'Ilam, Qism al-Da'wa wa-l-Ihtisab, 1996. 359 S.
11. Muhammad b. 'Ahmad b. 'Iyas al-Hanafī al-Misri. Al-Mukhtar min Bada'i' al-Zhur fi waqa'i' al-Duhur. Matabi' al-Sha'b, 1960. 3 j. J. 1. 468 S.
12. Verzeichniss der Arabischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin von W. Ahlwardt. Bd 7. Berlin: A. Asher & Co, 1895. 806 S.
13. Arabische Handschriften. T. II / unter Mitarbeit von H.-C. Graf von Bothmer, T. Duncker Gökçen und H. Jenni. Beschrieben von Gregor Schoeler // Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd. 17: Arabische Handschriften. Reihe B. T. II. Verlag Stuttgart: Franz Steiner, 1990. 451 S.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Илюшина Милана Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент; aspirant_vf@mail.ru

Iliushina Milana Yu. — candidate of historical sciences, associate professor; aspirant_vf@mail.ru

*Е. С. Орно***РАМА IV МОНГКУТ (1851–1868) И НАЧАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ СИАМА**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

С развитием колониальной агрессии в конце XIX — начале XX в. почти все страны в Юго-Восточной Азии перешли под власть различных европейских держав. В отличие от своих соседей Сиам смог сохранить независимость и занять видное положение на международно-политической арене. В 1851 г. на трон Сиам взошел Рама IV Монгкут, который определил основные принципы и главные направления во внешней и внутренней политике страны. Монгкут заложил прочную основу для проведения масштабных преобразований, которые осуществил его сын Рама V Чулалонгкорн. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: Сиам, Таиланд, Рама IV Монгкут.

**RAMA IV MONGKUT (1851–1868) AND
THE BEGINNING OF MODERNIZATION OF SIAM***E. S. Orno*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

At the end of the XIX — beginning of the XX centuries European countries shared almost all lands in South-East Asia. In contrast to its neighbors Siam managed to escape colonization. To resist foreign domination Rama IV Mongkut concluded first «unequal» Anglo-Siamese treaty in 1855. This agreement became a model for a number of treaties with other western countries. Later Mongkut concluded agreements with the United States of America, France, Denmark, Portugal, the Netherlands, Germany, Sweden, Norway, Belgium and Italy. Agreements with Austro-Hungarian Empire, Spain, Japan and Russia were signed during the reign of King Chulalongkorn (1868–1910) who was the son of Mongkut. The goal was to diminish the authority of England and set a political equilibrium.

Mongkut profited from contradiction between Great Britain and France. At the same time among the great empires he always sought to find patrons and conciliators. The Russian Empire could render a significant assistance.

As in the middle of the XIX century Siam faced the threat of Western colonialism, Mongkut realized the necessity to modernize his country and start reforms. After ascending the throne he initiated first reforms and laid the base for fundamental reforms fulfilled by his son King Chulalongkorn. Refs 19.

Keywords: Siam, Thailand, Rama IV Mongkut.

Отличительной особенностью Таиланда (до 1939 г. официальное название страны — Сиам) и национальной гордостью самих тайцев является тот факт, что за всю свою историю из одиннадцати государств Юго-Восточной Азии Таиланд никогда не был колонией какого-либо зарубежного государства. В условиях нарастающей агрессии европейских держав, прежде всего Великобритании, в середине XIX в. власти Таиланда перешли от политики изоляции к политике «открытости». Королевству не только удалось сохранить свою независимость, но и укрепиться на международно-политической арене.

В Таиланде Рама IV Монгкут, правивший с 1851 по 1868 г., почитается как великий король, заложивший основы внешней и внутренней политики, которая помогла спасти Сиам от превращения в колонию европейских держав. Монгкуту удалось

сформировать новую внешнюю политику и начать проведение широких внутренних реформ. Это явилось не главной, но одной из важнейших причин того, что Сиам не стал колонией.

На рубеже XV–XVI вв. в период начала распространения по миру достижений цивилизации Запада, важнейшим явлением для других регионов и стран Земного шара стал поиск и попытки ответа на агрессию, давление и исторический вызов европейской цивилизации. Наиболее результативный ответ смогли дать страны, которые избежали колониального гнета и сохранили суверенитет. Это те страны, где сформировалась просвещенная элита, которая смогла перейти от политики изоляции к политике широких контактов и заимствований достижений европейской цивилизации при обязательном сохранении основ и фундаментальных ценностей собственной.

К таким странам в первую очередь следует отнести Россию периода правления Петра I, Японию эпохи Мэйдзи а также Сиам (Таиланд) середины XIX — начала XX в.

Деятельность Монгкута в разные периоды его жизни освещалась как зарубежными, так и отечественными учеными и историками.

В 1962 г. вышла в свет книга американского исследователя Эббота Л. Моффата «Монгкут, король Сиам» — подробная биография Рамы IV Монгкута. Вот как характеризовал правление Монгкута Моффат: «За семнадцать лет своего правления с помощью небольшого круга образованных людей, и в частности калахома Чао Прайя Сри Суриявонгсе, король Монгкут произвел бескровную революцию в Сиаме, которая заложила серьезную основу для проведения более широко известных реформ короля Чулалонгкорна» [1, p. 25].

Британский историк Дэниел Джордж Эдвард Холл в книге «История Юго-Восточной Азии» подчеркивает: «Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Монгкуту, более чем кому-либо, Сиам обязан сохранением своей независимости, в то время как к концу XIX в. все прочие государства Юго-Восточной Азии попали под контроль европейцев» [2, p. 578–579].

Значение действий Монгкута для сохранения независимости особо подчеркивает Микаел Эдвардс. В 1961 г. он писал в книге «Азия в европейскую эру»: «Личность Монгкута и признание им того факта, что Сиам должен войти в контакты с окружающим миром, были единственными факторами в сохранении Сиамом независимости в XIX столетии. Благодаря ему Сиам был единственным государством в Юго-Восточной Азии, которое не попало под европейский контроль» [3, p. 132–133].

Подобная оценка прослеживается и в работе англичанина В. Д. Рива: «Благодаря мудрости короля Монгкута и короля Чулалонгкорна в установлении контактов с западными силами... Сиам сохранил свою независимость в эру европейской экспансии и колонизации» [4, p. 15].

Американский историк Г. Стейджер особо подчеркивал значение политики Монгкута для сохранения Сиамом независимости в конце XIX в., когда все остальные страны Юго-Восточной Азии были колонизированы. «Хотя сохранение сиамской независимости обязано в немалой степени факту англо-французского соперничества, — даже этот факт сам по себе не был бы достаточным, чтобы предотвратить возможное расчленение страны между двумя мощными странами. Однако с момента восшествия на престол Пхра Маха Монгкута (Рама IV) в 1851 г. Сиамом непрерывно управляли монархи необычайных способностей, чья постоянная по-

литика внутренних реформ служила для того, чтобы ограничивать все притязания иностранных агрессоров» [5, р. 655–656].

Отечественные востоковеды и политики разделяют мнение своих зарубежных коллег относительно роли короля Монгкута и значения проводимой им политики.

Московский историк-тайландовед Н. В. Ребрикова пишет о времени правления Монгкута: «В этот период было положено начало социально-экономическим преобразованиям, модернизации жизни и быта, а также активной дипломатической борьбе с западными державами» [6, с. 142].

Выдающийся знаток Юго-Восточной Азии и Таиланда Э. О. Берзин в книге «История Таиланда» дал свою высокую оценку политике Монгкута. «И он был, по-видимому, одним из первых в Сиаме, кто понял, что в сложившейся обстановке никакое посильное для сиамцев укрепление обороны не спасет страну, если оно не будет подкреплено искусной и гибкой дипломатией» [7, с. 173].

Из источников, созданных тайскими авторами, следует прежде всего выделить «Династийные хроники Четвертого правления»¹. Книга описывает хронологию основных событий истории Сиам во время правления Рамы IV Монгкута (1851–1868). Автор этой хроники — один из придворных сиамского королевского двора периода правления Монгкута Кхам Буннак².

«История англо-тайских отношений» — это взгляд тайландского исследователя М. Л. Манита Джумсая на отношение двух держав с XVII до середины XX в. В книге в деталях изложена роль Великобритании во внешней политике Сиам и ее влияние на дальнейшую судьбу страны.³

В 1891 г. наследник Российского престола цесаревич Николай Александрович Романов в сопровождение свиты посетил Бангкок во время своего путешествия по странам Востока. Собственными глазами они увидели модернизацию страны, направляемую сверху просвещенными монархами. Князь Э. Э. Ухтомский в книге о путешествии цесаревича особо отметил: «Уже отец Его Величества, короля Чулалонгкорна⁴, справедливо считался замечательным человеком... Корона досталась ему почти на склоне лет, но он (прямо из монастыря!) бодро и с гуманными чувствами взялся за реформы, осознал необходимость усвоения важнейших материальных форм западной цивилизации, стяжал себе почетное имя в качестве ревнителя знания и просвещения. Как бы он радовался, видя последующие успехи своего потомства и целой страны на стезе медленного нормального прогресса!» [8, р. 70].

Монгкут родился в 1804 г. Он был старшим сыном короля Сиам Рамы II (1809–1824) от главной жены-королевы, старшей дочери Рамы I, т. е. в его жилах текло наибольшее количество королевской крови. Как и полагалось принцу-наследнику, он получил придворное и буддийское образование. Его отец, Рама II, один из величайших поэтов в истории Сиам, лично занимался обучением сына, и в большей степени именно своему отцу Монгкут обязан богатством стиля и чистотой языка [9, р. 1].

¹ Хроника была составлена в 1867 г., опубликована в Сиаме, переведена на английский язык и издана в 1965 г., The Centre for East Asian Cultural Studies, Tokyo.

² Кхам Буннак (1813–1870) *тайск.* เจ้าพระยาทิพากรวงศ์มหาโกษาธิบดี (เจ้าขุนินา) Чао Пхрайя Тхипхаконвонг Маха Косатхибоди (Кхам Буннак).

³ Manich Jumsai History of Anglo-Thai relations. Sixth edition. Bangkok, 2000.

⁴ Чулалонгкорн, король Рама V (1868–1910), сын Монгкута, продолжил внешнюю и внутреннюю политику своего отца.

В 14 лет, следуя буддийской традиции, Монгкут провел 7 месяцев в монастыре. Когда ему исполнилось 20 лет, он повторно отправился в храм. В это время, 21 июля 1824 г., умирает его отец Рама II. Единственным законным кандидатом на трон выступал Монгкут, как уже совершеннолетний провозглашенный принц-наследник. И тем не менее политические и придворные обстоятельства сложились таким образом, что следующим королем Сиам стал сводный брат Монгкута, 37-летний принц Четсабодин, который еще при жизни Рамы II выполнял ответственные поручения, в частности в 1822 г. вел переговоры с английским послом Кроуфердом. Сам Монгкут остался в монастыре, где провел почти 27 лет. Принц-монах Макуто Бикху стал настоятелем одного из монастырей в районе столицы. За многие годы монашества он с чашей для подаяния обошел почти всю центральную часть страны, увидел реальную жизнь простых сиамцев. До Монгкута ни один из королей не имел возможности долго жить за пределами Большого Королевского дворца.

За время, проведенное в монастыре, он в совершенстве овладел санскритом, пали, хинди, лаосским, кхмерским, вьетнамским, монским, бирманским и малайским языками. Изучал математику, географию, всемирную историю и астрономию [10, р. 107]. Монгкут был частым гостем в домах американских миссионеров, доктора Хауса и Маттуна, проживавших в то время в Сиаме. Католический епископ Паллегуа обучал Монгкута латыни, американские миссионеры Казуэл, Бредли и Хаус преподавали ему английский [2, р. 578]. Он стал первым монархом в истории Сиам, который мог свободно общаться и вести переписку на английском языке. О великолепном стиле и высоком уровне владения английским языком свидетельствуют письма Монгкута, которые он направлял своим европейским друзьям. Еще до восшествия Монгкута на трон пракланг⁵ пересылал ему в монастырь разного рода документы для перевода, поэтому «заочно» Монгкут знал и английского посла Джеймса Брука, и губернатора Сингапура, полковника Баттерворта [11, с. 60].

Монгкут был автором грамматического справочника по английскому языку и краткой истории Сиам на английском. Большое внимание уделял археологии. В 1833 г. во время паломничества в северные районы Сиам принц-монах обнаружил каменный трон и две стелы. Как позднее оказалось, одна из стел принадлежала третьему правителю государства Сукхотхай (1238–1438), Рам Камхенгу (1275–1317). Надписи выполнены на старотайском языке, а сам памятник датируется 1292 г.⁶

Буддизм тхеравады стал официальной религией Сиам в XIII в., и за более чем шестивековой период претерпел существенные изменения. С течением времени религия впитала в себя многочисленные брахманистские и языческие культы, многое из того, что проповедовал сам Будда, было утеряно или искажено.

Династия Чакри со времени прихода к власти в 1782 г., всегда проявляла особое внимание к вопросам религии. Рама I в 1788 г. созвал Совет по редактированию и пересмотру текста Типитаки. При Раме II в 1840 г. буддийские сановники высшего ранга совершили первое паломничество к святым местам Ланки. Тремя годами позднее миссия была направлена повторно. С острова была привезена наиболее полная сингальская версия Типитаки, которую впоследствии Монгкут использовал как основу «очищения» и реформации буддизма.

⁵ Пракланг (тайск. พระคลังมหาคลัง) — министр по внешним связям.

⁶ В настоящее время стела хранится в Национальном музее в Бангкоке как самый древний памятник тайского языка.

В 1833 г. Монгкут вместе с группой единомышленников создал новую элитарную секту, «Дхаммаютика никайя», дословно «Те, кто следует Дхамме». Создание секты, которая опиралась на ранние принципы буддизма, явилось противовесом нарастающей пропаганде христианства. Необходимо было не просто «очистить» национальную религию от брахманистских церемоний и суеверий, но и приспособить ее к новым политическим условиям и научно-техническому прогрессу. Ее приверженцы, а это были, как обычно, люди, обладавшие авторитетом в народе, должны были строго придерживаться правил, прописанных в канонических сочинениях, и активно проповедовать принципы буддизма среди населения. «Дхаммаютика никайя» стала сектой элитарной, буддийски образованной и активно проповедовавшей Учение Будды. Ритуалы и сам уклад монашеской жизни были строго регламентированы. Монгкут стал духовным лидером «необуддизма» [10, с. 138]. Он считал необходимым изучение языка пали для более совершенного и истинного познания учения Будды. Сам Монгкут владел пали в совершенстве. Впоследствии эта секта стала опорой реформаторской деятельности Монгкута и его сына, короля Чулалонгкорна (1868–1910). Когда в 1851 г. Монгкут стал королем, секта насчитывала всего 150 монахов, но влияние ее уже было весьма значимым, благодаря тому что ее создателем был сам Рама IV [12, р. 42]. Сейчас Дхаммаютика никайя — одна из двух сект сиамского буддизма.

Между тем политическая обстановка вокруг Сиамского королевства становилась все более напряженной. В 1819 г. англичане основали Сингапур и, подчиняя себе малайские султанаты, постепенно начали приближаться к границам Сиам с юга. В 1824–1826 гг. англичане разгромили Бирму (Мьянму) и оккупировали Аракан и Тенассерим, английские владения стали граничить с Сиамом с запада. В Опиумной войне 1840–1842 гг. англичане победили Цинский Китай, крупнейшую державу Восточной Азии. В Сиаме вновь появляются английские и американские послы с требованиями заключить договор, «открыть двери» Сиам для иностранной торговли, предоставить иностранцам различные льготы и привилегии. Сиамское правительство пока еще имело возможность добиваться соглашений без потери королевством суверенных прав. Так, в англо-сиамском торговом договоре 1826 г. сиамцы не согласились предоставить британским подданным права экстерриториальности и аренды земли. Импорт опиума был категорически запрещен. Договор 1826 г. также разграничил сферы влияния Англии и Сиам в Малайе.

В 1833 г. торговый договор был заключен между Сиамом и Соединенными Штатами Америки. Это соглашение не предусматривало открытия дипломатического представительства и не предоставляло американцам прав экстерриториальности в Сиаме [1, р. 42].

В целях стимулирования торговли с Сиамом в 1850 г. США, а вслед за ними и Англия предприняли попытки пересмотра ранее заключенных договоров. Большое разочарование постигло американского посла Баллестье⁷. Он даже не смог вручить королю письмо от президента США. Баллестье попросту было отказано в аудиенции [1, р. 42–43]. Потерпел неудачу и английский посол Джеймс Брук. Он требовал резкого снижения или отмены большинства ввозных пошлин, введения для британских подданных права экстерриториальности, права приобретать землю в Сиаме, права

---

⁷ Джозеф Баллестье — первый консул США в Сингапуре с 1837 по 1852 г.

на ввоз опиума. Сиамцы отклонили все его требования. Покидая Бангкок, Джеймс Брук напомнил о горькой участи, постигшей Китай, который так и не смог урегулировать торговые отношения с Англией [7, с. 172].

В этих условиях некоторые представители сиамской элиты считали необходимым срочно поменять внешнюю политику Сиам, отказаться от политики изоляции и пойти на вынужденные уступки настойчивым требованиям англичан об «открытии страны».

3 апреля 1851 г. в Бангкоке, столице Сиам, скончался король Рама III. На следующий день главный министр Дит Буннак⁸ отправился в храм Бовонивет⁹ и пригласил принца-монаха Монгкута принять королевскую корону и взойти на трон.

Так 4 апреля 1851 г. новым королем Сиам был провозглашен Рама IV Монгкут. Вторым королем (упаратом) Монгкут назначил своего младшего брата принца Итсарата. С раннего возраста его обучали искусству мореплавания и кораблестроения. Во время войны с Вьетнамом он командовал сиамским флотом. Он великолепно владел английским языком и пользовался большой популярностью среди иностранцев, проживающих в то время в Сиаме. Итсарат интересовался боевыми искусствами, охотой и спортом, у него была огромная библиотека. Своему старшему сыну Вичайчану¹⁰ он дал второе имя Джордж Вашингтон.

В 1849 г. христианских миссионеров буквально вынудили покинуть Сиам за неподчинение указу Рамы III об уничтожении домашнего скота в связи с эпидемией холеры. Став королем, Монгкут направил миссионерам в Сингапур письма с приглашением вернуться в Сиам [13, р. 282].

В 1852 г. Монгкут доверил французскому епископу Паллегуа доставить в Европу два письма — папе Пию IX и Наполеону III.

Монгкут вел переписку с самыми авторитетными правителями того времени. Он направлял свои послания королеве Виктории, президенту Линкольну, пытался установить контакт с российским императором Александром II.

Монгкут понимал, что в сложившихся к середине XIX в. политических условиях политика самоизоляции, которую Сиам уверенно проводил в течение последних столетий, устарела. Пришло время вынужденных уступок, заключения неравноправных (для Сиам) договоров с западными державами, но в то же время появились возможности использовать в своих интересах амбиции и противоречия между колонизаторами. Следовало добиваться компромиссов, искать влиятельных покровителей.

Вот, что писал Монгкут сиамскому послу в Париже в 1867 г.:

Что может сделать небольшое государство, подобное нашему, когда его с двух сторон окружают могущественные страны? Предположим, что мы откроем в нашей стране золотую жилу, которая даст нам много (миллионов катти) золота, и его будет достаточно

⁸ Дит Буннак (тайск. ดิศ บุนนาค), полное имя — Сомдет Тяу Пхрайя Бором Маха Праюравонг (тайск. สมเด็จพระบรมมหาราชูปถัมภ์; 1788–1855) — крупнейшая фигура на политической арене Сиам в середине XIX в.

⁹ Храм Бовонивет (тайск. วัดบวรนิเวศวิหารราชวรวิหาร, ват Бовонивет Вихан Рачаворавихан) — один из крупнейших буддийских храмов Бангкока, религиозный центр школы Дхаммаютика Никайя и палийского образования в стране.

¹⁰ Кром Пхрачачаван Бовон Вичайчан, или коротко Вичайчан (тайск. กรมพระราชวังบวรวิไชยชาญ) или Пхра Онг Тяу Йот Инг Йот (тайск. พระองค์เจ้ายอดยิทยศ) (6 апреля 1838 — 28 августа 1885) — вице-король Сиам со 2 октября 1868 по 28 августа 1885 г.

для покупки сотни военных кораблей. Но даже с золотом мы не сможем бороться против них, поскольку нам придется покупать у них же эти самые военные корабли и снаряжение. В настоящее время мы не имеем возможности сами производить эти вещи. Если даже у нас будет достаточно денег, чтобы купить их, эти страны могут в любой момент приостановить продажу, как только поймут, что мы вооружаемся против них.

Единственное оружие, которое мы имеем и сможем употребить в будущем — это наши уста и наши сердца, исполненные здравого смысла и мудрости. Только они могут защитить нас [1, р. 24–25].

Как никто другой Монгкут понимал всю необходимость гибкой дипломатии в условиях нарастающей экспансии Запада. Но одной дипломатией, даже самой продуманной и искусной, выстоять в борьбе с Западом было невозможно. Все сильнее нарастала необходимость модернизации государства и общества.

Исключительный для сиамского монарха жизненный путь Монгкута, реальное знание своей страны и международной обстановки, превосходное знание европейских языков и культуры и выдающийся дипломатический талант помогли в кратчайшие сроки осуществить первые реформы во внешней и внутренней политике Сиама.

Начиная «модернизацию» страны, Монгкут приступил к реорганизации армии, на государственную службу стали приглашать советников-иностранцев [14, р. 334]. «Он поручил организацию таможен американцу, организацию и управление своей охраны — французу, морского дела и полиции — англичанину и т. д.» [15, с. 23]. Рамма IV активно пропагандировал принцип заимствования у европейцев всего нового. Для своего сына Чулалонгкорна, будущего Рамы V, Монгкут пригласил в качестве учителя англичанку Анну Леоновенс.

Окончательно рабство в Сиаме было отменено в период правления Рамы V Чулалонгкорна, но первые шаги к его искоренению были предприняты Монгкутом. Были изданы указы по ограничению работорговли. По закону 1865 г. запрещалось продавать детей старше 15 лет без их согласия. Спустя три года был издан запрет продажи мужьями жен в рабство без их согласия. Более того, жены получили право требовать развода [6, с. 164].

Уже через несколько месяцев после восшествия на престол Монгкут издал свои первые указы. Указы 1852 г. отменяли государственную монополию на продажу сахара и запрет на вывоз риса, экспорт которого был предметом особого интереса англичан.

Высокие торговые пошлины, которыми облагались английские купцы, ценовая политика, диктуемая сиамской аристократией, а также неопределенность положения англичан в Сиаме — все это подтолкнуло правительство Англии предпринять новые попытки, чтобы заключить с Сиамом более выгодное для себя соглашение.

В марте 1855 г. в Бангкок для заключения договора прибыла британская дипломатическая делегация во главе с губернатором Гонконга, сэром Джоном Боурингом¹¹.

---

¹¹ Сэр Джон Боуринг (англ. Sir John Bowring 17 октября 1792 — 23 ноября 1872) — английский государственный деятель, путешественник и писатель. Боуринг был инициатором введения в обращение в Великобритании десятичной монеты — флорина (золотые монеты, которые впервые начали чеканить во Флоренции в 1252 г.). В 1849 г. его назначили британским консулом в Кантоне (Гуанчжоу). В 1854 г. Боуринг был направлен в Гонконг в качестве Губернатора, и оставался на этом посту пять лет.

Джон Боуринг имел статус посланника самой королевы Виктории. Подписанию договора предшествовала переписка между Монгкутом и Боурингом. Наконец Рам IV направил Боурингу личное послание с приглашением прибыть в Сиам. 27 марта 1855 г. британская миссия прибыла в Бангкок, а 18 апреля 1855 г. уже был подписан англо-сиамский договор. Этот день ознаменовал начало новой вехи в истории Сиам. Вскоре после подписания договор был направлен на ратификацию в Англию [16, p. 323].

Соглашение о дружбе и торговле между Великобританией и Сиамом 1855 г. (а именно так звучало официальное название документа) стало первым этапом на пути вхождения Сиам в систему мирового капиталистического рынка.

Соглашение включало 12 статей касательно отношений между Сиамом и Великобританией, 6 пунктов по гражданскому праву и 3 статьи относительно ввозных и вывозных пошлин [17, p. 128].

Договор отменял все государственные торговые монополии Сиам и разрешал беспошлинный ввоз в Сиам опиума. Налог на импорт товаров, ввозимых англичанами в Сиам, составлял всего 3% от их рыночной стоимости без права повышения его сиамцами. Это было гораздо выгоднее англичанам, чем налог, устанавливаемый по длине корабля (договор 1826 г.). Английские купцы могли покупать и продавать товары без посредников. Отныне английские подданные судились по английским законам. Разрешение гражданских споров и рассмотрение уголовных дел осуществлял теперь английский консул. Вопрос об учреждении консульского представительства в Сиаме был также прописан в договоре. Введение экстерриториальности для англичан гарантировало, что английские подданные в случае нарушения закона смогут избежать всей строгости и жестокости сиамского правосудия. К тому же это должно было стимулировать английских купцов и предпринимателей к открытию своих представительств и ведению бизнеса в Сиаме. Англичане могли селиться в Сиаме и нанимать местную прислугу. Им также предоставлялось право на разработку и добычу полезных ископаемых в любой точке страны. После прохождения определенной юридической процедуры англичане могли строить церкви. Боуринг добился того, что корабли британского военного флота могли входить в устье Менама и бросать якорь в 20 километрах от столицы, в Пакнаме. Дальнейшее продвижение судна было возможно при наличии особого разрешения, какое имел, например, посол. Его корабль мог доплывать до самого Бангкока. Таким образом, весь Сиамский залив попадал под контроль англичан. Англичане даже получили право строить в Сиаме корабли. Под контролем англичан вскоре также оказались шахты по добыче драгоценных камней в Чантабури и Пайлине, экспорт риса и производство тиковой древесины на Севере [11, p. 74].

С подписанием договора 1855 г. встал вопрос об отправке сиамского посольства в Англию.

19 ноября 1857 г. королева Виктория приняла сиамских гостей в Виндзоре. Вместе с посольством в Англию отправились два младших сына Дита Буннака. Однако оба мальчика не захотели остаться в Англии и вернулись на родину. Практика отправлять детей на обучение в Европу широко вошла в обиход лишь при Раме V Чулалонгкорне.

Спустя два года после подписания договора в Бангкоке было открыто английское консульство. Вопрос об его учреждении особо остро встал, когда в порт сиамской столицы стали ежегодно заходить десятки британских кораблей.

Англо-сиамский договор 1855 г. стал поворотным моментом в истории Сиам и одним из главных факторов, определивших будущее страны. Чтобы не допустить усиления английских позиций в Сиаме во второй половине XIX в., Монгкут вынужден был заключить еще 13 неравноправных договоров¹², которые стали важным импульсом к развитию внешнеэкономических связей Сиам с зарубежными странами и вхождения страны в мировую экономическую и политическую систему. Но главным, к чему стремился Монгкут, подписывая эти договоры, было признание международно-правового суверенитета Сиам.

В 1856 г. аналогичные неравноправные договоры были заключены с США и Францией. Последняя была серьезным соперником Англии в Юго-Восточной Азии.

По франко-сиамскому договору 1856 г. французским подданным предоставлялось право экстерриториальности, учреждение консульской резиденции в Бангкоке и свобода передвижения по стране. Ввозная пошлина на товары составляла 3%. Договор закреплял право покупки земли на всей территории Сиам с возможностью строительства домов и разведения плантаций. Особый пункт соглашения предоставлял французским миссионерам право свободно проповедовать христианство и совершать богослужения, строить церкви, школы и госпитали.

Франко-сиамский договор был подписан сроком на 12 лет с правом пересмотра статей. Подписание состоялось при участии французского консула в Шанхае Шарля Монтиньи 15 августа 1856 г. Семь лет спустя после подписания франко-сиамского договора Монгкут был удостоен чести стать Кавалером большого креста Ордена Почетного легиона Франции [19, p. 16]. Аналогичные договоры с Бельгией, Италией, Швецией и Норвегией будут подписаны в 1868 г. по инициативе Монгкута уполномоченным им Джоном Боурингом.

Впервые в истории Сиам европейцы начали осуществлять свои вложения в экономику этой страны. Кроме того, как надеялся Монгкут, договоры могли быть своеобразным залогом относительной независимости Сиам. Ведь каждая страна, заключившая подобное соглашение, неизбежно преследовала свои цели и интересы в Сиаме, что в свою очередь могло быть сдерживающим фактором захвата страны Англией и Францией.

Политика «открытых дверей», которую в течение всего правления проводил Монгкут, позволила установить дипломатические отношения почти со всеми западными странами. Он сумел провести страну через конфликтное давление крупнейших колониальных держав, Англии и Франции. Общая «модернизация» и укрепление государства позволили Сиаму при всех договорных ограничениях сохранить свой суверенитет. В самый опасный для суверенитета Сиам период, в конце XIX — начале XX в., когда в Юго-Восточной Азии заканчивалось формирование колониальной системы, Сиам смог сохранить независимость. Главные, судьбоносные для страны вопросы решались все-таки самими сиамцами в Бангкоке, а не в Лондоне, Париже или Гааге.

---

¹² Договоры с США (29 мая 1856 г.), Францией (15 августа 1856 г.), Данией (21 мая 1858 г.), Португалией (10 февраля 1859 г.), Нидерландами (17 декабря 1860 г.), Северогерманским Союзом (7 февраля 1862 г.), Швецией и Норвегией (18 мая 1868 г.), Бельгией (29 августа 1868 г.), Италией (3 октября 1868 г.), Австро-Венгрией (7 мая 1869 г.), Испанией (23 февраля 1870 г.), Японией (1898) и Россией (11(23) июня 1899 г.) [18, с. 20, 84].

При Монгкуте Сиам перешел от политики изоляции, сведения к минимуму контактов с европейцами, к политике вынужденных уступок и лавирования, использования противоречий между Англией, Францией и другими колониальными странами, к поиску покровителя и друга среди великих держав той эпохи. Монгкут сделал первые шаги и определил принципы новой внутренней политики — реформирование наиболее консервативных сторон устройства и модернизация сиамского общества.

Определенные Монгкутом главные направления новой внешней политики Си-ама продолжал проводить в жизнь и развивать его сын, король Чулалонгкорн Ра-ма V. Шестьдесят лет целенаправленного движения в этом направлении позволили Сиаму войти в XX век независимым и модернизируемым государством. Разумеется, политика самого Сиам была лишь одной из причин того, что из одиннадцати стран Юго-Восточной Азии только Сиам не стал колонией.

Особое историческое значение деятельности Монгкута заключается в том, что он сумел заложить основы для сохранения независимости страны. К середине XIX в., когда аморфное многонациональное королевство могло легко стать добычей более сильной европейской державы, Англии или Франции, Монгкут пришел к пониманию того, что в новых условиях необходимо заменить старую систему управления. Формирование единого централизованного сиамского государства с развитым бюрократическим аппаратом завершил уже Чулалонгкорн. Внешняя политика Рамы V была прямым продолжением политики его отца.

Сегодня Таиланд — это современное развивающееся государство. Немалая заслуга в этом принадлежит двум людям, оставившим глубокий и яркий след в истории своей страны: Монгкуту и его сыну Чулалонгкорну.

Литература

1. *Moffat A. L.* Mongkut, the King of Siam. New York: Cornell University Press, 1961. 219 p.
2. *A History of South-East Asia* / ed. by D. G. Hall. London: MacMillan, 1955. 807 p.
3. *Edwardes M.* Asia in European Age, 1498–1955. New York: Praeger, 1962. 351 p.
4. *Reeve W. D.* Public Administration in Siam. London; New York: Royal Institute of International Affairs, 1951. 93 p.
5. *Steiger G. N.* A History of the Far East. Boston: Ginn, 1944. 690 p.
6. *Ребрикова Н. В.* Очерки новой истории Таиланда (1768–1917). М.: Наука, 1966. 302 с.
7. *Берзин Э. О.* История Таиланда: краткий очерк. М.: Наука, 1973. 319 с.
8. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника-Цесаревича. 1890–1891 / авт.-изд. Э. Э. Ухтомский. Т. 2. СПб.; Лейпциг, 1895.
9. *Dr. Frankfurter* King Mongkut // The Siam Society Fiftieth anniversary Commemorative Publication. Selected Articles from The Siam Society Journal. Vol. 1. 1904–1929. Bangkok, 1954. 37 p.
10. *Мельниченко Б. Н.* Буддизм и королевская власть [Буддизм в истории сиамского государства XIII — начала XX вв.]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 163 с.
11. *Jumsai Manich M. L.* History of Anglo-Thai Relations. Bangkok: Chalermnit, 2000. 405 p.
12. *Baker Ch.* Phongpaichit Pasuk A History of Thailand. Cambridge University Press, 2009. 315 p.
13. *Берзин Э. О.* Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1966. 320 с.
14. *Vella W. F.* The Impact of the West on Government in Thailand. Berkeley: University of California Press, 1955. 490 p.
15. *Мельниченко Б. Н.* Социальные реформы в Таиланде в конце XIX — начале XX вв. М.: Наука, 1976. 105 с.
16. *Bowring J.* The Kingdom and People of Siam with a narrative of the mission to that country in 1855. Vol. II. London: John W. Parker and Son West Strand, 1857. 450 p.

17. *Thiphakorawong Chaophraya*. The Dynastic Chronicles Bangkok Era The Fourth Reign B. E. 2394–2411 (A. D. 1851–1868) Vol. I–II. The Center for East Asian Cultural Studies Tokyo, 1965. 559 p.
18. Мельниченко Б. Н., Пылева А. И. Россия — Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XXI века). СПб.: РХГА, 2011. 295 с.
19. Gréhan A. Le Royaume de Siam. Paris: Imprimerie Simon Racon et Compagnie, 1868. 91 p.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Орно Екатерина Сергеевна — ведущий специалист Комитета по развитию туризма
Санкт-Петербурга; ekaterina.orno@mail.ru

Orno Ekaterina S. — leading marketing specialist of Saint-Petersburg Committee on Tourism
Development; ekaterina.orno@mail.ru

*М. А. Солощева***ССЫЛКА ДАЛАЙ-ЛАМЫ VII 1728–1735 годов:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена исследованию одного из важнейших событий в жизни Далай-ламы VII Кэлсанга Гьяцо (1708–1757). В 1728 г. он покинул Лхасу по указу императора Юнчжэна и был поселен в местности Гартар (кит. Тайнин) в Восточном Тибете под охраной китайских войск. Император опасался, что в условиях нестабильности в Тибете, которая вылилась в реальную междоусобную войну в 1727–1728 гг., джунгары могут вмешаться в тибетские дела и даже вывести Далай-ламу к себе. На решение императора также повлияли действия Соднама Даргье, отца Далай-ламы, который установил родственные связи как с кукунорскими хошутами, поднявшими антицинское восстание в 1723–1724 гг., так и с правящей тибетской аристократией. Согласно ряду источников, именно отец Далай-ламы стоял за разжиганием междоусобного конфликта 1727–1728 гг. в Тибете. В 1734 г. император принял решение разрешить Далай-ламе вернуться в Тибет. Однако Далай-лама не должен был вмешиваться в дела светского правления, а его отцу было позволено приезжать в Лхасу лишь один раз в год. Так начался непродолжительный новый период в истории Тибета, когда светская и религиозная власть были разделены. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: Тибет, Соднам Даргье, Далай-лама, Кэлсанга Гьяцо, ссылка, Юнчжэн, Юньли, Полханэ.

THE REASONS BEHIND THE SEVENTH DALAI LAMA'S EXILE IN 1728–1735 AND ITS CONSEQUENCES*M. A. Soloshcheva*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In accordance with the order of the Yongzheng Emperor (r. 1723–1735) in 1728, the Seventh Dalai Lama Kelzang Gyatso (1708–1757) left Lhasa for the Garthar Monastery in Eastern Tibet where he was placed under the guard of Chinese troops. The emperor feared that the instability in Tibet which led to the Civil war of 1727–1728 the Dzungars could interfere and even kidnap young Dalai Lama. The emperor was also suspicious of the activities of the Dalai Lama's father Sonam Dargye who was much involved in the disturbing events which led to the Civil war of 1727–1728. Also, he established matrimonial ties with the rebellious leaders of the Khoshut Mongols as well as with Tibetan aristocrats. In 1734 the emperor allowed the Dalai Lama to return to Tibet. However, he was not allowed to interfere into the matters of the state while his father was permitted to visit Lhasa only once a year. Thus, it was a beginning of a short-lasting period of the separation between temporal and spiritual powers. Refs 15.

Keywords: Tibet, Sonam Dargye, Dalai Lama, Kelzang Gyatso, exile, Yongzheng, Yunli, Polhanas.

Далай-лама VII Кэлсанг Гьяцо (1708–1757) покинул Лхасу в 1728 г. по указу императора Юнчжэна (правл. 1723–1725) и был поселен в местности Гартар (кит. Тайнин), которая находилась в восточно-тибетской области Литан (совр. пров. Сычуань). В этом событии нашла отражение новая политика империи Цин в отношении Тибета, начавшаяся после первого ввода маньчжурских войск в Лхасу в 1720 г. Ключевой фигурой в этой политике стала фигура духовного лидера Тибета, от влияния которого зависела расстановка сил во всем регионе.

В 1727–1728 гг. нестабильная ситуация в Тибете вылилась в вооруженное противостояние тибетских феодалов, пришедших к власти после водворения на престоле Далай-ламы VII в 1720 г. при помощи объединенной маньчжурско-монгольско-китайской армии. После вывода войск из Тибета по повелению Юнчжэна, 5 августа 1727 г. назначенный императором первый министр Канчэннэ был убит в Лхасе другими министрами — Нгабопа, Люмпанэ и Чжаранэ. Полханэ (1689–1747), сторонник Канчэннэ, был предупрежден о грозящей ему опасности и бежал в Нгари. Оттуда, предварительно отправив императору донесение с отчетом о своих действиях, обвинениями в адрес Далай-ламы и его отца в организации убийства Канчэннэ и просьбой о военном вмешательстве, он начал военные действия против министров [1, с. 9–12].

Что же касается позиции императора, то его в первую очередь интересовал вопрос участия в заговоре джунгаров — главного геополитического соперника империи Цин. В императорском указе от 21 октября 1727 г. об этом сказано: «Ранее <...> мне докладывали об убийстве Канчэннэ, и, опасаясь того, что Цеван Рабтэн¹ воспользуется этим, чтобы осуществить свои намерения о вторжении в Тибет, [я] приказывал привести все войска на территории от Шэньси до Сычуани и Юньнани в боевую готовность до минутной надобности, чтобы его предупредить. Сейчас то, что Канчэннэ был убит, свидетельствует о проблемах во взаимопонимании между калонами², и эта маленькая проблема, что они друг с другом борются, не требует военного вмешательства, поэтому пусть войска остаются на месте, вмешиваться не нужно» [2, р. 318]. В другом указе император более подробно изложил суть проблемы: «То, что был убит назначенный мною бэйсэ Канчэннэ, является делом государственным, и я сам должен в нем разобраться. Но я не разбираюсь в этом внешнем вопросе с тибетцами: обменивались ли они письмами с Цеваном Рабтэном? Если они были связаны с Цэваном Рабтэном, то необходимо эти две проблемы (тибетскую и джунгарскую. — М. С.) обсуждать одновременно. Если это только тибетское происшествие, я полагаю, тогда можно использовать этот случай для того, чтобы четко решить тибетский вопрос, имея в виду перспективные планы на приграничные земли. Когда [мы будем] выдвигать войска, не следует это делать заметно, нужно сделать это неожиданно, перевезти Далай-ламу в Синин, и тогда в Тибете надолго воцарится спокойствие. А если Цеван имеет к этому отношение, на этот случай нужно направить человека в помощь, чтобы он поддерживал Тибет, тогда моя армия сначала уничтожит непосредственно гнездо, и этим положит ему конец. А потом, когда с Цеваном будет покончено, тогда с Тибетом будет управиться легче простого» [3, р. 97]. Так, назвав ранее выяснения отношений калонов друг с другом «маленькой проблемой», император подошел к мысли о том, что, «имея в виду перспективы», этой ситуацией необходимо воспользоваться для «умиротворения» Тибета, даже если джунгары к делу не причастны. Из этого письма также становится понятно, что идея перемещения Далай-ламы возникала у императора именно в связи с джунгарским вопросом. Причем решение о его отправке за пределы Тибета было принято еще до окончания междоусобного конфликта.

Далай-лама был ключевой фигурой в тибетско-монгольской политике империи, поэтому его фигуре Юнчжэн уделял особое внимание. Император присталь-

¹ Правитель Джунгарии в 1697–1727 гг.

² Министрами (тиб. bka' blon).

но следил и за семьей духовного лидера Тибета, так как у него были родственные связи с кукунорским князем Лобсаном Дандзином, поднявшим антицинский мятеж в 1723–1724 гг.³ Начав разбираться в семейных делах Кэлсанга Гьяцо, император выяснил, что его отец Соднам Даргье обеспечил сына родственными связями как с кукунорскими хошутами, так и с правящей тибетской аристократией.

После восстания Лобсана Дандзина, в котором активную роль сыграли буддийские монастыри Кукунора, император настороженно относился ко всем ламам в целом. Что же касается Далай-ламы, то к нему он проявлял особый интерес еще и потому, что в детстве духовный лидер Тибета был помещен в монастырь Кумбум в Синине, где находился под покровительством кукунорских князей. В 1723 г. этот монастырь поддержал восстание Лобсана Дандзина, и Далай-лама неоднократно писал императору послания с просьбой о снисхождении к мятежнику. Кроме того, как выяснил генерал Нянь Гэнъяо (1679–1726) — главный информатор и проводник политики императора в Цинхае и Тибете в 1723–1725 гг., у семьи Далай-ламы обнаружилось родственные связи с восставшими, и поэтому он поддерживал связи с кукунорскими монголами и им симпатизировал. Об этом генерал сообщил императору в одном из своих донесений, относящемся, по-видимому, к весне 1724 г.:

Никогда нельзя доверять тибетцам. Характер их рода жадный, подозрительный, слабый и лживый. Я уже более 10 лет команду войском провинции Шэньси. В Цинхае и Тибете все с презрением относятся к внутреннему (китайскому. — М. С.) духу. Когда Лобсан Дандзин поднял восстание, а Канчэннэ, Нгабопа и др. не хотели, чтобы царем Тибета стал Дандзин, тогда, в соответствии с духом тибетцев, все не верили, что моя армия обязательно убьет разбойника. Так как [они] увидели, что Чжоу Ин и Орай⁴ уже прибыли в Тибет и с трудом при помощи военной силы стали контролировать слухи, затаили в своих сердцах большой страх. Далай-лама отправил ко мне посланника, чтобы я был снисходительнее к Лобсану Дандзину, даже два раза об этом просил. Это — взгляд сидящего на двух стульях (комментарий Юнчжэна: 1. Согласен, 2. Монахи не разбираются в серьезных делах, это их извинение. Наверное, все эти монахи одного поля ягоды с теми, кто распускает слухи и их поддерживает). Кроме того, отец Далай-ламы Соднам Даргье жаден, груб и любит выгоду (комментарий: а некоторые считают его хорошим человеком), все надеется, что его назначат регентом, а получает только серебро и вещи. Из-за этого человека в Тибете неизбежно что-то случится. Более того, он исключительно любезен с Лобсаном Дандзином, так как Дандзин собирается сделать своей младшей женой [взятую им в плен] жену Лачабу⁵, поэтому они будут связаны семейными узами, и поэтому у (Лобсана Дандзина) есть поддержка внутри Тибета [7, р. 51–52].

Связи Далай-ламы с кукунорскими князьями не ограничивались тем, что дочь Соднама Даргье стала женой Лобсана Дандзина. Его сын Чэнлэй, старший брат Далай-ламы, когда проживал вместе с ним в Кумбуме, женился на племяннице Лобсана Дандзина. Об этом Нянь Гэнъяо сообщил императору в своем донесении в апреле 1725 г. Генерал докладывал Юнчжэну, что Чэнлэй раньше был монахом, но затем снял с себя обеты, женился на дочери старшего брата Лобсана Дандзина, поддержал

³ Подробнее о восстании Лобсана Дандзина (см. [4–6]).

⁴ Китайские генералы, уполномоченные представители цинской администрации в Тибете в начале 1720-х годов.

⁵ Лачабу — (Мерген Дайчин Лачабу) тайджи из кукунорских монголов. Его жена — дочь Соднама Даргье, старшая сестра Далай-Ламы, была взята в плен Лобсаном Дандзином в начале 1723 г. [8, с. 461–463, 566–567; 2, с. 287–288].

восстание 1723–1724 гг. Однако, учтя смягчающие обстоятельства и полное раскаяние, генерал написал императору: «После того как я провел тщательное исследование, Чэнлэй кажется мне человеком не вполне похожим на конченного разбойника. Поэтому я сделал копию устных показаний Чэнлэя, изложил в донесении суть дела и нижайше прошу высочайшего решения». В ответ император написал, что находит оправдания удовлетворительными, но не считает возможным оставить Чэнлэя в Тибете [8, с. 1073–1074]. Месяц спустя императору сообщили, что Чэнлэй под охраной доставлен на родину в Литан [8, с. 1101; 9, с. 85].

Согласно еще одному недатированному донесению Нянь Гэнъяо, которое, по мнению Дэн Жуйлина, было написано не раньше второй половины 1724 г., в результате расследования был предан публичной казни бэйсэ Рабтэн, младший брат которого Дамалин Цебтэн был мужем младшей сестры Далай-ламы [9, с. 86]. Так еще одна сестра Далай-ламы оказалась связана узами родства с одним из руководителей восстания — Рабтэном Вэнбу.

На этом фоне родственные связи Соднама Даргье с представителями тибетской аристократии выглядели еще более подозрительно. В одном из донесений в «Правдивых записях» об этом говорится: «Соднам Даргье взял в жены двух дочерей Люмпанэ, поэтому эти трое (Соднам Даргье, Люмпанэ и Нгабопа. — М. С.) заодно» [2, с. 315].

Дэн Жуйлин также приводит сведения о том, что, в соответствии с письмами принца Юньти (1688–1755), который возглавлял маньчжурскую антиджунгарскую кампанию 1719–1720 гг., сопровождавший его Нгабопа был сыном старшей сестры Соднама Даргье, т. е. его племянником [9, с. 86]. По мнению другого китайского исследователя Го Шэнли, племянником и дядей они друг друга называли условно, так как происходили из родов, предки которых имели родственные связи. Тем не менее наличие этих связей ученый все же не отрицает [10].

Таким образом, принимая решение о перемещении Далай-ламы на территорию Китая, император опасался не только джунгарского вмешательства в дела Тибета, но и считал необходимым предотвратить вовлечение духовного лидера в придворные интриги, которыми занимался его отец.

Сходные мысли высказывал также и генерал-губернатор провинций Шэньси и Сычуань Юэ Чжунци (1685–1754). Рассуждал генерал так: если бы Нгабопа действительно убил Канчэннэ из подозрений, о которых он докладывал, то не было бы необходимости преследовать после этого Полханэ. Очевидно, что Нгабопа хотел перебить всех своих врагов. То, каким образом произошло убийство, свидетельствует о том, что оно было тщательно спланировано. Исходя из того, что был убит не только сам Канчэннэ, но и его родственники, причем последние — публично на площади перед Поталой, генерал делал заключение, что был человек, который руководил действиями Нгабопы. Напомнив императору о родственных связях отца Далай-ламы Соднама Даргье с Люмпанэ, Лобсан Дандзином и Нгабопой, Юэ Чжунци предположил, что за интригами должен стоять именно он. Генерал писал о том, что Соднам Даргье пользуется как своими связями, так и молодостью Далай-ламы, и в Тибете об этом известно всем, и что если на ситуацию не повлиять, демонстративно наказав виновных, то это неминуемо приведет к сговору с джунгарами, что вызовет серьезные проблемы на границах империи. Поэтому Юэ Чжунци предлагал весной 1728 г. собрать большую армию и, отправив Далай-ламу под присмотром на

«внутреннюю территорию»⁶ империи, реорганизовать систему управления в Тибете, решив этот вопрос раз и навсегда. Кроме пагубного влияния Соднама Даргье, к этому решению подталкивали также слухи о том, что Нгабопа может силой увести Далай-ламу к джунгарам. Юэ Чжунци был не склонен полагать, что Далай-лама по доброй воле бросит родную землю, но считал необходимым предупредить возможность его отъезда, расквартировав войска в самом Тибете, а затем отрезать джунгарам возможность проникновения на территорию со всех возможных направлений, задействовав при этом и тибетские войска. Развивая идею необходимости решить, воспользовавшись случаем, как вопрос управления Тибетом, так и джунгарскую проблему, генерал писал, что даже если вспыхнувшее волнение — это всего лишь убийство одного калона другими из мести, то следует подождать, пока джунгары не захотят, учитывая слабость тибетской верхушки, ввязаться в конфликт, и тогда на них напасть. В конце донесения Юэ Чжунци также выразил опасение, что если проявить снисхождение и помиловать калонов, сославшись на незнание ими закона, но, будучи злыми от природы, они в итоге сойдутся с джунгарами и кукунорцами, а этого допускать никак нельзя [11, с. 257–258].

Практически все предложения Юэ Чжунци были императором приняты. Так, Далай-лама был отстранен от участия в делах светского правления и под охраной перевезен в специально отстроенный для него по приказу императора монастырь Галдангон (кит. Хуэйюань) в местности Гартар (кит. Тайнин). Согласно биографии Полханэ, генерал Чжаланга в ноябре 1728 г. нанес визит Далай-ламе и передал ему приглашение императора Юнчжэна посетить Пекин. Генерал сообщал, что путешествие займет не больше года. Однако как европейские, так и китайские исследователи предполагают, что на самом деле визита к императору не планировалось с самого начала, и обе стороны четко это осознавали. Приглашение в Пекин было использовано в качестве аргумента, чтобы Далай-лама не смог отказаться от поездки [12, р. 152–153; 13, с. 454–455]. Стоит, однако, отметить, что встреча с императором как цель поездки во «внутренние земли» фигурировала в переписке с императором и после прибытия Далай-ламы в Литан в докладе бригадного генерала Мала [8, с. 1707].

В то же время Соднаму Даргье было предложено посетить Пекин. Очевидно, что привлечь к какой бы то ни было ответственности такую фигуру, как отец Далай-ламы, было невозможно, поэтому не удивительно, что результатом его визита стало получение им 29 июля 1729 г. титула князя шестой степени⁷. Интересно, однако, отметить, что в указе, дарующем ему этот титул, не просто перечислялись его заслуги, включавшие главным образом воспитание духовного лидера Тибета, но также было сказано, что Соднам Даргье «не вмешивался ни на йоту в тибетские дела» [2, р. 336–337].

Информация о жизни Далай-ламы в Гартаре есть в книге Л. Петеха [12, р. 158–175], поэтому мы не будем заострять на ней внимание, тем более, что она не была насыщена событиями.

К 1734 г. ситуация в Тибете стабилизировалась, а с джунгарами у империи было заключено перемирие. В то же время содержание Далай-ламы, его многочисленной свиты и охранявшего его покой двухтысячного войска требовало больших расходов,

⁶ В китайских документах под «внутренними землями» понималась территория собственно Китая, не включавшая зависимые земли, в том числе Тибет.

⁷ Кит. Фугогун.

о чем императору докладывали из Гартара. Поэтому, получив петицию от Панчен-ламы с просьбой вернуть духовного лидера буддистов в Лхасу, 18 августа 1734 г. император подписал следующий указ: «Раньше я повелел Далай-ламе переехать в Тайнин, так как в то время в Тибете случилась история с Нгабопой, и я боялся, что джунгарские разбойники воспользуются ситуацией и нападут. Поэтому повелел ему переехать поближе к границе, чтобы было удобнее его оберегать. Переехавшие с ним последователи уже давно покинули родную землю и очень хотят вернуться. Сегодня бэйлэ Полханэ действительно эффективно натренировал тибетские и олётские войска. Каждый горный проход, который необходимо охранять, уже серьезно защищен. В Тибете все спокойно и ничего не случится. Панчен-эрдэни стар и болен. Поэтому следует велеть Далай-ламе вернуться в Тибет. Пусть цинь-ван Юньли⁸ поедет в Тайнин встретиться с Далай-ламой. Джанджа-хутухте повелеваю поехать вместе с ним» [12, р. 361]. Так, в Тибет была направлена исключительно представительная миссия во главе с братом императора, который в то время возглавлял Лифаньюань (Палату по делам зависимых территорий) и был прекрасным знатоком тибетского буддизма. В состав миссии также вошел Джанджа-хутухта Ролби-Дордже (1717–1786), получивший, несмотря на юный возраст, титул «государственного учителя»⁹. Состав миссии свидетельствует о том, какую важную роль играл в региональной политике Далай-лама. Также можно предположить, что, приглашая изначально духовного лидера посетить Пекин, император позаботился о своего рода компенсации за то, что не нашел возможности встретиться с Кэлсангом Гьяцо лично, отправив вместо себя своего брата.

Делегация прибыла в Тайнин 16 января 1735 г.¹⁰ Юньли пробыл там до 25 февраля 1735 г. Официальные встречи с Далай-ламой подробно описаны в дневнике принца, в биографии Кэлсанга Гьяцо, написанной участником этих событий Ролби-Дордже, а также в биографии самого Ролби-Дордже. Юньли находился в Гартаре около двух месяцев, проводя время в беседах на религиозные темы с Далай-ламой и принимая местных вождей и чиновников. На церемонии по случаю отъезда Юньли кроме принца и Далай-ламы присутствовали Джанджа-хутухта, китайские генералы и Соднам Даргье. В завершение празднования было показано музыкальное представление на исторический сюжет выдачи китайской принцессы за тибетского правителя времен династии Тан [15, цз. 2, л. 2а].

Два дня спустя Юньли со свитой отправился в обратный путь. Несмотря на то что быт и нравы тибетцев не произвели на увлеченного тибетским буддизмом Юньли положительного впечатления (тибетцы описаны как неопрятные люди, носящие тусклую некрасивую одежду, местность непригодна не только для земледелия, на ней не могут нормально расти ни деревья, ни трава), между ним и Далай-ламой установились хорошие личные отношения, о чем есть свидетельства в целом ряде источников [14, с. 203–207]. Когда Юньли вернулся в Пекин, он заказал свой конный портрет у итальянского художника и написал на нем: «Я путешествовал на юго-запад, быстро преодолев 10 000 ли. Дорога в Сычуани была спокойной. Цзоские кони мчались быстро. Священная сила дэ [императора] распространилась широко, а не-

⁸ Юньли (1697–1738) — семнадцатый сын император Канси.

⁹ Кит. Гоши.

¹⁰ Описание встречи Далай-ламы с принцем (см. [14, с. 203]).

бесный авторитет [императора] постепенно растет. [Я] еще не добился осуществления [его] помыслов, смотрю в даль беспредельных перспектив»¹¹.

Джанджа-хутухта остался в Литане, чтобы сопровождать Далай-ламу на пути в Тибет. Некоторое время он изучал тексты под руководством Кэлсанга Гьяцо, а затем, 15 марта 1735 г., они направились в Лхасу. Личные взаимоотношения, установленные между Джанджа-хутухтой и Далай-ламой, имели важнейшие исторические последствия. Джанджа-хутухта впоследствии не только защищал интересы Далай-ламы перед следующим императором Цяньлуном (правл. 1736–1795), но и повлиял на его решение в 1751 г. после мятежа сына Полханэ Гьюрмэ Намгьела о передаче светской власти Далай-ламе.

Торжественный въезд Далай-ламы в Лхасу состоялся 3 сентября 1735 г. Еще до церемонии въезда, подготовки которой пришлось ждать несколько дней, Далай-лама был встречен ликующими ламами и чиновниками, в том числе Полханэ. Состоялся пышный банкет, организованный тибетским правительством. Однако, по свидетельствам католических миссионеров, находившихся в то время на территории Тибета, за внешней пышностью скрывались серьезные ограничения: Далай-лама не должен был вмешиваться в дела светского правления, а его отцу было позволено приезжать в столицу Тибета только раз в год, и время пребывания было ограничено.

Так начался новый период в истории Тибета, когда светская и религиозная власть вновь были разделены, а внутренняя и внешняя политика, осуществляемая тибетским аристократом Полханэ, находилась под контролем представителей цинских властей.

Литература

1. Xi zang she hui li shi zang wen dang an zi liao yi wen ji [Собрание переводов материалов тибетских архивных документов по истории тибетского общества]. Пекин, 1997. 242 с.
2. Qing shi lu zang zu shi liao [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1–9. Lhasa, 1982. 4789 p.
3. Liu Sheng Qi. 1727–1728 nian wei zang zhan zheng qian hou qing zhong yang de zhi zang fang ce // Min zu yan jiu. Beijing, 2004 (1). P. 92–101 [Лю Шэнци, Политика управления Тибетом цинского центрального правительства до и после войны Уя и Цзана в 1727–1728 гг. // Этнические исследования. Пекин, 2004 (1). С. 92–101].
4. Kato Naoto. Lobjang Danjin's Rebellion of 1723: With a Focus on the Eve of the Rebellion // Acta Asiatica. N 64. Tokyo, 1993. P. 57–80.
5. Shu-hui Wu. Die Eroberung von Qinghai unter Berücksichtigung von Tibet und Kham 1717–1727. Anhand der Throneingaben des Grossfeldherrn Nian Gengyao. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 365 S.
6. Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 1. С. 58–67.
7. Nian geng yao zou zhe. The Memorials of Nien Keng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum. Republic of China, Shih-lin, Taipei, 1971. 399 p.
8. Yong zheng chao man wen zhu pi zou zhe quan yi [Перевод тайных донесений с маньчжурского языка с резолюциями императора Юнчжэна]. Т. 1–2. Хуаншань, 1998. 2661 с.
9. Deng Rui Ling. Yong zheng chao chu qi zhi zang zheng ce yun yu guo cheng zhong de zuo yong // Zhong guo zang xue. Beijing, 2002 (2). P. 78–89. [Дэн Жуйлин. Процесс становления тибетской политики в начале правления императора Юнчжэна // Китайская тибетология. Пекин, 2002 (2). С. 78–89].
10. Guo Sheng Li. You guan Kang Yong A er bu ba yi ze shi liao zhi kao zheng // Qing shi yan jiu. Beijing, 2010 (4). P. 95–101 [Го Шэнли. Исследование исторических материалов о Нгабопе времен правления Канси и Юнчжэна // Исследования по истории династии Цин. Пекин, 2010 (4). С. 95–102].

¹¹ Сегодня портрет с подписью хранится в музее Императорского дворца в Пекине.

11. Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian [Собрание тайных донесений на китайском языке с резолюциями императора Юнчжэна]. Т. 32. Пекин, 1989. 961 с.
12. *Petech L.* China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1972. 309 p.
13. Yuan yi lai Xi zang di fang yu zhong yang zheng fu guan xi yan jiu / Duoji Caidan, Deng Rui Ling, Chen Qing Ying, Zhang Yun, Zhu Qi Yuan. Beijing, 2005. 1331 p. [Дордже Цетен, Дэн Жуйлин, Чэн Цинъюин, Чжан Юн, Чжу Циюань. Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань. Пекин, 2005. 1331 с.]
14. Успенский В. Л. Тибетский Буддизм в Пекине. СПб., 2012. 368 с.
15. *Yunli Xi zang ri ji* [Юньли, Тибетский дневник]. Пекин, 1937. Цз. 1–2.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Солощева Мария Алексеевна — аспирант, ассистент; mary1685@mail.ru

Soloshcheva Mariya A. — Post-graduate student, Assistant Professor; mary1685@mail.ru

А. Г. Суцневский

НАДПИСИ ИЗ ВАДИ ЭЛЬ-ХОЛЬ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье представлены историческое и грамματοлогическое описание проблемы формирования предполагаемой фонографической модели письма, зафиксированной в двух надписях, происходящих из Верхнего Египта (Вади эль-Холь). Проводится анализ возможности появления подлинной фонографии в маргинальной социальной группе носителей западно-семитского языка в эпоху Среднего царства (около XX в. до н. э.). Предложена гипотеза относительно принципов и структуры модели письма надписей из Вади эль-Холь. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: Вади эль-Холь, Верхний Египет, Среднее царство, западносемитский, алфавитное письмо, идеография, морфография, гетерография, грамματοлогия.

THE INSCRIPTIONS OF WADI EL-ḤŌL: AN ESSAY OF HISTORICAL DESCRIPTION OF THE ISSUE

A. G. Sushchevsky

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Nearly a century has witnessed a long sequence of efforts applied to describe and demonstrate the problem of the origin of "alphabetic" writing in the ancient Eastern Mediterranean, considering so called "Proto-Sinaitic" and "Proto-Canaanite" inscriptions. The description "alphabetic" being irrelevant on the grounds of grammatology is revised in the present article in favor of "phonological" mode of writing. The article offers some new inferences of how phonological writing could be formed in the deprived and constricted group of Western Semites in Egypt of the Middle Kingdom.

Most and even recent approaches to the issue are of paleographic, grammatological and linguistic kind with an obvious lack of *historical* approach. A new hypothesis on historical background of the Middle Kingdom is offered to depict terms mating to the problem of origin of what is here called heterography of the traditional Egyptian system of writing. One of the points is demonstrated: why and under what circumstances "Western Semitic phonography" being invented even at the beginning of XXth century BC fell into oblivion for four centuries and was nearly reinvented in Levant at the edge of XV–XIV cent. BC. Refs 10.

Keywords: Wadi el-Ḥōl, Upper Egypt, Middle Kingdom, West Semitic, alphabetic writing, ideography, morphography, heterography, grammatology.

История возникновения алфавитной системы письма, казалось бы, описана вполне удовлетворительно на основе появления в Ханаане на рубеже XV–XIV вв. до н. э. значительного числа документов, письменность которых представляет собой подлинную фонографию в ее консонантном варианте. Где-то на горизонте, как всегда, «виднелось облачко» так называемого синайского письма, однако вполне неясные грамματοлогический и лингвистический контексты надписей в Серабит эль-Хидим исключали их использование¹ в построении общей исторической картины важнейшего коммуникативного ресурса современной цивилизации. И только «энтузиасты»

¹ К. Т. Ходж вообще исключает необходимость использования «синайского» и соответствующего «палестинского» материала для описания истории возникновения финикийской консонантной фонографии [1, с. 277].

специализированных областей египтологии и семитологии время от времени публиковали довольно противоречивый набор свидетельств и их аналитический обзор.

Между тем эта историческая проблема остается актуальной прежде всего потому, что в мире динамично развивающихся систем коммуникации мы глубже начинаем осознавать ценность нашего основного «интерфейса» — фонографической модели письма (оставляя в стороне дальневосточную идеографию, какую бы позицию в современном мире она ни стремилась занять).

Один из так называемых законов Мэрфи, иронично описывающих системообразующие факторы в научной аналитике, гласит, что когда описание теории приобретает законченный вид, обязательно найдется некто, представивший данные, требующие расширить теорию до границ, в которых уже никто из специалистов ровным счетом ничего не понимает. В нашем случае, имея в виду историю письма, «маленькое облачко» на горизонте раздували до размеров грозовой тучи начиная с последней четверти истекшего столетия, и, к сожалению, этот процесс, поддерживаемый научными публикациями, но отнюдь не должным уровнем исторического и лингвистического анализа, продолжается. Представить некоторый предварительный анализ сложившейся ситуации в современном описании истории происхождения подлинной консонантной фонографии и было основной мотивацией написания предлагаемой статьи.

Аналитика начинается с принципов и ограничений, с которыми в дальнейшем придется иметь дело. Прежде всего, крайне *неудобно* описывать систему письма как «алфавитную». Алфавит — это модель мнемоническая. Ее функция — обеспечить запоминание знаков письма, графем. Для этой цели каждый знак получает определенное имя и место в последовательности. Будучи, таким образом, упорядоченной системой, алфавит может быть использован для самых разнообразных кодировок. Простота мнемотехники и системоорганизующий потенциал обеспечили алфавиту широкое распространение и даже утвердили во мнениях как «самую совершенную модель письма».

Вполне очевидно, что никакого отношения к собственно принципам письма ни мнемоника, ни форма организации знаков не имеют. Поэтому описание модели как «алфавитной», несмотря на традиции и внешнюю простоту, закрывает для нас возможности ее принципиального анализа.

Широко распространенное и, кажется, по сей день общепринятое определение письма как упорядоченной системы знаков, графически фиксирующих *вербальный* уровень отражения сообщения, также крайне неудобно, тем более, если мы погружаемся глубоко в историю письменных систем. Я, в принципе, далек от радикальных утверждений Питера Дамерова, отрицавшего синтаксическую организацию протоклинописных текстов [2, § 4.2], но допускаю, что синтаксис как форма организации сообщения может быть прослежен и при визуально-графическом уровне отражения представляемой реальности². Именно с этим условием мы, по-видимому, имеем дело, анализируя тексты, созданные на ранних стадиях идеографии. В таком случае принципиальная формулировка определения письма может быть получена на основе калибровки «визуальная/вербальная организация сообщения». В предельном описании проблемы, мы, вероятно, располагаем двумя моделями письма, получа-

² Греческое *syntaxis* означает в самом широком смысле просто «порядок», в данном случае — упорядоченность сообщения, а не обязательно структуру языка.

емыми при нисходящем анализе: идеографию (визуальное отражение) и фонографию (вербальное отражение).

Актуальная система письма, по-видимому и как правило, построена на основе некоего компромисса между двумя моделями, что и порождает множество функциональных вариантов³.

Особую проблему представляет «чтение» письма или, точнее говоря, интерпретация. Ряд неверных методологических подходов к этой проблеме почти *на два века (!!!)* закрыл возможность адекватного описания письменной системы текстов древнего Египта, которая до сих пор большинством специалистов представляется как фонографическая⁴. И если много трудностей вызывает анализ формирования идеографической модели (во многообразии ее вариантов, например, *морфографии* [4, с. 142–143]), то описание генезиса фонографической модели вообще представляется блужданием во тьме без путеводного светоча.

Однако не вызывает особых проблем то обстоятельство, что сообщение, сформированное для визуального отражения (например, знак дорожного движения или «идеограмма» в интерфейсе интернет-приложения), может быть интерпретировано вербально, что не делает модель, использованную для формирования сообщения, фонографией. Такого рода аналитическая ошибка стала исходным пунктом для появления описаний графем как «логограмм» и «семограмм» у американского ассириолога и грамматолога И. Гельба [5, с. 43–44].

И, наконец, в завершение представления исходных положений, обратимся к семантическому треугольнику Фреге (*Zeichen-Sinn-Bedeutung*), он же — модель Отдена—Ричардса. В случае идеографической модели десигнатом графемы (идеограммы) выступает матрица визуального распознавания объекта и многочисленные семантические связи опыта, сформированного вместе с ней в сознании субъекта. «Слову», что бы это описание ни предполагало, в этой схеме места не выделено. Поэтому и описание «логограмма» не формирует принципиального подхода к анализу древнейших систем письма. Разумеется, лексическая интерпретация распознанного знака возможна, но вторична и субъективна и требует определенной конвенциональности. Собственно идеограмма отделена от изображения в художественно-композиционном пространстве *не структурами языка, а функциональной гранью*, за которой расширяется когнитивный опыт (что и вызывает трудности анализа древнеегипетских памятников при утрате конвенциональных контекстов древней культуры).

Условия фонографической модели куда более сложны для аналитического описания. В семантическом треугольнике в этом случае десигнатом выступает *фон*, речевая реализация некоего представления о минимальной звуковой единице, фонеме. Проблема состоит в том, что носитель языка вычленить такой фон в потоке речи, как правило, не может. Для него минимальным элементом будет просодическая единица, отождествляемая со слогом. Поэтому первый шаг на пути формирования фонографии — создание силлабария, слогового письма, событие универсального порядка в различных письменных системах.

³ Например, знаки цифр в современных европейских системах все-таки концептуально ближе к идеограммам и уж, во всяком случае, чужды фонографии.

⁴ Разумеется, сохраняется и идеография, но она в описаниях занимает маргинальное положение, тогда как в пропедевтике наибольший вес придан «фонетическим знакам»; (см., напр. [3, р. 12, § 2.2]).

Подлинная фонография — это своего рода абстракция, и получить ее можно, по-видимому, только в поистине экстремальных условиях. Однако описание этих условий уже не область грамматики, а область истории. И здесь, собственно, и начинается наша статья.

Историческая традиция Пятикнижия по сути утверждает, что древнейшим текстом, отражавшим, выражаясь современной терминологией, *западносемитский языковой контент*, были Десять Заповедей, переданные Богом Моисею и записанные на Скрижалях Завета. Возникновение этого текста, согласно традиции, относится к центральной части южного Синая, одной из самых жестоких пустынь на свете. Проблема, однако, в том, каким письмом этот текст мог бы быть записан: Моисей был воспитан при дворе Фараона и, надо полагать, получил египетское образование, т.е. был знаком только с египетским письмом.

В этой традиции сохранен ряд ключевых моментов, которые так или иначе можно соотнести с реальностью: во-первых, культовый контекст; во-вторых, экстремальные условия — пустыня и горы; в-третьих, египетское письмо в качестве субстрата.

Все эти три положения прослеживаются в относительно недавней публикации двух надписей из Вади эль-Холь, представленной Дж. К. Дарнеллом и его исследовательской группой [6].

Выводы работы таковы: две надписи из Вади эль-Холь в Западной (Ливийской) пустыне Египта между Луксором и Хивом (Ху) представлены фонографической моделью письма (или, как пишут авторы, «алфавитным письмом»); они отражают не египетский, а некий западносемитский язык, но графемы этого письма целиком и без исключения в своем *дукте* восходят к знакам египетского «скального курсива» (особой смеси скорописи и священного письма). По содержанию обе надписи отражают, должно быть, западносемитскую антропониимику⁵, однако чтению пока не поддаются. Другими словами, как пишут исследователи «синаяского письма», «лингвистический контекст не определен» [7]. Надо отметить, что обе надписи оставлены в местах, где египетские начальники пустынных мобильных отрядов приказывали высекать свои титулы и имена.

Египетская традиция оставлять надписи с развернутой формой имени (титулы и патронимика) отражает важнейшую сторону культовой практики: обеспечение иной жизни через сохранение имени на вечных памятниках. В этом отношении еще более показательны надписи, оставленные вокруг древних царских копей на Синайском полуострове в Серабит эль-Хидим, месте почитания Хатхор-хозяйки-бирюзы. Именно из этих мест происходит основной контент так называемого синаяского письма, аналогичного, по мнению Гамильтона [7, р. 36 и др.], Засса [8] и других исследователей, форме письма из Вади эль-Холь.

Палеографический анализ знаков, использованных в надписях из Вади эль-Холь, как будто не оставляет сомнений в том, что их формы действительно были заимствованы из египетского «скального курсива»⁶. Простое наблюдение показывает, что здесь использована не морфология египтян, и содержание графем не относит-

⁵ Удалось прочесть *rb* «господин» и *'l* «бог».

⁶ Дарнелл и его коллеги используют неточную дескрипцию *lapidary hieratic*: «иератика камня» действительно существовала, например, на «стелах дарений» Ливийской эпохи, но к скальным граффити она отношения не имеет.

ся к египетскому языковому контенту. Идея Гамильтона, поддержанная Дарнеллом и его группой, состояла в том, что знаки представляют собой консонантные фонограммы, функционально подобранные в соответствии с приписанной им акрофонией. Например, египетская морфограмма «зыбь на воде, волна» (N 35 по таблице Гардинера, -n-) интерпретировалась лексически как *māj «вода» и, соответственно, использовалась для передачи -m-.

Археологический контекст надписей позволяет отнести их к эпохе правления XII династии (в данном случае 1-я четверть II тысячелетия до н.э.), т.е. по меньшей мере лет за 400 до появления текстов с западносемитской фонографией.

На этом этапе описание проблемы письма из Вадии эль-Холь и Серабит эль-Хидим неожиданно завершается в упомянутых выше публикациях, что ставит гораздо больше вопросов, чем предлагает ответов. И прежде всего — если фонографическая модель письма была сформирована в среде носителей некоего западносемитского языка в Египте, то почему на протяжении последующих столетий вплоть до рубежа XV–XIV вв. до н.э. в ареале распространения западносемитских языков не встречаются тексты, записанные этим простым и удобным письмом, покорившем со временем весь мир?

Между XVII и XVI вв. до н.э., в эпоху так называемого гиксосского владычества, выходцами из Восточного Средиземноморья была создана обширная империя, охватывавшая земли от Египта до Сирии. Но «семитская фонография» не стала письменностью этого политического образования.

В последующую эпоху тесных контактов Египта, городов-государств Ближнего Востока и касситской Вавилонии был создан своего рода единый культурный ареал, обеспечивавший взаимообмен литературными, дипломатическими и иными текстами, происходило взаимное проникновение различных систем письма, но следов проявления «семитской фонографии» зафиксировать как будто не удалось.

В этот же период XVI–XV вв. до н.э. в египетских писцовых кругах создавалась особая модель письма, получившая название «силлабическая» [9], или «новая орфография», как представляется сегодня, предшественница семитского консонантизма в принципах письма. Зачем было ее создавать более века, если уже в самом Египте была сформирована фонография на основе собственно знаков египетского письма?

И наконец — в какой социальной группе египетского общества могли сложиться условия формирования письма, по своим принципам прямо противоположного традиционному, обеспечивавшему не только социальную адаптацию, но и сам смысл жизни — культ имени? Каковы были социальные цели такого письма, какого рода коммуникацию оно поддерживало и кто были те, кто оказался «лингвистически» более подготовлен, чем самые мудрые из египетских учителей?

Получить позитивные ответы на многие из этих вопросов не удастся, поскольку само их негативное содержание сформулировано на основе хорошо документированных исторических условий. С лингвистической точки зрения описание проблемы надписей из Вадии эль-Холь тоже приобретает негативный характер. Обособленная в Верхнем Египте группа носителей одного из западносемитских языков не может создать для себя подлинно фонографическую модель письма, да еще в консонантном варианте, прежде всего потому, что в этих языках процессы формо- и словообразования поддерживаются трансфиксом, особой операцией изменения гласного в морфологической основе. Письмо, не указывающее такого рода изменения,

для семитских языков практически не функционально при изначальных условиях формирования⁷.

Поскольку в справедливости поставленных вопросов я не могу сомневаться, то вывод мой таков: мы имеем дело с квазипроблемой. Другими словами, если исторические условия не позволяют появиться подлинной фонографии в этом месте и в это время, значит это не она. Мы столкнулись с особой формой гетерографии по отношению к традиционной для египетского письма модели. Проанализируем исходные условия проблемы еще раз.

Надписи из Вади эль-Холь и Серабит эль-Хидим (а только о них и имеет смысл говорить как об имеющих хоть какой-то исторический и грамматологический контекст) обнаружены за пределами египетской земли, но на территории, подотчетной египетской администрации, и в местах, отмеченных египетским культом. Других археологических контекстов для обнаружения текстов с письмом этого типа пока нет.

В египетских административных документах эпох Среднего и Нового царств следов этой формы письма нет, а ведь египтянам не свойственна была ксенофобия, особенно в отношении языка и письма, кроме одной области — теургии и культового служения.

Итак, по-видимому, письмо из Вади эль-Холь не имело административного применения в Египте, оно не обеспечивало коммуникацию с египетскими административными службами и, следовательно, не обеспечивало какую бы то ни было форму социальной адаптации в египетском обществе, например, на воинской службе. Однако форма и *дукт* его знаков, по заключению Дарнелла, показывают вполне определенно [6, р. 91], что сформировалось оно в Египте Среднего царства.

Египетское письмо в форме административного курсива (традиционно в египтологии используется термин «иератика») не служило моделью для форм знаков письма из Вади эль-Холь. Любые же формы так называемой иероглифики служили исключительно культовым целям!

Надписи военачальников пустынных мобильных отрядов из народов *ʿZmw* выполнялись на египетском языке и египетской же морфографией, что относило их к египетскому культу имени. Таким образом, этническое происхождение на выбор формы письма влияния не оказывало. Складывается впечатление, что социальную нишу для формирования особого письма у некой социальной группы мы уже вполне обрисовали. Ни этнический, ни административный контекст здесь не были задействованы. Однако культовый контекст выделен весьма рельефно.

Переход на египетскую службу означал для иноземца прежде всего получение египетского имени (вспомним библейскую историю Иосифа и наречение ему египетского имени (Быт. 41: 45)), что было необходимо для списков местной управы, *кен-бета*. Соответственно, его носитель уже переходил в сферу египетской письменной культуры и, следовательно, обретал египетский культ имени. Однако жить в Египте и не иметь надежд на вечную жизнь... Вот, поистине, тот мотив, который был так проникновенно обрисован Мигелем де Унамуно («О трагическом чувстве жизни»).

Любопытно то обстоятельство, что выходцы из западносемитских регионов в египетских административных текстах эпохи Среднего царства часто указываются

⁷ Достаточно вспомнить аккадскую силлабографию, которая была в ходу в том числе и в Угарите, где сосуществовала с собственно угаритским письмом, древнейшей полноценной консонантной фонографией.

только под своим этнонимом *ʕm.w*, что означает их маргинальное положение среди всех социальных групп египетского общества. Документально мы можем проследить только тех из них, кому удалось влиться в египетские должностные и храмовые хозяйства и даже войти в состав крупных египетских семейств. Большинство из них уже носило египетские имена [10, с. 76–77].

У нас практически нет сколько-нибудь надежной документации о тех *ʕm.w*, которые не попадали в сферу египетского администрирования. Их имена *никогда и нигде не записывались по-египетски, и они не имели возможности попасть в сферу египетского культа имени*. Пожалуй, это действительно актуальная мотивация для экспериментов над некой моделью гетерографии, так сказать, параллельной египетской консонантной морфографии.

Для описания письма из Вади эль-Холь я решил бы предложить следующую гипотезу. Начнем, опять-таки, с исходных условий. Если у Гамильтона, Засса и Дарнелла нет сомнений в том, что графической основой «семитской фонографии» было египетское письмо, то, надо полагать, и его принципы были исходным условием формирования гетерографии из Вади эль-Холь.

Египтяне же пользовались сегментной морфографией, т.е. моделью письма, в которой словоформа членится не только на морфологические сегменты для последующего отражения через идеограммы, но и вообще на произвольные сегменты, каждый из которых может объединять, например, аффикс и фрагмент корневой морфемы. Однако египетское письмо весьма последовательно в своих принципах отражало две важнейшие особенности структуры египетского языка старого состояния: *исключительно линейный характер морфологии и вытекающее из него отсутствие гласного трансфикса в процессах слово- и формообразования*.

Иначе говоря, у египтян эпохи Среднего царства с фонологической точки зрения был хорошо представлен опыт о характерных согласных звуках, консонантах, и именно эти звуки поддерживали такие структуры, как *семантика*. Гласные звуки, насколько можно судить, в этих процессах в языке старого состояния участия не принимали, и поэтому опыт о них у носителей египетского языка был весьма специфическим, чтобы не сказать смутным.

Таким образом, каждый, использовавший египетское письмо в качестве основы для построения некоей «пиджин-модели», должен был бы по необходимости научиться членить словоформы и своего языка именно на *консонантные сегменты*. В случае носителей языка западносемитской группы это означало, что из минимальных просодических элементов («словов») исключались гласные. В конечном итоге он, предполагаемый творец письма Вади эль-Холь, получил бы модель в целом изоморфную подлинной консонантной фонографии, но *по природе и исходным принципам таковой не являвшуюся*.

Эта модель письма имела весьма ограниченную функциональность: памятную запись имен у узкой и маргинальной группы *ʕm.w* в составе египетского общества, и потому его конвенциональность, как графическая, так и семантическая, едва ли была доведена до совершенства. Возможно, это и определяет современные трудности в его интерпретации.

Эти же две основные черты письма из Вади эль-Холь и Серабит эль-Хидим — ограниченность в функциональной и социальной сферах — обеспечили этой «гетерографии *ʕm.w*» забвение в эпоху, когда Левант стал ареной борьбы могуществен-

ных политических сил. Лишь в узкое «окно» истории на рубеже XV–XIV веков до н.э. формы и принципы этого письма были востребованы в Ханаане для создания собственного «алфавита».

Литература

1. *Hodge C. T.* The Hieratic Origin of the Ugaritic Alphabet // *Anthropological Linguistics*. Bloomington: The Trustees of Indiana University, 1969. Vol. 11, N 9. P. 277–289.
2. *Damerow P.* The Origins of Writing as a Problem of Historical Epistemology // *Cuneiform Digital Library Journal*. 2006. N 1. P. 1–10. URL: http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlj/2006/cdlj2006_001.html (дата обращения: 23.08.2013).
3. *Loprieno A.* Ancient Egyptian: A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 322 p.
4. *Петровский Н. С.* Звуковые знаки египетского письма как система. М.: Наука, 1978. 174 с.
5. *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма (основы грамматики). М.: Радуга, 1982. 366 с.
6. *Darnell J. C. et al.* Two Early Alphabetic Inscriptions from the Wadi el-Ḥôl: New Evidence for the Origin of the Alphabet from the Western Desert of Egypt // *The Annual of the American Schools of Oriental Research*. Boston: The American Schools of Oriental Research, 2005. Vol. 59. P. 63–124.
7. *Hamilton G. J.* The Origins of the Western Semitic Alphabet in Egyptian Scripts. Washington: The Catholic Biblical Quarterly Monograph Series 40. 2006. 433 p.
8. *Sass B.* The Genesis of the Alphabet and Its Development in the Second Millennium B. C. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. 221 p.
9. *Albright W. F.* The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography. New Haven: American Oriental Society (American Oriental Series. Vol. 5), 1934. 74 p.
10. *Берлев О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1972. 363 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Щуевский Андрей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент; petubast@mail.ru

Soushchevsky Andrey G. — candidate of historical sciences, associate professor; petubast@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.221.31

М. С. Пелевин

МЕТАФОРЫ И ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ АФГАНСКОЙ ПЛЕМЕННОЙ ХРОНИКИ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье исследуются художественно-изобразительные средства (метафора и сравнение) в языке афганской племенной хроники XVII–XVIII вв., относящейся к начальному периоду развития книжной прозы на языке пашто. Исследуемые тексты входят в компилятивное историографическое сочинение «*Tārīkh-i muraṣṣaʿ*» (закончено в 1724 г.) и включают в себя разнородные по содержанию и жанровой принадлежности записи афганских племенных вождей Афдал-хана Хатака (ум. ок. 1740/1741) и Хушхал-хана Хатака (ум. 1689). Представленный в статье анализ метафор и сравнений, используемых авторами хроники для решения как собственно художественных, так и внелитературных идеологических задач, показывает, что данные языковые средства по источнику могли быть индивидуальными (локальными), общезыковыми или заимствованными из региональной книжной традиции, а по мотивировке — основанными на зооморфной образности или бытовых и социально-исторических реалиях. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: язык и литература пашто, художественная метафора, сравнение, средневековая культура паштунских племен.

METAPHORS AND FIGURATIVE COMPARISONS IN THE LANGUAGE OF A PASHTUN TRIBAL CHRONICLE

M. S. Pelevin

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The paper examines expressive stylistic tools (metaphors and figurative comparisons) in the texts of an Afghan tribal chronicle composed in the early literary Pashto language in the XVII–XVIII centuries and included in the historiographical work *Tārīkh-i muraṣṣaʿ* (“The Ornamented History”). The authorship of this work finished in 1724 is ascribed to the Pashtun tribal ruler Afḍal Khān Khatak (d. circa 1740/1741). However, among the texts of the chronicle there are original records of his grandfather, the eminent classical poet Khūshḥāl Khān Khatak (d. 1689), as well as some accounts directly based on the Khūshḥāl’s lost diaries traditionally known under the title *Bayāḍ* (“A copybook”). Until now *Tārīkh-i muraṣṣaʿ* has not been thoroughly studied outside the Pashto-speaking academic circles in Afghanistan and Pakistan, and its only Peshawar edition by D. M. Kāmil (1974), obviously, lacks primary textological research. Regardless of the fact that the texts of the chronicle are badly structured and obscured by a number of incorrectly located passages, hidden lacunas, interpolations, textual recurrences, and even grammatically unfinished sentences, this part of *Tārīkh-i muraṣṣaʿ* is the most important in the

book, for it contains only original and absolutely unique documentary and literary material in Pashto including genealogies, historical accounts, political declarations, letters, family stories, personal diaries and memoirs of the Khatak tribal rulers.

To reach their literary as well as nonliterary ideological objectives the authors of the chronicle extensively employ various literary devices, including metaphors and figurative comparisons. In the present study these stylistic means are classified by their origin as being local, or author's (e.g., 'a bowl of food' for 'paltry dole', 'spell-bound cock' for 'helpless and resigned victim', 'Bengali magician' for 'shrewd man'), commonly used in vernacular speech ('sister' for 'cowardly man', 'a piece of meat' for 'worthless person', 'carrion-eating birds' for 'base and greedy people'), and those derived from bookish, mostly religious sources ('The Judgment Day' for 'hardships and troubles', 'snakes and scorpions from beyond the grave' for 'improperly obtained material wealth', probably, 'chess-game' for 'intrigues'). By motivation many metaphors and comparisons reflect widespread zoomorphic figurativeness ('dog' for 'mean and rude person', 'monkey' for 'ridiculous person without any self-esteem', 'jackals and foxes' for 'insidious and corrupt people'), or everyday life realities ('clouds of the Pashakāl season' for 'fruitless efforts', 'burned village' for 'deserted settlement'), or some socio-historical and cultural traditions ('Muslim ritual of sacrifice during pilgrimage' for 'bloody battle', 'the throne of Delhi' for 'something very desired'). Lexical material collected and analyzed in the paper may also help to illustrate the process of formation of the written literary Pashto language in the XVII–XVIII centuries. Refs 14.

Keywords: Pashto language and literature, literary metaphor, comparison, medieval culture of Pashtun tribes.

В компилятивном историографическом сочинении «*Tārīḫ-i muraṣṣa'*» («Украшенная драгоценностями история»), написанном на раннем литературном языке пашто во второй половине XVII — первой четверти XVIII в., наибольший интерес для исследования — как в источниковедческом, так и литературно-художественном отношении — представляют оригинальные авторские тексты, которые в совокупности могут быть отнесены к жанру племенных хроник. Эти тексты включают в себя генеалогию, рассказы о ключевых событиях племенной истории, семейные предания, письма, политические документы, дневниковые записи и воспоминания [1, с. 254–513]¹.

Авторами текстов являются вожди паштунского племени хатак, потомственные правители хатакского княжества Афдал-хāн (ок. 1664/1665–1740/1741) и его дед, выдающийся паштунский поэт-классик Хушхāl-хāн (1613–1689). Формально автором хроники, как и всего сочинения «*Tārīḫ-i muraṣṣa'*», считается Афдал-хāн, который сам называет себя «составитель книги» (*mu'allif dā kitāb*). Однако немалая часть хроники — это тексты, принадлежащие Хушхāl-хāну. Афдал включил их в хронику как в виде прямых цитат, так и в виде пересказов. Например, в оригинале со-

¹ Единственное на сегодняшний день пешаварское литографское издание «*Tārīḫ-i muraṣṣa'*» 1974 г. в основном полностью воспроизводит текст одной рукописи сочинения, хранящейся в Пенджабской публичной библиотеке Лахора (Punjab Public Library) и датированной 1867 г. Из каталогов и других научных публикаций известно около десяти рукописных списков сочинения (см. [2, с. 44–48; 3, с. 155–157; 4, с. 6–7, 58–59]). Хотя издатель сочинения Д. М. Кāмил привлекал для выявления отдельных разночтений несколько рукописей, опубликованный им текст нельзя считать критическим. Например, разнородные тексты хроники никак не упорядочены и не структурированы, в них не отмечены явные лакуны, текстуальные повторы, интерполяции и другие более или менее очевидные погрешности. Для введения в научный обиход сочинение «*Tārīḫ-i muraṣṣa'*», и в первую очередь его оригинальная хроникальная часть, требуют более тщательного текстологического и кодикологического анализа.

хранен длинный фрагмент из утраченного личного дневника Хўшҳāl-ҳāна, известного в литературной традиции под названием «*Байāд*» (букв. «книга для записей») [1, с. 298–327]. Также именно в хронике до нас дошел полный текст поэмы Хўшҳāl «*Свāт-нāма*» («Книга о [поездке в долину] Свāт») [1, с. 327–343]. К тому же вся хроника пересыпана стихотворными цитатами из поэтического собрания Хўшҳāl. Все первые разделы хроники, где содержатся генеалогия и сведения из ранней истории хатаков, являются пересказами записей Хўшҳāl-ҳāна, о чем Афдал прямо сообщает в самом начале текста: «Это повествование со слов высокочтимого хана (Хўшҳāl-ҳāна. — М. П.), который собственноручно записал в своем “*Байāде*”...»

Несмотря на свою исключительную литературную и документальную значимость, хатакская племенная хроника, как, впрочем и вся книга «*Тārīх-и мурасса*», за пределами академических кругов Афганистана и Пакистана в нужной степени не изучалась и по-прежнему не может считаться освоенным рабочим источником по истории, культуре и языку афганцев позднего средневековья². В предлагаемой статье рассматриваются художественные элементы языка хроники — метафоры и образные сравнения.

Для варьирования стилистической окраски текста авторы хроники достаточно регулярно пользуются образными сравнениями, которые основаны и на оригинальных тропах, и на распространенных метафорах, видимо, уже устоявшихся в языке пашто в рассматриваемую эпоху. Самостоятельно тропы и метафоры употребляются редко. Одной из самых популярных метафор, которая встречается в тексте хроники как самостоятельно, так и в грамматически оформленных конструкциях сравнения, является религиозное понятие Судного дня (*қийāмат* ‘Восстание [из мертвых]’). Во всех случаях это понятие имеет обычный для него переносный смысл и обозначает масштабные бедственные события с тяжелыми последствиями:

«В конце концов кто-то сказал Мухаммаду Амйн-ҳāну: “Иди вон той дорогой [через перевал] Тахтарӯ, что спускается к реке. Туда, где соединяются воды. Когда войско приведешь к реке, там и устрой хорошее сражение”. Но это не [просто] дорога была, а дорога к Судному дню. Когда войско пошло по [перевалу] Тахтарӯ, сгнуло. Такой Судный день был ниспослан моголам, что не дай Бог ему случиться с другими мусульманами» [1, с. 298];

«В эти последние времена, схожие с Судным днем, никакой веры не осталось. Не осталось у отца надежды на сына. Что еще тут сказать? Время удивления и назидательного примера. Волею Бога, из-за злодейств дурных людей дела нашего рода (*хелҳāна*) дошли до такого крайнего предела» [1, с. 309];

«Они начали военные действия, пришли в Дӯāбу. Тамошний народ они привлекли на свою сторону. Потом пошли к дāvудзаям в Гулбīлу. Потом двинулись к Мйчнī. Сделали себе лодки для переправы. Жители Навшахра встревожились, как будто пришел к ним Судный день...» [1, с. 391];

«Под [стволами] фузей (*джазā’йл*) им было сложно подняться и бежать. Но поскольку другого выхода у них не было, они с большими трудностями, спотыкаясь, бросились бежать из укреплений. Потерпели они поражение. Плохой час был [для них], словно Судный день. Каждый бежал, спасая самого себя...» [1, с. 464].

² Фактически в отечественной и западной афганистике сочинение «*Тārīх-и мурасса*» по-прежнему известно только по старым британским хрестоматиям Х. Раверти [5] и Т. Хьюза [6], а также переводу последней на английский язык [7].

Другие редкие примеры самостоятельных тропов — слово ‘шахматы’ (*шатрандж*) со значением ‘интрига’, ‘политическая игра’, слово ‘сестра’ (*хор*) со значением ‘не мужчина’, ‘трус’ (в подразумеваемом противопоставлении слову ‘брат’), словосочетания ‘тарелка еды’ (*рәкәбэй та’ям*) со значением ‘мелкая подачка’ и персидское ‘горсть мяса’ (*мушт-и ғушт*) со значением ‘ничтожный человек’:

«Но когда ему стало известно о той сделке, — а он, недальновидный и неразборчивый, всегда был настроен на смуту, — на несколько дней задержался, [подумав]: “А вдруг с этими **шахматами** какая-нибудь [хорошая] игра выйдет”...» [1, с. 407];

«С ‘Абдаллāхом и Мухаммадом я (Афдал-хāн. — М. П.) тоже несколько раз говорил с глазу на глаз: “Что это за **шахматы** такие? Сами себе же навредите”. Но они настолько впали в заблуждение, что мои добрые и милостивые советы были для них смертельным ядом» [1, с. 408];

«А этого подлого Ҷадр-хāна звали **сестрой** Ҳамзы и подпевалой Бахрāма. Не было в нем достоинства и самоуважения³...» [1, с. 485];

«По прошествии нескольких дней в Пешаваре, — а туда с надеждами ранее приехал Бахрām, — моголы увидели: “Народ, племя — в согласии с таким-то (Афдал-хāном. — М. П.). Если прогнать Бахрāма, с его стороны еще возникнет какая-нибудь смута. А пребывание Бахрāма у нас есть причина недовольства и огорчения такого-то”. Тогда они послали ему **тарелку еды**...» [1, с. 403];

«Аллāхдāд-хāн был вынужден прислать ко мне своего сына, эту никчемную **горсть мяса**, вместе с всадниками мандаңами» [1, с. 484].

Разграничение индивидуальных авторских или локальных тропов и общеупотребительных метафор во многих случаях может быть только предположительным. Ясно, что среди приведенных выше примеров ‘Судный день’ — распространенный поэтический книжный троп, а ‘сестра’ и ‘кусоч мяса’ — вполне обыденные тропы устной речи из словаря бытовых оскорблений.

Сложнее обстоит дело с ‘шахматами’ и ‘тарелкой еды’. Игра в шахматы стала популярной у хатакской знати, видимо, после индийского плена Хўшхāl-хāна (1664–1669). Хўшхāl посвятил шахматам главу в своей книге «*Дастār-нāма*» [8, с. 89–90] (см. также [9, с. 280]). Вполне вероятно, что название этой игры перешло в разряд тропов именно в речи Хўшхāl-хāна, а затем как троп с переносным значением ‘интрига’ утвердилось в лексиконе его семьи. Не исключено также, что слово *шатрандж* в качестве поэтической метафоры имело хождение в персидском языке могольской Индии. Что касается словосочетания ‘тарелка еды’, то использование в нем арабского слова *та’ям* вместо многочисленных собственно паштунских эквивалентов со значением ‘еда’ говорит скорее о локальном характере тропа. Однако простая, сама собой напрашивающаяся связь прямого и переносного значений в этом сочетании, а также большие возможности синонимии для составляющих его лексем позволяют

³ Речь идет о Ҷадр-хāне Хатаке, сыне Хўшхāl-хāна и дяде Афдал-хāна, ныне признанном афганском поэте-классике из числа выдающихся представителей хатакского литературного круга. Ҷадр-хāн родился в браке Хўшхāла с дочерью вождя йўсуфзайского клана бāййзай. Ҳамза был братом его матери, т. е. дядей по йўсуфзайской линии. Как свидетельствует хатакская хроника, Ҷадр-хāн состоял в лагере политических противников Афдал-хāна. В издательских словах «сестра Ҳамзы» Афдал-хāн не только обвиняет Ҷадр-хāна в трусости, но и намекает на его кровнородственные отношения с йўсуфзаями, соседями и постоянными врагами хатаков. Бахрām-хāн — дядя и политический противник Афдала.

предположить, что это сочетание могло быть вариантом (парафразом) идиомы, уже существовавшей в устном языке.

Преобладание в хронике простых стандартных метафор и основанных на них прозрачных по смыслу сравнений обусловлено жанровой принадлежностью и функциями текста, где художественные задачи всецело подчинены внелитературным целям. Читатель хроники не должен был отвлекать свое внимание на эстетику художественных образов, а тем более озадачиваться разгадыванием оригинальных метафор. Красивые сравнения и головоломные тропы относились к области лирической поэзии и эпистолярных опусов. Витиеватая, насыщенная нарочито усложненными метафорами стилистика характерна только для некоторых писем Афдал-хана, включенных в хронику.

Язык хроники в целом отличается прямым лаконичным бытописательским стилем, который был изначально задан «Байа́дом» Хушхал-хана. Слабое влияние вычурного персидского языка могольской историографии проглядывает только местами, больше всего в разделах, относящихся к политической истории Великих Моголов, т. е. по содержанию выходящих за рамки собственно племенной хроники. Элементы сугубо поэтического языка с присущей ему шаблонной образностью тоже являются исключениями, резко выделяющимися на общем фоне заданного повествовательного стиля. У Афдала, например, встречается такой пассаж, стилистически диссонирующий с окружающим контекстом:

«В то весеннее время, когда цветок Пророка (вид розы. — М. П.) в созерцании весны все свое тело превратил в зрачок, а розовый куст в слушании мелодий Давуда и песен Барбада⁴, то есть пения соловьев, превратил все свое существо в ухо, а сады, и луга, и поля, и дома, и степи изобиловали цветами, по благому делу Мухаммада 'Али-хана⁵, которое имело отношение к семье Махаббата, сына Шахбаз-хана, вместе со всем племенем я приехал в Сарай⁶» [1, с. 413–414].

Как показывают все ранее приведенные примеры, метафоры и сравнения стоят на службе не только бытописательского стиля, но и политической идеологии авторов хроники. Благодаря своей экспрессивности они помогают формировать у читателя требуемое отношение к описываемым событиям и людям.

Не случайно многие образные сравнения построены на самом простом и традиционном, имеющем фольклорные корни сопоставлении людей и представителей мира фауны. Критериями сопоставления, а соответственно и переноса значения, становятся, как правило, только поведенческие характеристики и повадки, но не черты внешнего сходства. Хотя в хронике подобные сопоставления обычно оформляются грамматически как выражения сравнения (прежде всего посредством соответствующих предлогов и послелогов), сами названия некоторых животных, такие как 'пес' (*спай*), 'осел' (*хар*), 'обезьяна' (*бйзо*) и пр., по сути уже являются готовыми художественными метафорами с ясным для всех переносным смыслом. Слово 'пес', например, у афганцев, как и у других народов, — распространенное ругательство со

⁴ Давуд — библейский царь Давид, знаменитый своими песнями; Барбад — легендарный древнеиранский певец и музыкант, предположительно живший во времена Сасанидского царя Хусрава Парвйза (правил 591–628).

⁵ Мухаммад 'Али-хан — старший сын Афдал-хана. Под «благим делом» Афдал имеет в виду женитьбу своего сына.

⁶ Сарай (или Сарай-Акора, совр. Акора-Хатак) — городок, расположенный примерно в 60 км к востоку от Пешавара, наследственная резиденция хатакских князей.

значением 'подлый недостойный человек'. Интересно, что авторы хроники, видимо, в качестве квазиэвфемизма часто предпочитают пользоваться персидским эквивалентом этого слова — *саг*, который у Афдал-хана встречается в устойчивом сочетании *ба хал-и саг* (букв. 'в состоянии пса', т. е. 'как пес'):

«Бахрām, как **пес**, бродил в том войске, ведь у него не осталось никакой надежды» [1, с. 371];

«В 1124 году [1712 г.] злосчастный Бахрām, который в Навшахре сидел голодный, как **пес**, дошел до такого состояния, что...» [1, с. 402–403].

А Хушхал-хан в своем дневнике даже изобретает неологизм «псовость» (*спайвāлай*), образуя абстрактное понятие из афганского слова *спай* в его метафорическом бранном значении:

«Поехал я в Рустам. Хорошая долина, хорошая вода, хорошие деревья. Жили там очень хорошие хатакские семейства. Были они тарай. Как дома я там находился. Бывал там еще Малик Расул 'Усмāнхел, кровный родственник Хамза-хана, брата моей жены. Кроме Малика Расула со всеми прочими возник разлад. Они со мной не знали. В конце концов выяснилось, что этим **собакам** (*сагāн*) передалась **псовость** (*спайвāлай*) Хамза-хана...» [1, с. 324].

Осел часто ассоциировался с неумеренным чревоугодием и приземленными желаниями. В письме к брату Малику Мухаммаду Афдал-хан добавляет к этим качествам еще и философское спокойствие перед лицом судьбы:

«Подобно **ослу**, который набивает брюхо и дозволенным и недозволенным, а потом спокойно себе лежит в одном месте, не беспокоясь ни о том, что впереди него, ни о том, что позади...» [1, с. 437].

Нетипичная для фауны паштунских земель обезьяна символизировала жалкого подвластного человека, слугу-марионетку, нелепого шута, исполняющего чужую волю. Этот образ пришел к афганцам из Индии, где «на базарах показывали свое искусство борцы, дрессировщики маленьких обезьян, танцоры, заклинатели змей, музыканты, фокусники в надежде заработать на пропитание» [10, с. 157]. Один вид маленького вертлявого человекоподобного зверька, привязанного за шею веревкой, давал очевидную ассоциацию для сравнения. Образом дрессированной обезьяны пользовался в своих стихах Хушхал-хан; в одной газели, например, он сказал: «Тому, кто стал обезьяной у циркача (*бāзйгар*), зачем теперь изображать величие!» [11, с. 15]. Такой же переносный смысл в слово 'обезьянка' (*бйзогай*) вкладывает в хронике Афдал, характеризуя своего недруга Хамза-хана устами кабульского наместника Амйр-хана:

«Постепенно [Амйр-хан] отпустил всех йусуфзаев. Одного Хамза-хана с сыном он оставил при себе. Хамза-хану [он дал] чин двухтысячника, Джалāl-хану — пятисотника по той причине, что, мол: "Причинил я зло момандам. Не дай Бог, в один миг рассорюсь и с йусуфзаями. О том моем зле они помнят. Снова соберут они совет для [ответного] зла. Пусть-ка этот Хамза-хан будет у меня как **обезьянка**, чтобы им показывать..."» [1, с. 504].

Менее распространенным в афганском поэтическом языке был образ кошки (*пйшо*), который однажды встречается у Афдал-хана при описании трусливого поведения дядьев 'Абд ал-Қадира (Қадй) и Шахбāза (Бādй), постоянно враждовавших с ним. Из кошачьих повадок для образного сравнения Афдал выбирает давно подмеченную настырность животного в стремлении пробраться в жилище человека:

«Тут такой страх и ужас охватили их, что они испугались за свои шкуры. Как **кошки**, стали они лезть в каждый дом. В конце концов они были так опозорены, что уже не находили пути для бегства» [1, с. 389].

Наиболее привычные для паштунов зооморфные образы черпались из мира пернатых. Хўшҳāl-ҳāн, увлекавшийся соколиной охотой и орнитологией, в своей лирике создал для афганской поэзии готовый арсенал классических птичьих образов. Эти образы распадались на три группы: ловчие птицы ястребиных, соколиных и орлиных пород олицетворяли доблестных, мужественных и благородных мужей, ревнителей паштунского кодекса чести, птицы-падальщики (грифы, коршуны, вороны и пр.) символизировали подлых и коварных трусов, а все промысловые и хищные птицы означали беспомощных и слабых простолюдинов, не способных защитить себя (см. [12, с. 190–191]). В хронике орнитологические тропы представлены единичными примерами, наподобие такого:

«Тараи из Цотары собрались вокруг него (Бахрāма. — М. П.) словно **птицы-падальщики** (*мурдārхvāра мурғўна*), жаждущие мертвечины» [1, с. 486].

Из стандартной ролевой схемы птичьих образов выпадает образ заколдованного петуха (*дэ кодо чарг*), один раз использованный Афдал-ҳāном. В своей мудрой сентенции Афдал намекает на известный трюк, когда под воздействием гипноза петух или курица становятся безропотными жертвами:

«Все несчастья — от нас самих; как **заколдованный петух**, мы сами, хотим того или нет, перерезаем себе ножом глотки» [1, с. 466].

Кроме зооморфных образов, извлеченных из жизненной практики, в хронике встречаются также абстрактные книжные. Такими в частности являются «змеи» (*мāр*) и «скорпионы» (*ларам*). Они относятся к лексикону мусульманской эсхатологии и символизируют телесные мучения, ожидающие грешников в потустороннем мире. Ранее эти образы уже были хорошо освоены в мистико-философской поэзии рошāнйтов. Давлат Лохāнай, например, не раз предупреждал в своих стихах о том, что на том свете в жалящих змей и скорпионов превратятся материальные богатства, накопленные человеком при жизни (см. [9, с. 249]). Афдал-ҳāн один раз использует эти образы в том же смысле, порицая алчность ҳатакских шейхов из окружения его противника, шейха Сарфарāз-Гула:

«Деньги, которые с большим трудом помногу или помалу были собраны на пожертвования и подношения шейхам, словно **змеи** и **скорпионы** стали для них — для тех людей, которые проели их ни на благо веры, ни на благо мирского...» [1, с. 466].

Впрочем, в одном случае эсхатологические образы «змей» и «скорпионов» применяются Афдалом в нестандартном контексте. Обозначая мятежных паштунов, они помогают автору с большей выразительностью сформулировать его ультимативную политическую прокламацию, адресованную могольским властям:

«Падишахскую дорогу от Аттока до Пешавара я закрою, и все, что на этом участке попадется мне, станет добычей моего клинка. А поселения от Аттока до Пешавара я пожгу огнем. Паштуны только и ждут того, чтобы начать мятеж. Когда в эти последние времена я подниму бурю из клинка и огня, эти **змеи** и **скорпионы** сами высунут головы из своих нор. Паштуны Хайбара станут камнем [преткновения] (букв. 'камнем дороги') для наместника. А я здесь разграблю все владения. Опозорю я его перед падишахом, унижу его перед всеми людьми!» [1, с. 416].

С зооморфной образностью связана популярная у Афдал-хана метафора 'виляние хвостом' с переносным значением 'подхалимство', 'заискивание' (перс. *думджунбāнӣ*)⁷, неоднократно употребляемая в отношении поведения дядьев 'Абд ал-Қадира (Кадӣ) и Шахбаз-хана (Бадӣ). В ряде случаев метафора сопровождается сравнением с животными — шакалами (*шақāl*) и лисами (*рӯбāх*), которые традиционно символизируют такие человеческие качества, как хитрость и подлость:

«В 1124 г. [1712 г.], когда Кадӣ и Бадӣ в скверном положении сидели в Навшахре, повсюду они виляли хвостом. Но мне были известны их скрытые низости, козни, плутовство и раскольничество...» [1, с. 407].

«...Когда пришло известие о смене падишаха, они (Кадӣ и Бадӣ. — М. П.) завиляли хвостом, словно шакал и лиса ...» [1, с. 384];

«...Они нашли [удобное] время в этой распре, стали ходить по домам сородичей, виляли хвостом словно лисы. Склоняли они людей на сторону Бахрама...» [1, с. 493].

«С нами они устраивали советы, а когда уходили, писали [письма], шли к паштунам, сбивали людей с пути. Мы знали, кто они такие, [знали] их виляние хвостом, но я не подозревал, что они совершат такое предательство, бесстыдство и подлость» [1, с. 392].

Многие образные сравнения в хронике, как и большинство рассмотренных выше тропов, основаны на каких-либо реалиях — повседневных и исторических. Такие сравнения не только оживляют язык повествования, но также иллюстративно дополняют общую картину жизни и образа мышления хатакских вождей и их соплеменников. Например, рассказывая об отъезде своей семьи из горной крепости Тахт зимой 1674 г. вследствие эпидемии, вызванной холодным и сырым климатом, Хушхал-хан сравнивает массовый исход людей из Тахта с тем, что бывает при пожаре:

«Мои родичи находились в крепости Тахт; климат Тахта был им вреден... Большинство болело лихорадкой, тяжело им было. Они написали мне: "Забери нас отсюда"... Как деревню охватывает огонь, и из нее уходит народ, также и оттуда ушел и стар и млад...» [1, с. 315].

В этом развернутом сравнении отражено типичное отношение современников Хушхала к пожару как к распространенному стихийному и социальному бедствию, наносившему большой ущерб (ср. русск. 'бояться как огня'). Пожары возникали постоянно под воздействием природных и гомогенных факторов. Поджог жилищ и посевов был наиболее жестоким методом ведения войны. Для усиления эмоционального эффекта от рассказа о поголовном заболевании лихорадкой Хушхал рисует в воображении читателя знакомый всем апокалиптический пейзаж селения, обезлюдившего после пожара.

Из других часто наблюдаемых природных явлений Афдал-хан использует для сравнения зрительный образ облаков *пашакāла* — дождливого времени года, начи-

⁷ Персидское слово *думджунбāнӣ*, образованное путем словосложения или, по новым представлениям, посредством полуаффиксации (см. [13, с. 148–152]) от глагольной идиомы *дум джунбāнӣдан* 'вилять хвостом', фактически употребляется только в своем переносном значении, но в силу очевидной мотивировки значения воспринимается именно как метафора, что показывают примеры со сравнением. Хотя у Афдала эта метафора чаще используется как именная часть сложного глагола *думджунбāнӣ кавāl* 'вилять хвостом', в тексте хроники есть также пример самостоятельного употребления лексемы.

навшегося в предгорьях юго-восточного Гиндукуша со второй половины лета. Большие и грозные дождевые тучи не всегда приносили осадки, которых жители равнин, видимо, с нетерпением ждали в жаркие месяцы, но вызывали повышенную влажность воздуха. Отсюда возникло естественное сравнение облаков *пашакāла* с внешне значительным, но по сути бесполезным делом:

«В конце концов однажды я сказал им: “Эй, амāзаи! От вашей джирги нет пользы, как от облаков *пашакāла*. Огромными горами они поднимаются, но проходят мимо впустую...”» [1, с. 459–460].

Многие образные сравнения черпались из социальной сферы. Так, хитрые и коварные люди ассоциировались у Хўшхāl-хāна с чародеями и фокусниками, которых он во множестве видел на улицах индийских городов и к которым всегда относился неодобрительно, как к лживым мошенникам. «Бенгальским чародеем» (*бангālī cāхир*) он называет хатакского шейха Дийā’ ад-Дйна, своего зятя, ввязавшегося во внутриплеменную борьбу за власть:

«К Дийā’ ад-Дйну я послал человека. Такие хитрости он явил, что ты бы сказал, что он бенгальский колдун. Отступился он [от прежнего], стал отрицать. На устах отрицает, в душе признает. Я его к себе звал, но он тысячу отговорок привел. Даже если бы сам себя обманул, все равно не приехал бы...”» [1, с. 302].

Для племенных вождей, военных командиров, естественным и идеологически очень значимым было художественное сравнение боевых потерь с ритуальным жертвоприношением, под которым понимался мусульманский праздничный обряд *‘ид ал-’адхā* (курбан-байрам), совершаемый во время паломничества 10 числа месяца *зў-л-хиджжа*. Одну из своих газелей, написанных на военную тему, Хўшхāl-хāн начинает словами: «Отважных воинов я приносил в жертву паштунской чести (*нанг*) / И снова собирал отборных доблестных бойцов» [11, с. 312]. Аналогичным сравнением пользуется Афдал, сообщая о победном сражении его отряда под командованием сына Мухаммада ‘Алй-хāна с воинством родного брата Нāмдāра у местечка Спйн-Кāнай осенью 1718 г. накануне праздника *‘ид ал-’адхā*:

«На следующий день, девятого числа [месяца] *зў-л-хиджжа* [03.11.1718], в день ‘арафы⁸, я выехал из Спйн-Кāнай. Был я богат силой клинка. Вместо жертвоприношения я заплатил свой долг жертвами храбрых бойцов. Посетил я *зийāрат* великого шейха Шайха Рахмкāра, попросил о помощи...”» [1, с. 416].

Примечательное сравнение, основанное на исторических реалиях, Афдал-хāн приводит в своей речи на племенной джирге в феврале 1724 г. Джирга собралась для обсуждения вопроса о тактике, которую следовало избрать хатакским князьям в конфликте с шейхом Сарфарāз-Гулом и его сторонниками. Афдал пишет в хронике:

«Много разговоров и споров вышло. В конце концов я сказал им: “Мы с вами много войн повидали и совершили. Но это не такое дело. Вы не понимаете это так, как вижу я. Сарāй — это не делийский трон, что мы с него встанем, а снова не сможем занять. А решить вопрос с шейхами будет не трудно...”» [1, с. 456].

В этих словах Афдал намекает на два эпизода из истории Индии, когда верховная власть в Дели принадлежала двум династиям афганского происхождения — Лодй (1451–1526) и Сўрй (1540–1555). Сам факт того, что паштунские вожди смогли

⁸ На девятый день *хаджжа* в Мекку приходится его центральный ритуал — многочасовое стояние паломников перед холмом Джабал ар-Рахма в долине ‘Арафāt; это стояние (*вукўф*) продолжается с полудня до захода солнца.

возвыситься до статуса правителей Индии, заняв делийский престол, был предметом исключительной национальной гордости всех паштунов вплоть до образования и расцвета собственной афганской государственности под главенством династии Дуррані во второй половине XVIII в. Имена самых знаменитых афганских правителей Индии — Бахлола Лоді (ум. 1489) и Шйр-шāха Сӯрй (ум. 1545) — стали символами героического прошлого паштунского народа; они вошли в фольклор и книжную поэзию. «Слышу я рассказы о Бахлоле, о Шйр-шāхе / Которые были паштунскими падишахами в Индии. / Несколько поколений длилось их правление, / Ими были поражены все люди», — писал Хӯшхāl-хāн в одной из своих газелей [11, с. 215].

Делийский трон воспринимался паштунами как вполне достижимая вершина военной и социальной карьеры, что даже нашло свое отражение в народной поговорке, о которой упоминает Ф. Бернье, французский путешественник и придворный врач императора Аурангзеба. В одном из своих писем из столицы могольской Индии Бернье рассказывал: «Эти патаны горды и воинственны, — даже самые ничтожные из них, хотя бы они были слугами или водоносами, ставят себя очень высоко и говорят, когда клянутся: “Пусть я никогда не стану королем в Дели, если это не так”» [14, с. 186].

Смысл образной фразы Афдал-хāна в его речи на джирге заключается в том, что в силу сложившихся политических обстоятельств княжеская резиденция Сарāй-Акора может быть временно отдана под власть хатакских шейхов, поскольку вернуть ее обратно несравнимо легче, чем занять делийский престол, когда-то безвозвратно утраченный афганцами.

Рассмотренные в статье художественные приемы иносказания не только характеризуют индивидуальные стилистические особенности языка хатакских племенных вождей и способы использования ими языковых средств для решения нехудожественных идейно-политических задач, но также позволяют получить представление об общем процессе формирования литературного языка паштунской книжной прозы в XVII–XVIII вв.

Литература

1. *Афдал-хāн Хатак*. Тāйх-и мураҗса‘ (Украшенная драгоценностями история) / подготовка текста, предисловие, примечания Д. М. Кāмил. Пешавар: University Book Agency, 1974. 1494 с. (на языке пашто).
2. *Blumhardt J. F., Mackenzie D. N.* Catalogue of the Pashto manuscripts in the libraries of the British Isles. London: The Trustees of the British Museum and The Commonwealth Relations Office, 1965. 147 p.
3. *Хевāдмал* З. Дə Хинд дə китāбхāно пашто хаттй нусхе (Рукописи пашто в библиотеках Индии). Кабул: Пашто толəна, 1363/1984. 308 с. (на языке пашто).
4. *Кāмил Д. М.* Муқаддама (Предисловие) // Тāйх-и мураҗса‘. Пешавар: University Book Agency, 1974. С. 5–72 (на языке пашто).
5. *Raverty H. G.* The Gulshan-i-Roh: being selections, prose and poetical, in the Pushto, or Afghan language. London: Longman & Co., 1860. 532 p.
6. *Hughes T. P.* The Kalid-i Afghani, being selections of Pushto prose and poetry for the use of students. Peshawar: The Punjab Education Press, 1872. 418 p.
7. *Plowden T. C.* Translation of «Kalid-i Afghani». Lahore: The Central Jail Press, 1875. 395 p.
8. *Хӯшхāl-хāн Хатак*. Дастār-нāма (Книга о чалме) / предисловие: С. Риштйн; глоссарий: Д. М. Кāмил. Кабул: Пашто толəна, 1345/1966. 154 с. (на языке пашто).
9. *Пелевин М. С.* Афганская поэзия в первой половине — середине XVII в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 352 с.
10. *Ашрафян К. З.* Дели: история и культура. М.: Наука ГРВЛ, 1987. 264 с.

11. *Хушхал-хан Хаттак*. Куллийāt (Собрание произведений) / предисловие и примечания: Д. М. Кāмил Моманд. Пешавар: Идāра-йи ишā'ат-и сархадд-и Пешāвар шахр, 1952. 968 с. (на языке пашто).

12. *Пелевин М. С.* Хушхал-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской национальной поэзии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 286 с.

13. *Рубинчик Ю. А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература РАН, 2001.

14. *Бернье Ф.* История последних политических переворотов в государстве Великого Могола / пер. с франц. Б. Д. Жуховецкого, М. Томара; предисл. А. Пронина. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 357 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Пелевин Михаил Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, профессор;
mosprolege@gmail.com

Pelevin Mikhail S. — doctor of philological sciences, associate professor, professor;
mosprolege@gmail.com

*О. П. Родионова***ИЗДАНИЕ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ
В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье осуществлен сравнительный анализ переводов русской и советской детской литературы в КНР в 1970–1980-е годы и после 2000 г. Обработка полученных данных позволила выявить основные тенденции в области перевода отечественной детской литературы в Китае. Установлено, что почти половину изданий российской литературы в Китае можно отнести к детской литературе. При этом среди последних более половины составляют произведения М. Горького и Н. Островского. Остальные детские издания охватывают практически всех русских и советских авторов, входящих в круг детского чтения, и представляют все известные жанры детской литературы. В топ-десятку авторов, изданных в КНР, кроме М. Горького и Н. Островского, вошли В. Бианки, А. Пушкин, И. Крылов, М. Ильин, К. Булычев, А. Беляев. Сравнивая данные указанных периодов, мы можем говорить о пятикратном увеличении как числа переводчиков, так и количества китайских издательств, выпускающих нашу детскую литературу после 2000 г. Вместе с тем уже в 1980-е годы Китай расширил географию зарубежных переводов, отойдя от модели 1950–1960-х годов, в которой русская и советская литература играла роль главного наставника. Переводческий бум иностранных произведений для детей после «культурной революции» 1966–1976 гг. побил все рекорды. При этом в общем потоке мировой детской литературы, пришедшей в Китай, русские и советские произведения опустились с первого на четвертое место. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: Китай, Россия, Советский Союз, детская литература, издание, перевод.

**PUBLISHING OF RUSSIAN AND SOVIET CHILDREN'S LITERATURE
IN CHINA IN THE NEWEST TIME***O. P. Rodionova*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article offers a comparative analysis of translations of Russian and Soviet children's literature in China in 1970–1980s and after 2000s. The obtained data allowed us to compile statistic data and identify the main trends in translation of Russian children's literature in China. It has been found that almost half of the publications of the Russian literature in China can be attributed to children's literature. Among the latest translations more than a half represents the works of M. Gorky and N. Ostrovsky. Other children's publications cover practically all Russian and Soviet authors and belong to all known genres of children's literature. Among the top ten authors, published in the PRC, except M. Gorky and N. Ostrovsky, we also find V. Bianky, A. Pushkin, I. Krylov, M. Yilyin, K. Bulyichev, A. Beliaev. Comparing the data of the periods mentioned above, we can see fivefold increase in both the number of translators and the number of Chinese publishing houses, producing our children's literature since 2000 year. However, in the 1980s, China expanded the geography of foreign translations, moving away from a model of 1950–1960s, when the Russian and Soviet literature played the role of the main tutor. The translation boom of foreign works for children after the “cultural revolution” of 1966–1976 broke all records. However, in the general flow of world literature for children, which came to China, Russian and Soviet works dropped from the first to the fourth place. Refs 17.

Keywords: China, Russia, Soviet Union, Children Literature, Publishing, Translation.

В отечественном Китаеведении достаточно регулярно появляются статьи, демонстрирующие основные тенденции в издании переводов художественной литературы в России и Китае [1–4]. При этом в фокус исследований специалистов, как

правило, попадает лишь «взрослая» литература. Между тем уже несколько столетий человечество на пути ко «взрослой» литературе проходит через этап литературы «детской». Развиваясь, она постепенно обрела свое достоинство и заняла прочные позиции благодаря литераторам, воспитателям или педагогам, позволившим массам принять и осознать ее важную роль в формировании личности ребенка. Современному поколению легко захлебнуться в море красочных детских изданий. Тем не менее в разных странах у каждого такого книжного моря свой вкус, свои оттенки, своя глубина, свое содержание. Целью настоящей статьи является исследование потока русской и советской детской литературы, которая издается сегодня в КНР.

Доступные нам базы данных по произведениям русской, советской и постсоветской литературы, переведенной на китайский язык и изданной в КНР [5, 6], позволили сравнить два периода: знаковое для Китая десятилетие 1976–1986 гг., открывшее задранные шторы для литературных потоков из-за рубежа, и последнее десятилетие, точнее, период с 2000 по март 2013 г. Обработка полученных данных за указанные периоды позволила нам выявить основные тенденции в области перевода и издания отечественной детской литературы в Китае.

Говоря о детской литературе, нам следовало определиться с содержанием данного понятия. Руководствуясь общими принципами, изложенными в учебнике «Редакторская подготовка изданий» под общей редакцией С. Г. Антоновой, мы посчитали целесообразным включать в число отбираемых изданий как книги, написанные специально для детей, учитывающие их возрастную специфику, так и книги для взрослых, которые, будучи интересны и понятны детям, прочно вошли в круг детского чтения [7]. К последним, как правило, принято относить образцы народного творчества, а также произведения классиков. Таким образом, из 2780 книг, представляющих отечественную переводную художественную литературу, изданную в Китае за последние годы, практически половину, а именно 1346 книг, можно смело отнести к детской литературе [6]. Разумеется, вопрос о «книгах, интересных и понятных детям», нельзя считать однозначно решенным, поскольку формирование круга детского чтения зависит от конкретной социально-исторической ситуации. Так, например, в нашем случае, помня о масштабном влиянии советской литературы, играющей воспитательную роль, мы посчитали необходимым включить в наш список культовый роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь», а также часть произведений М. Горького, который и по сей день является в Китае «не только самым переводимым и читаемым, но и самым изучаемым зарубежным автором современности» [8]. Сразу оговоримся, что только издания нескольких книг этих двух авторов составляют более половины нашего списка за 2000–2013 гг. Так, роман Н. А. Островского был издан за это время 285 раз в восьмидесяти вариантах перевода, а количество сборников М. Горького, включающих такие произведения, как «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Мать», достигло 425! Если же не принимать во внимание этих двух авторов, то оставшаяся половина книг указанного списка, а именно 636 наименований, поражает не только своим количеством, но и разнообразием писателей и произведений.

Чтобы в должной мере осознать количество изданной в Китае за последнее время русской, советской и постсоветской детской литературы на фоне гораздо более скромных достижений в издании китайских книг в России, можно ознакомиться с подробной статистикой, представленной в статье А. А. Родионова «О перево-

дах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР», в которой говорится о «десятикратном дисбалансе во взаимном распространении китайской и российской литератур» [2, с. 140]. Подчеркнем, что детская китайская литература, за исключением единичных случаев (да и то не относящихся к последнему десятилетию), вообще никак не представлена на российском издательском рынке. И здесь также можно привести впечатляющие цифры, проливающие свет на сложившуюся ситуацию. Так, если в России «за последние восемнадцать лет в переводе новейшей китайской прозы приняли участие 43 специалиста» [2, с. 141], то с китайской стороны армия переводчиков только детской литературы за последние десять с лишним лет насчитывает более 400 человек [6]! И если даже принять во внимание переиздание в Китае переводов, выполненных ранее, то получившаяся цифра будет не намного меньше, поскольку основная масса переводной детской литературы публикуется в Китае впервые, либо в новых переводах. Мы также подсчитали количество издательств, выпустивших нашу детскую литературу в 2000–2013 гг., и получили 181 единицу [6]. Приводимые цифры заставляют о многом задуматься.

Сравнивая полученные данные с периодом 1976–1986 гг., мы можем говорить о явной тенденции увеличения как количества переводчиков, так и количества издательств. Так, в списке книг русской и советской детской литературы, изданных в первое десятилетие после «культурной революции», фигурировало лишь 77 переводчиков и 38 издательств [5]. Таким образом, мы констатируем пятикратное увеличение. Кроме того, мы также можем отметить и ежегодный рост количества изданий переводной отечественной детской литературы в последнее десятилетие. Достаточно взглянуть на приводимые ниже цифры: 2000 г. — 6; 2001 г. — 6; 2002 г. — 3; 2003 г. — 46; 2004 г. — 55; 2005 г. — 59; 2006 г. — 78; 2007 г. — 98; 2008 г. — 110; 2009 г. — 175; 2010 г. — 210; 2011 г. — 210; 2012 г. — 248.

После уже упоминавшихся нами М. Горького и Н. А. Островского на третьем месте среди русских и советских писателей, чьи произведения входят в круг детского чтения в Китае, стоит В. Бианки. С творчеством этого писателя и биолога, чей талант в свое время обнаружил и поддержал М. Горький, в Китае знакомы уже давно. Так, например, Б. Л. Рифтин в статье «О современной китайской детской литературе», вышедшей в 1955 г. в сборнике «О литературе для детей», уже упоминал о переводе «Лесной газеты» В. Бианки [9, с. 198]. В списке за 1976–1986 гг. фамилия В. Бианки повторяется семь раз. За эти годы в Китае отдельными книгами вышли сборники его сказок, рассказов и повестей о животных, в том числе сборники «По следам» и «На великом морском пути». Третье место в списке последнего десятилетия В. Бианки принесли 277 изданий, в числе которых в основном сборники «Лесная газета», «По следам», «Приключения муравьишки».

В советское время под влиянием М. Горького, С. Маршака, В. Маяковского и других основоположников детской литературы, находивших новые таланты, в ряд детских писателей, помимо В. Бианки, переквалифицировались моряк и летчик Б. Житков, а также несостоявшийся математик Л. Кассиль. Творчество Б. Житкова представлено в Китае последнего десятилетия его «Рассказами о животных» и «Морскими историями». В 1983 г. в Китае вышла повесть Л. Кассиля о юном художнике «Ранний восход».

В ранний советский период, когда детская литература в нашей стране переживала важный этап становления, многие «взрослые писатели», вдохновившись при-

мером коллег по перу, последовали по их стопам. Как следствие, детская литература обогатилась замечательными произведениями М. Пришвина, В. Катаева, А. Толстого, В. Каверина, М. Зощенко, которые тут же обрели свою популярность в Китае. Например, сборники рассказов М. Пришвина (среди них «Дневники», «В краю непуганных птиц», «Жень-шень») за последнее десятилетие издавались в КНР 14 раз, а в 1980-е годы там вышла его известная книга для детей «Кладовая солнца». Специально адресованные юным читателям, в Китае в тот период также были изданы книги «Цветик-семицветик» и «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Два капитана» В. Каверина, сборник юмористических и детских рассказов М. Зощенко, трилогия А. Рыбакова «Приключения Кроша», сказка А. Толстого «Золотой ключик или приключения Буратино». Перечисленные выше писатели, за исключением А. Толстого, в последнее десятилетие в Китае не переиздавались. Между тем в этот период были изданы «Русские народные сказки» в обработке А. Толстого и его автобиографическая повесть «Детство Никиты». «Золотой ключик» за это время издавался четыре раза, правда, в 2012 г. издательством провинции Аньхой ему ошибочно было приписано авторство Льва Толстого. А вот имена таких «взрослых» писателей, как К. Паустовский и Г. Тропопольский, представлены в списках обоих десятилетий. В 1980-е годы вышел сборник повестей К. Паустовского о природе, а в 2011 г. в Китае в составе сборника юмористических рассказов для детей вышел его рассказ «Кот-Ворюга». Г. Тропопольского, как писателя, интересного детям, каждый раз традиционно представляет повесть «Белый Бим Черное ухо». Также среди «взрослых» писателей, подаривших свое творчество детям, можно отметить М. Эгарта с его приключенческой повестью «Бухта туманов», вышедшей в Китае в 2012 г.

Среди признанных писателей для детей и юношества, чьи книги уже были изданы в XX в. и в настоящее время издаются в Китае, можно также назвать А. Лиханова с его повестями «Обман», «Благие намерения» и романом «Мой генерал», С. Баруздина с повестью «Само собой», В. Железникова с повестью «Чучело». Удостоенные у нас в стране премий и наград и переведенные на многие языки, эти произведения поднимают проблемы отношений между людьми, намечая необходимые ориентиры в период взросления.

Наряду с перечисленными выше писателями, целенаправленно создававшими произведения для детской и юношеской аудитории, в круг детского чтения в Китае непременно входят некоторые из произведений классиков русской литературы. В первую очередь необходимо вспомнить об А. Пушкине и И. Крылове, которых уже более ста лет знают в Китае. Интересно отметить, что, по свидетельству китайских источников, первым русским автором, переведенным на китайский язык, стал И. Крылов, басни которого вышли в Китае в 1872 г. Для нас значимым является тот факт, что раньше других русских писателей в Китае узнали именно классиков — Крылова и Пушкина; в дальнейшем более глубокое знакомство китайцев с этими писателями значительно обогатило их представления о России. В Китае так же, как и у нас в стране, в наши дни басни И. Крылова и сказки А. Пушкина пользуются неизменной любовью детей. Свидетельством тому являются их широкомасштабные переиздания и переводы в течение последних лет: за указанный период басни Крылова выходили девяносто семь раз, а сказки Пушкина — около тридцати раз. Попутно отметим, что наибольшей популярностью в Китае пользуется его «Сказка о золотой рыбке». Приведенные выше цифры автоматически помещают Крылова и Пушкина

на четвертое и пятое места соответственно после Горького, Островского и Бианки. Интересно, что в период с 1976 по 1986 гг. имена Крылова и Пушкина никак не фигурировали в списке переведенных на китайский язык произведений. Что же касается, например, Островского, то его роман издавался в те годы трижды. Переводы произведений Горького, входящие в круг детского чтения, выходили дважды как отдельные книжки («Песня о Соколе» и «Данко»), а также несколько раз в составе двадцатитомного собрания сочинений, выходившего в период с 1981 по 1985 г.

В ряду русских классиков, переведенных на китайский язык, можно отметить и некоторые другие имена. Так, юный китайский читатель найдет близкие ему книги среди наследия Л. Толстого, Н. Гоголя, А. Куприна, В. Короленко, Д. Мамина-Сибиряка, В. Одоевского, А. Погорельского. В последние годы в Китае достаточно широко представлены произведения всех вышеперечисленных писателей, подходящие для детского чтения. Это «Юнкера» и «Белый пудель» Куприна, сказки Толстого, а также его трилогия «Детство», «Отрочество» и «Юность», «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, сказка «Городок в табакерке» Одоевского, повесть «Дети подземелья» Короленко, рассказы Мамина-Сибиряка, сказка «Черная курица или Подземные жители» Погорельского. Эту сказку, изданную в России в 1829 г., принято считать первой в истории русской литературы книгой о детстве. Также интересным будет отметить издание в Китае двух ставших классикой романов А. Грина, одно время запрещенных в нашей стране. Тем не менее это не помешало издать в 1984 г. в Китае его роман «Бегущая по волнам». Кроме того, в последнее десятилетие дважды издавалась его повесть «Алые паруса».

На наш взгляд, к классикам можно отнести малоизвестного у нас и популярнейшего в Китае, Японии и других странах Юго-восточной Азии друга Лу Синя, украинского поэта и писателя В. Ерошенко. Одаренный лингвистическими способностями В. Ерошенко с помощью эсперанто изучил более десятка языков. Известно, что Ерошенко на китайском языке читал лекции в Пекинском университете, дружил с основоположником современной китайской литературы Лу Синем, жил в его доме. А побывав в Японии, выучился не только говорить, но и писать по-японски. Свидетельством тому служит его пьеса «Облако персикового цвета». В последнее десятилетие эта удивительная пьеса, как и сборник его сказок, в который раз была переиздана в Китае. Заметим, что первые переводы сказок Ерошенко с японского языка осуществлял сам Лу Синь, полюбивший наивного поэта и сказочника «намного более, чем индийского мэтра поэзии Тагора» [10]. В начале 1922 г. Лу Синь завершил переводы «Сказок Ерошенко», а в апреле-мае перевел его пьесу «Облако персикового цвета». Случай со «Сказками Ерошенко» для нас может быть любопытен тем, что впервые опубликованные в Китае, эти сказки лишь намного позже были переведены на русский язык с китайского, притом что их оригинал был написан на японском [11]. «Сказки Ерошенко» вышли в Китае в 1922 г. и включали в себя переводы 12 произведений. По утверждению украинской исследовательницы и переводчицы Ю. Патлань, изданная в Японии книга «Сказки Ерошенко» (Токио, 1993, 1995, составитель Такасуки Итиро) «в 2007 г. заняла восьмую позицию в рейтинге “100 книг, рекомендуемых для детей от 10 до 19 лет”, составленном в результате опроса библиотекой Аракава-ку, Токио». Для сравнения Ю. Патлань приводит рейтинг других классиков детской литературы. Так, романы Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой» и «Два

года каникул» находятся на 11-й и 33-й позиции соответственно, «Хроники Нарнии» К. Льюиса — на 56-й, «Маленький принц» Сент-Экзюпери — на 86-й [11].

Если следовать логике издательского рейтинга, то сразу после переводов Пушкина в списке последнего десятилетия следует целая серия из двадцати пяти изданий под названием «Смешарики». Данный российский проект был создан в 2004 г. группой мультипликаторов из Санкт-Петербурга в рамках образовательной программы «Мир без насилия». Также известно, что при поддержке Министерства культуры «Смешарики» переводятся на многие языки и активно продвигаются за рубежом через книжный и телерынок. При этом стоит отметить достаточно большой тираж этой серии в Китае — 20 тыс. экземпляров. Однако оговоримся, что «Смешарики» все-таки следует считать плодом коллективного творчества.

В топ-десятку изданных в Китае русских книг для детей попали и такие писатели, как М. Ильин (19 изданий), К. Булычев (15 изданий), а также А. Беляев (14 изданий). Остановимся на переводах их книг чуть подробнее. Нам доподлинно не известно, насколько китайские переводчики осведомлены о родственных узах М. Ильина с С. Маршаком. Однако сразу оговоримся, что по количеству изданных в Китае книг М. Ильин, настоящее имя которого Илья Яковлевич Маршак, далеко впереди своего старшего брата. Будучи одним из основателей художественной познавательной литературы для детей, М. Ильин завоевал особую любовь китайских школьников. Так, например, Б. Л. Рифтин отмечает, что еще до образования КНР в Китае вышли практически все произведения М. Ильина: «Рассказ о великом плане» (очерк о первой пятилетке, заслуживший высокую оценку М. Горького), книга «Горы и люди», «Сто тысяч почему» и «Черным по белому». Интересно, что основным переводчиком произведений Ильина был Дун Чуньцай — писатель, который в то время занимал пост заместителя министра просвещения КНР [9, с. 199]. Кончина Ильина в 1953 г. не осталась в Китае незамеченной. По словам Б. Л. Рифтина, журнал «Литература и искусство для детей» поместил в ответ на скорбное известие некролог, а пионерская газета «Чжунго шаонянь бао» — памятные стихи китайского поэта и ученого Гао Шици «Скорблю об Ильине» [9, с. 199]. В первое десятилетие после «культурной революции» книги Ильина не издавались, зато в последнее время в книжных магазинах Китая вновь появились сборники его рассказов: «Сто тысяч почему», «Который час», «Рассказы о вещах», «Черным по белому». Имя С. Маршака также широко известно в Китае, но количество отдельных изданий его книг в Китае намного скромнее. Так, в 1983 г. вышел состоящий из трех сказок Маршака сборник «Великан», а в 2010 г. сказка «Двенадцать месяцев». Кроме того, его имя в ряду таких писателей, как А. Барто, В. Маяковский, С. Михалков, фигурирует как минимум в четырех сборниках стихов для детей. Говоря о братьях Маршак, также хочется упомянуть и их младшую сестру Елену Ильину, урожденную Лию Маршак, которая достаточно давно стала известна в Китае благодаря своей документально-биографической повести о Гале Королевой «Четвертая высота». В 2003 г. шанхайское издательство «Шанхай ивэнь чубаньшэ» вновь выпустило эту повесть тиражом 6 тыс. экземпляров.

Отметим, что жанр документально-биографической прозы достаточно широко представлен в отечественной детской литературе. В Китае, который в середине XX в. во многом стремился скопировать модель «старшего брата», этот жанр оказался очень востребованным. Разумеется, что в центре подобного рода книг находился образ положительного героя. Неудивительно, что такие книги, как «Повесть о Зое и Шуре»

Л. Космодемьянской, «Повесть о сыне» Е. Кошевой, повесть разведчика О. Горчакова о Зое Космодемьянской «Свет негасимой звезды», книга А. Голубевой «Мальчик из Уржума» о детстве С. М. Кирова, повесть В. Малюгина об А. Гайдаре «Жизнь такая, как надо», быстро обрели популярность среди китайцев. А книга ленинградского писателя П. Журбы «Александр Матросов» «выдержала более десяти изданий и стала любимой книгой не только ребят, но и взрослых бойцов китайской Народно-освободительной армии» [9, с. 199]. Отметим, что в 1984 г. вышло в свет второе издание этой книги. А «Повесть о Зое и Шуре» в последние годы переиздавалась 10 раз!

Благородство и нравственная чистота героев произведений А. Гайдара и Л. Пантелеева также стали примерами не только для советских, но и для китайских ребят. Напомним, что Гайдар и Пантелеев начали создавать свои первые книги для детей, будучи сами еще совсем юными. Творчество Гайдара представлено в Китае разными повестями, но наибольшей популярностью пользуется его книга «Тимур и его команда», которая только за последнее десятилетие была издана трижды. В 1978 г. вышел сборник писателя, в который, наряду с указанной повестью, вошли «Дальние страны», «Р. В. С.», «Школа». В 1981 г. в Китае также отдельной книжкой вышла «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове». Достаточно широко представлено в Китае и творчество Л. Пантелеева. Как и книги А. Гайдара, его повести и рассказы издавались в Китае еще до периода «культурной революции». В 80-х годах XX в. отдельными изданиями вышли его повести «Часы», «Ленька Пантелеев». Кроме того, в 1985 г. в Китае появился сборник из тринадцати его рассказов под названием «Первый подвиг». В последние годы произведения Пантелеева в составе сборников и отдельными книгами также продолжают издаваться.

Как и у нас во времена СССР, когда в обязательный список детских книг входили рассказы о Ленине, китайские школьники XX в. знакомились с этой исторической фигурой, читая книги Н. Крупской «О Ленине», М. Прилежаевой «Жизнь Ленина», З. Воскресенской «Сердце матери» (рассказы из жизни М. А. Ульяновой). Все указанные книги впервые либо повторно выходили в Китае с 1983 по 1985 г. А вот в последнее десятилетие книг о Ленине практически не издавалось, за исключением разве что рассказов М. Зощенко, вышедших отдельным сборником в 2012 г.

Другим не менее популярным жанром литературы, признанным в Китае, оказалась научная фантастика. И здесь в первую очередь нужно упомянуть имена К. Булычева и А. Беляева. А. Беляев, которого также называют «русским Жюль Верном», в Китае достаточно известен, судя по переводам его книг. Произведения основателя советской научной фантастики уже в 1980-е годы были представлены очень широко. В 1981 г. вышло сразу пять отдельных изданий романов и повестей А. Беляева. Кроме этого, с 1981 по 1985 г. вышло четыре тома его избранных произведений. В последние годы, помимо отдельных изданий, вышла целая серия из восьми книг А. Беляева под названием «Серия мировой фантастики» (2009). К настоящему времени, пожалуй, более половины романов и повестей писателя переведено на китайский язык. Среди них всем известные «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Вечный хлеб», «Властелин мира», «Последний человек из Атлантиды», «Ариэль», «Остров погибших кораблей», «Изобретения профессора Вагнера», «Прыжок в ничто», «Человек, потерявший лицо», «Человек, нашедший свое лицо» и др.

В одном ряду с А. Беляевым по количеству и широте представленных в Китае переводов можно поставить другого русского писателя-фантаста К. Булычева,

более ориентированного на детскую аудиторию. Кир Булычев — это псевдоним ученого-востоковеда Игоря Всеволодовича Можейко, известного в научных кругах своими исследованиями Юго-Восточной Азии, и в частности Бирмы. У нас в стране было издано несколько десятков его книг, экранизировано более двадцати произведений. На пятисерийном фильме «Гостья из будущего» и полнометражном мультфильме «Тайна третьей планеты», написанных по сценариям К. Булычева, выросло целое поколение советских школьников. В 1982 г. при вручении писателю Государственной премии СССР был раскрыто его настоящее имя. В Китае в 1984 г. вышел его фантастический роман для детей из четырех частей «Миллион приключений» из цикла «Приключения Алисы». В XXI в. перевод его книг заметно активизировался. За это время отдельными книжками из указанного цикла в Шанхае вышли такие фантастические повести, как «Девочка, с которой ничего не случится», «Путешествие Алисы», «Сто лет тому вперед», «Лиловый шар», «Война с лилипутами», «Планета для тиранов».

Кроме А. Беляева и К. Булычева, русская фантастика, изданная в Китае в 1980-е годы и в последнее десятилетие, представлена отдельными произведениями Г. Адамова («Тайна двух океанов»), И. Ефремова («Туманность Андромеды»), А. Казанцева («Сильнее времени», «Купол надежды», «Пылающий остров»), братьев Стругацких («Трудно быть богом» и «Пикник на обочине»). Среди представителей нового поколения писателей-фантастов, книги которых издают в Китае в последнее время, можно отметить С. Лукьяненко и Д. Емца. Переведенный на китайский язык роман популярного писателя С. Лукьяненко «Танцы на снегу» в 2007 г. был премирован в Мюнхене в номинации «Лучшая детская и юношеская книга». Ориентированный на более младшую читательскую аудиторию Д. Емец известен в Китае по целой серии романов, таких как «Город динозавров», «Планета черного императора», «Мсть мертвого императора», «Охотники за привидениями», «Тайна Звездного странника».

В отдельную группу могут быть выделены книги Н. Носова, А. Алексина, Э. Успенского, А. Усачева, В. Драгунского и других писателей, характерными чертами творчества которых является светлый юмор и занимательный сюжет. В 1980-е годы в Китае вышло исправленное издание повести Носова «Витя Малеев в школе и дома», которая была переведена в Китае еще в пятидесятые годы XX в. Затем были изданы известные у нас романы-сказки про Незнайку: «Незнайка в Солнечном городе», «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка на Луне». В тот период в Китае был издан сборник из четырнадцати рассказов Носова, отдельной книжкой вышел его рассказ «Бобик в гостях у Барбоса». В последние годы старые и новые переводы этого писателя выходили еще восемь раз. А. Алексин в Китае не менее популярен. В первой половине 1980-х годов вышло сразу два сборника повестей и рассказов писателя. Среди них «Третий в пятом ряду», «Позавчера и послезавтра», «А тем временем где-то...», «Мой брат играет на кларнете», «Звоните и приезжайте!», «Под чужим именем», «Тайный сигнал барабанщика». В последнее десятилетие его повести также несколько раз издавались. Известны в Китае и лучшие из книг Э. Успенского, такие как «Дядя Федор, пес и кот», «Крокодил Гена и его друзья», «Вниз по волшебной реке», изданные в последнее десятилетие. Три юмористические книжки («Умная собачка Соня», «Школа снеговиков», «Дракоша и компания») представлено в Китае этого периода творчество замечательного современного детского писателя А. Усаче-

ва. Кроме того, в последнее время в Китае дважды издавалась детская книга-бестселлер Ю. Дружкова «Волшебная школа Карандаша и Самоделкина». Ю. Дружков — это творческий псевдоним писателя Ю. Постникова. Ныне его сын Валентин Постников продолжает развивать цикл о «веселых человечках». В последние годы в Китае были переведены и изданы шесть его книг для детей: «Карандаш и Самоделкин на острове необычайных приключений», «Карандаш и Самоделкин на острове гигантских насекомых», «Карандаш и Самоделкин на Луне», «Карандаш и Самоделкин в стране пирамид», «Карандаш и Самоделкин на острове Ядовитых Растений» и «Карандаш и Самоделкин на Марсе».

Отметим, что в последнее время среди издаваемых в Китае книг достаточно много произведений, объединенных писателями в циклы. Как пример можно вспомнить тот же цикл про «Смешариков» или серию сказок Альберта Иванова про друзей Хому и Суслика. В 2012 г., накануне 75-летия писателя, в Китае вышло сразу девять книжек о похождениях этих неразлучных друзей. Между тем в 80-е годы XX в. А. Иванов был представлен в Китае исключительно как «взрослый писатель».

Заметно обогатили мир детской литературы так называемые писатели-натуралисты и писатели-анималисты. Их произведения о природе и животных, обращенные к детской аудитории, достаточно популярны в Китае. Так, в 1980 г. там вышла книжка зоолога Г. Успенского «Васька-путешественник», а в 1985 — ставший классикой цикл рассказов В. Чаплиной «Питомцы зоопарка». В том же году в Китае увидел свет сборник «Современные советские рассказы о животных», объединивший четырнадцать произведений разных авторов. Данный жанр не сдает своих позиций и в последнее десятилетие. Недавно в Китае вышла книга О. Перовской «Ребята и зверята», впервые изданная у нас еще в 1925 г. Дважды появился в печати сборник рассказов биолога М. Зверева, природоведческие истории которого в свое время снискали самые лестные оценки В. Бианки, М. Пришвина, Н. Сладкова. Переживают свое рождение на китайской земле сборники рассказов известного писателя-натуралиста Г. Скребницкого. Надеемся, что интерес у китайских ребят вызовет перевод книги «Мои звери», написанной известным дрессировщиком В. Дуровым. В этом ряду также можно упомянуть и вышедшие недавно в Китае книги В. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», в которых писатель описывает жизнь в уссурийской тайге.

Такой популярнейший жанр русской детской литературы, как сказка, представлен в Китае самыми разными сборниками переводов. Исследовательница из Чунци-на Чэнь Сяоли, проанализировавшая переводы мировой детской литературы, изданные в 1990-е годы, отмечает, что переводы сказок занимают одну треть от общего количества изданий детской зарубежной литературы [12, р. 94]. Среди русского и советского наследия в Китае представлены не только многочисленные сборники русских народных сказок, но также и образцы авторских произведений. Среди них можно назвать сборник П. Бажова «Малахитовая шкатулка», вышедший в Китае в 1980 г., сборник сказок его творческого последователя Е. Пермяка, напечатанный в 1985 г., наконец, сборник русских заветных сказок в изложении А. Афанасьева, появившийся в Китае в 2007 г. Здесь же отметим издание в Китае известной книги Н. Куна «Легенды и мифы древней Греции». В 1992 г. издательством «Чжунго шаонянь эртун чубаньшэ» был издан пятитомник известных современных зарубежных сказок, в котором первые два тома представляют такие произведения, как «Приключения капитана Врунгеля» А. Некрасова и роман-фантазмагория «Спираль»

Г.Панджикидзе [12, р. 94]. Кроме того, с 1991 по 1992 г. издательство «Эрши и шицзи чубаньшэ» выпустило «Библиотеку пионера», в которую вошли лучшие китайские и зарубежные сказки. Один из томов шеститомника зарубежных сказок включал 41 советскую сказку (в остальные тома вошли английские, американские, немецкие, японские и итальянские сказки) [12, р. 94].

Что касается переводов на китайский язык стихотворного творчества советских и русских детских писателей, то в основном оно представлено в поэтических сборниках для детей, объединяющих сразу несколько авторов. Как правило, это С. Маршак, С. Михалков, А. Барто и В. Маяковский. Авторских сборников стихов для детей, за исключением сказок Пушкина и стихов Маяковского, в Китае, видимо, не публиковалось. Отметим, что стихи Маяковского для детей были переведены известным китайским переводчиком Жэнь Жунжуном и вышли в начале 1950-х годов в виде сборника [13, р. 15]. Неподражаемое творчество того же К. Чуковского, к сожалению, представлено в Китае только прозаической сказкой «Доктор Айболит». Вышедшая недавно отдельным изданием книжка для детей С. Михалкова также представляет собой прозаическую повесть-сказку «Праздник непослушания». Однако напомним, что наиболее популярные стихи детского поэта известны в Китае благодаря напечатанным там сборникам детских советских поэтов.

Как отмечает китайский литературовед Фан Вэйпин, в 1980-е годы Китай в силу историко-политических причин как никогда раньше расширил географию переводов с иностранных языков, отойдя от модели 1950–1960-х годов, в которой русская и советская литература играла роль главного наставника [14]. Учитывая, что 1980–1990-е годы отметились в Китае небывалым подъемом в истории развития детской литературы, перевод иностранных произведений для детей побил все предыдущие рекорды [12, р. 93]. По данным Чэнь Сяоли, в 1990-е годы в общем потоке переводной мировой детской литературы русские и советские произведения стали занимать четвертое место [12, р. 93], но это отнюдь не означает, что количество переводов наших книг для детей уменьшилось. Отмеченная нами ранее тенденция роста издания в Китае нашей детской литературы объясняется объективными причинами. Так, бум детской литературы в указанный период, а также переход страны на рельсы рыночной экономики породил в стране огромное количество издательств. Более того, детская литература оказалась не только в поле зрения специализированных издательских учреждений. Все издательства страны были заинтересованы в выпуске книг для детей. В настоящее время лишь одна пятая среди всех издательств, выпускающих книги для детской аудитории, являются специализированными [12, р. 94]. И здесь важно отметить, что основной стратегией книжного рынка более чем когда-либо становится масштабность и системность. При этом принцип масштабности и системности в издательской деятельности пронизывает все ее компоненты, будь то выбор писателей, произведений, тематики, жанра, региона и т. д. [12, р. 97]. В свою очередь, выбор для издания той или иной книги зависит от самых разных причин. Разумеется, не последнюю роль играет принадлежность произведения к классическим шедеврам либо современным бестселлерам. Поэтому, если говорить о советской и русской литературе, роман «Как закалялась сталь», произведения М. Горького или басни И. Крылова, являясь бесспорной классикой, лидируют среди переводов нашей детской литературы. Но в то же время по тиражам эти книги заметно уступают зарубежным бестселлерам, например, книгам про Гарри Поттера. Так, тираж первого издания книги «Гарри Пот-

тер и дары смерти» превысил в Китае 1 млн экземпляров [15, р.63]. Для сравнения наибольшие тиражи наших книг не превышают 25–30 тыс. экземпляров. Кроме того, на выбор книг для перевода и издания может влиять выраженная популярность какого-либо жанра либо тематическая актуальность. Например, одним из самых востребованных в Китае жанров детской литературы в 1980–1990-х годах оказалась фантастика. В этом свете неудивительным выглядит перевод в Китае книг А. Беляева, К. Булычева, братьев Стругацких и других фантастов. На наш взгляд, отчасти похожий период Китай переживал в начале XX в., когда ставка делалась на перевод расширяющих кругозор книг. Именно тогда в стране наблюдался первый «бум Ж. Верна» [13]. Наконец, хочется отметить внимание китайских исследователей к юбилейным датам писателей, что в большинстве случаев также отражается в значительном всплеске выпуска соответствующих изданий. Как отмечает Г. Куликов, в 1999 г. к 200-летию А. Пушкина сразу в нескольких провинциях страны были напечатаны полные собрания сочинений поэта [16]. Выход в последнее десятилетие серии сразу из девяти книг стал подарком к 75-летию детского писателя А. Иванова. И таких примеров внимания к датам множество.

Мы рассмотрели переводы детской отечественной литературы в Китае в первое десятилетие после «культурной революции» и в последнее время. Безусловно, какие-то имена писателей остались за рамками нашего исследования, но это нисколько не мешает говорить о том, что русская литература для детей широко представлена в Китае. Остается только надеяться, что труд китайских переводчиков не останется незамеченным, и лучшие из произведений найдут своих читателей в океане переводной детской литературы.

Духовное обогащение человечества посредством знакомства с культурами других стран непременно сближает народы. И здесь хочется вспомнить слова упоминавшегося в этой статье писателя, поэта и философа В. Ерошенко. В дискуссии с Р. Тагором он следующим образом отстаивал свою точку зрения на сосуществование различных культур: «Мне показалось, что вы, опираясь на буддизм и христианство, противопоставляете культуры Европы и Азии. Совсем как Р. Киплинг, который писал: “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись”. Так вот: с этим я согласиться не могу. У наших культур много общего, и если мы друг друга не всегда понимаем, то это из-за незнания языков. И еще из-за националистов, которые натравливают один народ на другой...» [17]. Нынешнее явление глобализации, о котором еще не ведал в свое время В. Ерошенко, предоставляет нам все шансы для сближения. При этом важно, чтобы шаги друг к другу делались обоюдно. Отметим, что до XX в. наши познания о Китае и китайцах были гораздо шире, нежели их о нас и о нашей стране. Однако за прошедшие сто лет наши соседи в корне изменили ситуацию, став сведущими практически во всех областях нашей жизни. Как пишет известный исследователь русской литературы Лю Вэньфэй, в 1950-е годы в Китае были переведены практически «все классики русской литературы и шедевры советской литературы... В 1950-е годы десятки тысяч “счастливых” были посланы в СССР, и многие из них выбрали русский язык и русскую литературу в качестве своей специальности» [17]. Разумеется, что через некоторое время это дало превосходный урожай в виде систематического перевода русской и советской литературы в Китае, а также воспитания новой когорты специалистов и переводчиков. Известно, что даже сейчас почти половина литературоведческих дипломных работ, кандидатских

диссертаций по литературе в крупнейших университетах КНР посвящается русской литературе [16]. В наши дни Китай активно проводит политику открытости и с удивительной напористостью распространяет по всему миру свой язык и культуру, всячески поощряя переводческую деятельность, так что нам следует только воспользоваться создавшимися благоприятными условиями, чтобы вести полноценный диалог с нашим пытливым и сведущим во многих вопросах соседом.

Литература

1. Боровская Н. Е. По страницам литературно-художественных изданий для детей // Обзор современной художественной литературы за рубежом. 1984. № 3. С. 67–71.
2. Родионов А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2010. Вып. 2. С. 137–149.
3. Черкасский Л. Е. Русская литература на Востоке: Теория и практика перевода. М.: Наука, 1987. 184 с.
4. Шнейдер М. Е. Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977. 272 с.
5. Го Эцюань. Перевод, издание и исследование русской и советской литературы в Китае. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1987. 112 с.
6. Zhongguo banben tushuguan (China Archives of Publications). URL: <http://www.capub.cn> (дата обращения: 07.09.2013).
7. Редакторская подготовка изданий: учебник / Антонова С. Г., Васильев В. И., Жарков И. А., Коланькова О. В., Ленский Б. В., Рябинина Н. З., Соловьев В. И.; под общ. ред. С. Г. Антоновой. М.: Изд-во МГУП, 2002. 468 с.
8. Ивлев Л. Переводы Максима Горького на китайский язык. URL: <http://sanwen.ru> (дата обращения: 20.08.2013).
9. Рифтин Б. Л. О современной китайской детской литературе // О литературе для детей. Л.: Государственное Изд-во Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1955. С. 171–199.
10. Ge Baoquan. Lu Xun he Ailuo xianke (Ge Baoquan. Lu Xun and Yeroshenko) // Beijing shifan daxue xuebao. 1982. N 6. P. 25–34.
11. Патлань Ю. Жизнь и судьба Василия Ерошенко (к 50-летию со дня смерти). URL: <http://www.ru-jp.org/patlan01.htm> (дата обращения: 20.08.2013).
12. Chen Xiaoli. 20 shiji 90 niandai waiguo ertong wenxue yijie (Chen. Xiaoli. The Translations of Children's Literature in 1990s) // Hunan daxue xuebao (shehui kexue ban). 2011. Vol. 25, N 4. P. 93–97.
13. Zhang Meini. Waiguo ertong wenxue zai Zhongguo (Zhang Meini. Foreign Children's Literature in China) // Zhongguo tushu pinglun. 2000. N. 6. P. 13–15.
14. Fang Weiping. Jinnian laide waiguo ertong wenxue yijie (Fang Weiping. About the Translations of Foreign Literature for Children in the Recent Years) // Zhonghua dushubao. 2008.05.28.
15. Sun Zhangjing. Cong waiguo ertong wenxue yijie kan zhongguo ertong wenxue chuanguo (Sun Zhangjing. Chinese Children's Literature Creation and the Mediators of Foreign Children's Literature) // Chengdu daxue xuebao (jiaoyu kexue ban). 2009. Vol. 23, N 2. P. 63–71.
16. Куликов В. Неизвестный Китай. URL: <http://domknig.com/readbook/21786/> (дата обращения: 20.08.2013).
17. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html> (дата обращения: 20.08.2013).

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Родионова Оксана Петровна — кандидат филологических наук, доцент; kankur2000@yandex.ru

Rodionova Oksana P. — candidate of philological sciences, associate professor; kankur2000@yandex.ru

*М. Н. Суворов***«БОЛЬШАЯ» ПРОЗА ОАЭ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ
(70–80-е годы XX века)¹**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Зарождение жанра романа в литературе ОАЭ восходит к началу 1970-х годов, когда растущие доходы от добычи нефти ускорили развитие национальной системы образования и прессы, обеспечив тем самым необходимые условия для литературной деятельности. В то время как основным жанром в литературе ОАЭ стал рассказ, «большая» проза развивалась относительно медленно. С момента появления в 1971 г. первой эмиратской повести до конца 1980-х годов было опубликовано лишь девять произведений «большой» прозы. Большинство из этих произведений свидетельствуют о приверженности авторов к повествовательным манерам, преобладавшим в арабской литературе в конце XIX — начале XX в. В «социальных» повестях и романах, таких как «Шаханда» (1971) Рашеда Абдаллаха ан-На'ими, «Раны на стене времени» (1982) и «Когда пробуждаются печали» (1986) Али Мухаммеда Рашеда, «Признание» (1982) и «Меч и цветок» (1984) Али Абу-р-Риша, можно наблюдать обилие черт просветительского сентиментализма при недостатке реалистических деталей и отсутствии ясного отношения авторов к социально-экономическим преобразованиям, охватившим страну в те годы. Единственный исторический роман — «Берег героев» (1987) Али Мухаммеда Рашеда — объединяет в себе черты ранних ливанских исторических романов и дух романтизма. Детективная повесть «Шея в поисках ожерелья» (1978) Абдаллаха ан-Навири, совершенно лишённая национального колорита, является бледным подражанием западным детективам, в то время как повесть Мухаммеда аль-Харби «События прибрежного города» (1986), напротив, представляет собой в некотором смысле аллегорическое повествование, передающее атмосферу старой жизни Эмиратов. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: Объединённые Арабские Эмираты, арабская литература, арабская проза.

ORIGIN OF EMIRATI NOVEL (1970–80s)*M. N. Suvorov*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation

Origin of modern novel-writing in the UAE goes back to the early 1970s, when the growing oil-revenues stimulated the development of national education and the press, thus, producing necessary conditions for literary activities. While short-story became the favorite genre among Emirati writers, the development of novel was relatively slow. From 1971, when the first Emirati novel was published, up to the end of the 1980s there appeared only nine novels. Most of these demonstrate the authors' adherence to old styles that dominated in Arabic literature in the late 19th century and in the early 20th century. In "social" novels, such as "Shahanda" (1971) of Rashid 'Abdallah al-Na'imi, "Wounds on the wall of time" (1982) and "When the sorrows awake" (1986) of 'Ali Muhammad Rashid, "The acknowledgment" (1982) and "The sword and the flower" (1984) of 'Ali Abu al-Rish we find a lot of didactics and sentiments, but few realistic features and no clear attitude to the socio-economic transformations that swept the country in those years. A single historical novel "The coast of heroes" (1987) written by 'Ali Muhammad Rashid bears features of early Lebanese historical novels, as well as heroic spirit of romanticism. Abdallah al-Nawiri's police-novel "A neck in search of a necklace" (1978), devoid of any national color, is a primitive imitation of Western detective literature, meanwhile Muhammad al-Harbi's novel "Affairs of a coastal town" (1986), on the contrary, is a somewhat allegoric story conveying the atmosphere of old Emirati days. Refs 19.

Keywords: the United Arab Emirates, Arabic literature, Arabic prose.

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта «Сравнительные исследования парадигм художественно-литературных доминант стран Азии и Африки (диахронический аспект)» (Руководитель — А. В. Образцов, шифр 2.38.44.2011).

Объединенные Арабские Эмираты относятся к числу тех арабских стран, в которых современная литература, т. е. литература западного типа, пришедшая на смену средневековому арабскому *адабу*, появилась достаточно поздно². Лишь накануне обретения арабскими эмиратами Персидского залива государственности (в 1971 г.) некоторые молодые эмиратцы, проходившие тогда обучение в вузах Египта, опубликовали в египетской прессе свои первые сочинения, типологически близкие к жанру рассказа. В начале же 70-х годов благодаря растущим доходам от добычи нефти в ОАЭ появились собственные высшие учебные заведения и собственная пресса, что способствовало расширению круга пишущей молодежи и положило начало стабильному развитию национальной художественной литературы.

Вплоть до начала XXI в. в литературе ОАЭ жанр рассказа существенно преобладал над «большой» прозой: повестью и романом³. И если развитие эмиратского рассказа уже получило некоторое освещение в работах западных арабистов-литературоведов (см. напр. [2; 7–9]), то «большая» проза ОАЭ до сих пор почти не привлекала внимания ни западных, ни отечественных исследователей⁴. Частично восполняя этот пробел, в настоящей статье мы рассмотрим «большую» прозу ОАЭ в период ее становления, т. е. в 70–80-е годы XX в.⁵

Автором первого в современной эмиратской литературе произведения «большой» прозы, повести «Шаханда» (1971), стал Рашед Абдаллах ан-На'ими, член правящей семьи эмирата Аджман, получивший высшее образование в Египте и занимавший впоследствии пост министра иностранных дел ОАЭ. Ан-На'ими ставил перед собой просветительскую задачу, отличающуюся, однако, от задач просветителей тех арабских стран, где развитие современной литературы началось намного раньше. Автор не стремился направить общество ОАЭ на путь материального и духовного процветания — оно фактически уже было обеспечено растущими доходами от добычи нефти, — а напротив, хотел ознакомить новое поколение эмиратцев с тяжелыми условиями жизни их предков в донефтяную эпоху. В предисловии автор говорит: «Мой рассказ берет свои истоки в той реальности, в которой мы жили. Жизнь наша проходила среди раскаленных песков, в жестких, суровых условиях. Я пишу свой рассказ для нынешнего поколения, которое силой своих рук создает великую страну <...> Я пишу его для последующих поколений, чтобы он стал для них окном, через которое они могли бы увидеть жизнь своих отцов и дедов» [11, р. 5].

Сюжет повести составляют приключения девушки-персиянки Шаханды, чья семья, переправляясь через Персидский залив в Аравию, в результате кораблекрушения оказывается на одном из островков, где ее обнаруживает Салем, житель прибрежного аравийского селения, и затем продает в рабство купцу Хусейну. В условиях

² Столь же поздно, как в ОАЭ, современная литература появилась в Омане и Катаре (об этом см. [1–4]).

³ Повесть и роман в арабском языке обозначаются одним термином — *ривайа*. Согласно информации, содержащейся в библиографических справочниках Али Мухаммеда Рашеда и Ахмеда Мухаммеда Убейда, в 70–80-е годы XX в. было опубликовано девять произведений эмиратской «большой» прозы, в 90-е годы — тринадцать, а в первое десятилетие XXI в. — более сорока [5; 6].

⁴ Краткий анализ двух ранних эмиратских романов содержится в статье шведской исследовательницы Г. Рамсай [10, р. 164–169].

⁵ Единственное произведение эмиратской «большой» прозы 70–80-х годов, которое мы здесь не рассматриваем, — повесть Мухаммеда Губаша «Это всегда происходит ночью» (Да'иман йахдус фи-л-лайл, 1979), существующая лишь в газетной публикации и оказавшаяся для нас недоступной.

патриархального характера аравийского рабства Шаханда и ее родители становятся для Хусейна практически членами семьи. Шаханда постепенно превращается из девочки в девушку, восхищающую своей красотой и независимым поведением всех юношей селения. Все идет хорошо до тех пор, пока Шаханда не влюбляется в Махмуда, сына Салема, по воле которого она стала рабыней. Отказывая многочисленным претендентам на ее руку и сердце, девушка завязывает любовные отношения с Махмудом, что становится предметом сплетен для всего селения и порочит честь купца. Шаханда предлагает Махмуду жениться на ней, но тот отказывается и в ответ на негодование девушки обвиняет ее в распутстве. Вслед за этим ударом судьбы девушку ожидает еще один: ее отец, которого купец назначил капитаном своего судна, добывающего жемчуг, гибнет в море во время шторма. После этого купец решает продать Шаханду, чья репутация стала для него уже «бельмом на глазу». Оказавшись в руках шайки работорговцев, Шаханда вызывает восхищение у их предводителя и соглашается стать его женой. Обосновавшись с мужем в одном из аравийских оазисов, она рождает дочь, но через некоторое время узнает об измене мужа и начинает изменять ему в отместку. Дело доходит до того, что близкий друг мужа, которому тот поручает помогать Шаханде во время своих поездок за рабами, становится ее любовником, а затем и сутенером, устраивая ей интимные встречи с состоятельными жителями оазиса. Когда муж узнает, чем занимается Шаханда в его отсутствие, он навсегда избавляется от нее с помощью преданных ему бедуинов. Героиня оказывается посреди бескрайней пустыни, в хижине старика-отшельника. Через несколько лет, приведших героиню к крайней степени физического и душевного истощения, старик умирает, и Шаханда, оставшись в полном одиночестве, решает идти через пустыню, чтобы добраться до какого-нибудь оазиса. В пустыне ее обнаруживают охотники и доставляют ее в город, во дворец начальника королевской стражи. Здесь Шаханда восстанавливает свой прежний облик и становится любимицей жены начальника стражи, имеющей лесбийские наклонности, которая затем дарит ее жене короля с целью получения для своего мужа назначения на пост министра. Вскоре на Шаханду обращает внимание сам король, восхищается ее красотой и умом и делает ее своей любимой женой. Тогда, наконец, свершается мечта Шаханды, которая не оставляла ее ни на один день, — отомстить Махмуду. По ее приказу Махмуда доставляют из прибрежного селения в королевский дворец и превращают в евнуха.

Этическая неопределенность образа главной героини повести позволяет увидеть в нем воплощение двух разных культурных тенденций. С одной стороны, образ Шаханды, не желающей мириться со своим жалким положением — как в качестве рабыни, так и просто в качестве женщины, чьи права в мусульманском обществе крайне ограничены, — мог быть задуман автором как своего рода параллель образа «новой», «раскрепощенной» женщины, ставшего в современной арабской литературе довольно типичным, для того, чтобы служить примером новому поколению женщин ОАЭ. С другой стороны, черты Шаханды соотносят ее с известным в классическом арабском наследии типом хитроумной властолюбивой женщины, женщины-воительницы, женщины-повелительницы. Так или иначе, этот образ в повести нельзя назвать характерным для просветительской литературы арабских стран.

В гораздо большей степени ранней арабской просветительской литературе соответствует авторская манера повествования, близкая к манере таких сирийско-ливанских писателей конца XIX — начала XX в., как Салим аль-Бустани, Джирджи Зей-

дан, Фарах Антун. Для этой манеры характерны ярко выраженные сентиментальные и нравоучительные интонации, статичность образов персонажей, являющихся лишь носителями заданных автором положительных и отрицательных качеств, «неравномерность» композиции, при которой многие существенные для развития сюжета эпизоды практически выпадают, а несущественные излагаются излишне подробно. В то же время такие черты, как неправдоподобие отдельных событий (например, назначение отца Шаханды капитаном корабля и брак самой Шаханды с королем), крайне поверхностное изображение материальных и социальных реалий, весьма условная привязка действия к конкретному месту и времени, роднят повесть с традиционным арабским сказанием (*хикайа*).

Вторым по хронологии произведением «большой» прозы ОАЭ стала детективная повесть «Шея в поисках ожерелья» (‘Унук йабхас ‘ан ‘икд, 1978), написанная Абдаллахом Мухаммедом ан-Навери (р. 1959, ад-Даммам), в то время сотрудником национальной полиции [12]. Завязкой сюжета служит загадочное исчезновение молодой женщины. Сообщив мужу о своей беременности, она получила от него в подарок деньги на покупку золотого ожерелья, отправилась за этим ожерельем на «золотой» рынок и больше дома не появилась. Реалистических деталей в повествовании немного; оно базируется по большей части на диалогах двух инспекторов, ведущих дело, порой не слишком правдоподобных, и их разговорах с тремя подозреваемыми: мужем пропавшей женщины, ее бывшим мужем и мужчиной, чьи многократные предложения выйти за него замуж женщина каждый раз отвергала. Хотя сюжет в целом следует традиции классического детектива, финал повести ставит профессиональные способности двух инспекторов под сомнение: истина открывается им по чистой случайности, и уже уверенные в том, что виновником исчезновения является муж женщины, они не могут найти веских доказательств его вины. Не совсем ясной остается причина неожиданного признания мужа в убийстве своей жены — после его упорного отрицания своей вины. И уж совсем не убедительно звучит в финале мотив убийства: постоянная ревность к бывшему мужу, никаких намеков на которую на протяжении всего повествования не было и причина внезапного обострения которой также остается неясной.

Гораздо более заметную роль в процессе становления «большой» прозы ОАЭ сыграли два автора: Али Мухаммед Рашед (р. 1954, Рас-эль-Хайма), выпускник отделения политологии каирского университета, и Али Абдаллах Абу-р-Риш (р. 1956, Рас-эль-Хайма), выпускник отделения психологии того же университета. На литературной арене ОАЭ они появились практически одновременно, в начале 1980-х годов.

Основной темой первого романа Али Мухаммеда Рашеда «Раны на стене времени» (Джурух ‘аля джидар аз-заман, 1982) [13] стали негативные стороны арабомусульманской семейно-брачной традиции, усугубляемые проблемой бедности. Главному герою повести, молодому жителю Шарджи по имени Абдаллах, было суждено испытать три серьезных разочарования в личной жизни. Девушку, которую он страстно полюбил в юности, родители выдали замуж за другого человека — еще до того, как ее симпатия к Абдаллаху смогла перерасти в любовь. Когда отец Абдаллаха взял в дом вторую жену, женщину индийского происхождения, и фактически перестал помогать своим детям от первой жены, юноше пришлось расстаться с мечтами о получении высшего образования и устроиться служащим в местный муниципалитет. В его попытке жениться на дочери одного из своих родственников — что у му-

сульман является принятой практикой — он также потерпел неудачу: материальное обеспечение, которое запросил отец невесты для своей дочери, оказалось для молодого человека просто непосильным. Когда же ему удалось жениться на дочери другого своего родственника, молодая жена превратила их совместную жизнь в настоящий ад: бедность мужа стала причиной ее постоянных издевательств над ним самим и его родственниками, с которыми она оказалась под одной крышей. В конце концов жена сбежала к своим родителям и сумела настроить против супруга большинство их общих родственников, с которыми у Абдаллаха до этого были прекрасные отношения. Угнетенный поведением жены и опутанный его долгами, Абдаллах наделал много ошибок в служебных документах и в результате едва не был уволен с работы.

Несмотря на художественные недостатки романа, такие как обилие подробно излагаемых сцен и эпизодов, имеющих к основной сюжетной линии лишь косвенное отношение, слабая линия интриги, статичность образов персонажей и избыточная сентиментальность, его основная идея выражена достаточно ясно: архаичная семейно-брачная традиция способна принести мужчине не меньше страданий, чем женщине. Негативная оценка этой традиции «со стороны мужчины», не столь частая в арабской литературе, как «со стороны женщины», особенно убедительно воплощена в той мысли, что рассматривая невесту в качестве «живого товара», мужчина впоследствии может стать для жены не более чем «источником дохода», как это произошло с Абдаллахом. Писатель явно отвергает существующую традицию в пользу истинной взаимной любви, что подтверждается счастливым финалом повести: Абдаллах женится на своей первой возлюбленной, которая к тому времени уже разведена. Тем не менее в некоторых эпизодах романа просматривается определенная ностальгия автора по старым временам, когда женщины не могли «вить веревки» из своих мужей.

Негативное отношение писателя к женщинам современного типа становится еще более очевидным в его втором романе «Когда пробуждаются печали» (Индам тастайкыз аль-ашджан, 1986) [14]. В этом романе Али Мухаммед Рашед сумел избежать многих художественных недостатков, которые имеются в предыдущем, создав довольно динамичный мелодраматический сюжет, вписанный в более широкий социальный контекст. Роман можно назвать молодежным, поскольку основные его персонажи — это молодые эмиратцы, прокладывающие свой путь в жизни. Главный герой по имени Ахмед, получив высшее юридическое образование в Каире, возвращается в Дубай, где его отец является совладельцем крупной торговой компании. По согласованию со вторым совладельцем Хусейном отец назначает Ахмеда на пост генерального директора компании. Ахмед полностью отдается работе, и бизнес идет весьма успешно. В компании Ахмед встречает Салеха, своего друга детства, который уже давно работает здесь мелким служащим. Сестра Салеха Амина, студентка университета, девушка, стремящаяся к богатству и независимости, придумывает хитроумный план для повышения брата по службе, однако Ахмед повышает Салеха просто из дружеских чувств. Вскоре родители Ахмеда заводят с сыном разговор о женитьбе; лучшей кандидатурой в жены они считают Мирьям, дочь Хусейна. У Мирьям — о чем заранее известно читателю — есть страстный поклонник, буквально забрасывающий ее любовными посланиями, на которые девушка не отвечает, поскольку считает любовные отношения до брака недопустимыми. По согласию двух семей Ахмед и Мирьям вступают в брак, и тут читатель узнает, что страстным поклонником

Мирьям был не кто иной, как младший брат Ахмеда Салем. Одно из его любовных писем случайно попадает в руки Амины, которая решает использовать его для того, чтобы развести Ахмеда с женой и занять ее место. Амина и Салех навязывают Ахмеду свою дружбу, становятся частыми гостями в его доме, что вызывает недовольство его жены и тещи. Очень скоро Ахмед начинает испытывать к Амине нежные чувства; она же, улучив момент, намекает Ахмеду на возможность существования неких тайных отношений между его женой Мирьям и его братом Салемом, который, вопреки принятым обычаям, никогда не посещает дом молодой семьи. Ахмеда начинают терзать сомнения, а Амине вскоре удается подсунуть любовное письмо Салема, на котором не обозначена дата, в личные вещи жены Ахмеда. Когда Ахмед находит письмо, разражается семейный скандал: Ахмед избивает жену, отчего она попадает в больницу и навсегда покидает дом мужа, а его отец, не в состоянии пережить позорного поведения младшего сына, умирает от сердечного удара. Придя в себя после длительной депрессии, Ахмед возобновляет общение с Аминой и Салехом и вскоре женится на Амине, а ее брата назначает на пост руководителя своего аппарата. По совету Амины Ахмед выкупает долю Хусейна, своего бывшего тестя, в компании и становится ее единоличным владельцем. Во время поездки Ахмеда с новой женой за рубеж Салех берет на себя управление финансами компании и опустошает ее банковские счета, заключая сомнительные сделки. Вернувшись из-за границы, Ахмед узнает, что компания находится на грани банкротства, однако Амина уговаривает его не увольнять Салеха, который, якобы, стремился лишь к увеличению доходов компании. Надежды Ахмеда на восстановление положения компании вскоре терпят крах, в результате нервного срыва он попадает в больницу, и здесь Амина объявляет ему о своем желании развестись, поскольку бедный муж ей не нужен, а заодно рассказывает ему о том, как подстроила его развод с Мирьям. Выйдя из больницы, Ахмед отправляется в дом Хусейна, просит прощения у Мирьям и получает от бывшего тестя предложение занять одну из должностей в его новой компании.

Таким образом, Амина, олицетворяющая собой тип «новой» эмиратской женщины, отвергающая традиции, разумно рассуждающая о важности для женщины активной жизненной позиции, настойчивости и целеустремленности, оказывается фактически главным отрицательным персонажем в романе. Одновременно старшее поколение эмиратцев в лице Хусейна, приверженное старым обычаям и традициям, обладает явным моральным превосходством, мудростью и добротой.

В романе нашли отражение такие черты новой жизни ОАЭ, как стремительная урбанизация, современный стиль работы больших торговых предприятий при сохранении в ней роли семейно-родственных связей, материальная роскошь в быту крупных бизнесменов и развитие женского образования. Все это приблизило роман к типу реалистической прозы, несмотря на присутствие в нем многих черт сентиментализма.

В своем следующем романе «Берег героев» (Сахиль аль-абгаль, 1987) [15] Али Мухаммед Рашед обратился к истории страны, а именно к военно-дипломатическим событиям начала XIX в., приведшим к установлению британского протектората над территориями нынешних ОАЭ. Три основные эпизода, описанные в романе, — это военная операция британского флота в Рас-эль-Хайме в 1809 г., подписание в Бушире в 1814 г. мирного договора между англичанами и правителями Рас-эль-Хаймы и повторная британская операция в Рас-эль-Хайме в 1819 г. События в романе из-

лагаются в стиле исторической хроники, с точным указанием дат, имен реальных участников, названий кораблей, численности и расстановки сил, деталей военных операций. От обычной хроники роман отличают лишь сцены вымышленных диалогов между участниками событий, происходящие в Рас-эль-Хайме, Бомбее и Бушире, а также несколько сцен из жизни семьи моряка Салеха, вымышленного героя, защитника Рас-эль-Хаймы. В этих вымышленных сценах проявляется свойственная автору склонность к сентиментальным и романтическим интонациям, как например, в сцене, где умирающий на поле боя Салех говорит своему сыну: «Не плачь, сынок! Я благодарен Всевышнему за то, что он даровал мне смерть за Родину. Я отдаю тебе свою саблю. Береги ее и держи всегда наготове. Рано или поздно она тебе пригодится! Храни ее, она твоя. Это единственное, что я могу оставить тебе в наследство» [15, p. 88]. Романтическим пафосом отличается и эпилог романа:

26 декабря 1819 года стало памятным днем. В этот день началась эпоха британского протектората над Рас-эль-Хаймой и соседними городами. Рас-эль-Хайма погрузилась в молчание, сплошные тучи покрыли небо, лишив город солнца на долгие годы. Жители города не переставали задаваться вопросом: наступит ли конец этому кошмару? Уста людей были лишены улыбок, у девушек были отняты мечты, у детей была украдена радость, птицы покинули свои гнезда, вся жизнь вошла в длинный мрачный туннель.

И вот наступил этот день, особенный день. В этот день распустились цветы, и в ветвях деревьев вновь защебетали птицы. Это было 2 декабря 1971 года. В этот день рассеялась мгла, расступились темные тучи, небо вновь стало чистым, и засияло солнце свободы [15, p. 93].

Первый роман Али Абдаллаха Абу-р-Риша «Признание» (аль-И'тираф, 1982) [16] стал и первым произведением литературы ОАЭ, получившим известность на общеарабском уровне. Он был включен в составленный Союзом арабских писателей список лучших арабских романов XX в. (всего чуть более ста романов), но, как можно предположить, лишь для того, чтобы в этом списке присутствовала литература ОАЭ.

Завязкой сюжета в романе служит убийство пожилого земледельца Сухейля на его собственной финиковой плантации. Его сын Сарем, который является главным героем романа, клянется найти убийцу и отомстить за смерть отца. Дальше, однако, поиск убийцы отходит на второй план: автор концентрируется на любви Сарема к односельчанке Рихаб, развивающейся на фоне взаимоотношений и повседневных занятий других жителей селения. Среди них — мать Сарема Рафи'а и его сестра Рейхана, родители Рихаб Сейф и Шейха, друг Сарема Мухаммед, его властный и жестокий отец Самхан и мать Мауза, друг покойного Сухейля Наваф, влиятельный торговец Абу-Са'ад и его дочь Нура, друг Мухаммеда Фахем. Есть в романе и вторая любовная линия: Самхан хочет женить Мухаммеда на Нуре, чтобы породниться с Абу-Са'адом, но Мухаммед любит Рейхану, сестру Сарема, и в результате конфликта с отцом покидает родное селение, чтобы найти работу в городе. В итоге многих «действий» сюжета, существенных и несущественных, обусловленных не столько логикой развития событий, сколько авторской склонностью к многословию, обе любящие пары заключают счастливые браки, а умирающий от болезни Самхан сам признается Сарему в убийстве его отца.

Повествование в романе ведется от третьего лица, образы героев абсолютно статичны, а в их сентиментальных речах и внутренних монологах «просвечивает» личность автора с его мыслями о необходимости выбора спутника жизни по любви,

об ответственности старших членов семьи за судьбу младших, о важности образования, о вреде суеверий и знахарства и т. п. Дотошно описывается едва ли не каждое телодвижение персонажей, передаются их бытовые разговоры, ничего не добавляющие к развитию сюжета. Все это позволило Г. Рамсай говорить о сходности «Признания» с некоторыми египетскими романами «переходного» типа, написанными в первой половине XX в. такими авторами, как Мухаммед Хусейн Хайкаль, Абд аль-Халим Абдаллах и Йусуф ас-Сибба'и [10, p. 167].

К реалистическим чертам романа можно отнести отражение в нем ряда новых явлений в жизни Эмиратов, таких как развитие начального и среднего образования, возможность получения высшего образования за рубежом, использование автомобилей, телефонов и современного ирригационного оборудования, новые государственные институты и учреждения. Отмечены в романе и новые черты облика Рас-эль-Хаймы, а также Дубая, где Мухаммед при помощи отца Фахема, высокопоставленного чиновника, получает должность служащего в Министерстве труда и социального обеспечения.

Такое же сочетание сентиментально-просветительской манеры повествования с изображением некоторых реалий жизни современных ОАЭ мы находим и во втором романе писателя — «Меч и цветок» (ас-Сайф ва-з-захра, 1984) [17], основной темой которого стало сравнение образа жизни и менталитета старого и нового поколений эмиратцев. Два основных персонажа романа — это Хальфан, потомственный рыбак, влюбленный в море и не представляющий без него своей жизни, и его сын Султан, который боится моря и даже втайне ненавидит его. Однако выраженный конфликт поколений в романе фактически отсутствует, поскольку Султан не может признаться отцу в своей неприязни к морю, которой и сам автор не дает удовлетворительного объяснения. После смерти отца Султан по протекции занимает неправдоподобно высокий пост в некой организации, поставляющей на эмиратский рынок труда иностранную рабочую силу. Отношение автора к трудовой иммиграции, которой в романе уделяется довольно много внимания, остается неясным: устами Султана и его начальника он говорит о важной роли трудовых иммигрантов в модернизации страны, устами же других персонажей, в том числе представителей прессы, он выражает страх перед ростом преступности, вызванным притоком иммигрантов. Точно так же остается неясным, какому именно из двух поколений, символами которых, очевидно, служат слова «меч» и «цветок»⁶ в названии романа, автор отдает свое предпочтение. Роман, таким образом, при всем своем многословии оказался лишенным какой-либо внятной идеи, явив собой образец обыкновенной графомании.

Впоследствии из-за большого числа написанных им романов Али Абу-р-Риш приобрел репутацию «шейха эмиратского романа», хотя в действительности ни одно из его сочинений так и не поднялось до современного уровня развития этого жанра.

Наступление для арабских эмиратов Персидского залива эпохи модернизации нашло отражение и в повести Мухаммеда Хасана аль-Харби «События прибрежного города» (Ахдас мадина 'аля-ш-шаты', 1986) [18], сочетающей в себе черты реалистического повествования и традиционного арабского сказания. Действие повести происходит в вымышленном городке аль-Мурейбида, расположенном на арабском побережье Персидского залива, в месте пересечения морских и сухопутных торговых

⁶ Предположение о том, что название романа символизирует собой именно два поколения эмиратцев, вызвано отсутствием упоминания в его тексте какого-либо меча и какого-либо цветка.

путей. История возникновения в этом месте поселения, внешний облик городка, образ жизни, нравы и обычаи его обитателей — все это излагается автором постепенно, по мере того, как разворачивается основная сюжетная линия. Примечательно использование автором в диалогах эмиратского диалекта, что придает повествованию особый национальный колорит.

Основная сюжетная линия начинается с того, что мать четырехлетней Хиссы сидит у стены своего глинобитного дома и вычесывает вшей из головы дочери. Неожиданно дочь срывается с коленей матери и устремляется в один из переулков квартала, но падает в глубокую яму и рассекает себе голову. Девочку достают из ямы, и мать пытается остановить кровотечение до того, как вернется домой ее муж, Сулейман аль-Абдаллах, фаворит эмира Миджляда, служащий в его свите, один из наиболее уважаемых жителей аль-Мурейбиды. Что касается ямы, в которую упала девочка, то она была вырыта в качестве колодца по инициативе Абу-Мутлака, человека, неизвестно когда и откуда появившегося в аль-Мурейбиде и со временем ставшего еще одним фаворитом эмира Миджляда, а также главным шариатским судьей и имамом построенной им самим мечети. О том, что настоящее имя Абу-Мутлака — Хаджи Дауд, жители еще ранее узнали от матери Хиссы, которой рассказал об этом муж. В вырытой яме воды не оказалось, но Абу-Мутлак запретил людям ее засыпать, утверждая, что она является чем-то наподобие входа в ад. Со временем яма превратилась в своеобразный символ страха жителей аль-Мурейбиды перед этим человеком, которого они считали инородцем, поскольку имя Дауд среди коренных арабов не встречается. Жители знали, что может случиться с человеком, вызвавшим гнев Абу-Мутлака: Хамад ибн Хамис, рассказавший людям о том, что видел, как Абу-Мутлак в своей мечети совершал сексуальные действия по отношению к некому мальчику, был изгнан из аль-Мурейбиды в пустыню. Рассказ обо всем этом сопровождается в повести описанием убогого быта жителей городка, их предрассудков и суеверий.

Далее следует рассказ о путешествии эмира Миджляда и его свиты на джипах через пустыню в Мекку для совершения паломничества. Здесь автор описывает нравы и обычаи бедуинов, оказывающих эмиру гостеприимство на протяжении всего пути, а также рассказывает о сложных отношениях Сулеймана аль-Абдаллаха, сопровождающего эмира в путешествии, с его давним приятелем Хаммадом ас-Сильми, также фаворитом эмира, исполняющим в его свите позорную роль шута. Во время обряда обхода Каабы в Мекке Сулейман, вспоминая свое первое паломничество, совершенное в детском возрасте, вдруг получает удар по голове сзади и падает, теряя на время сознание и — согласно традиционным представлениям — достоинство. Кто нанес ему этот удар: эмир, или кто-то из его приближенных, или же это был просто обморок — из повествования остается неясным. Тем не менее оскорбленный Сулейман покидает свиту Миджляда и в одиночку отправляется через пустыню домой. Едва живой от жажды и голода, он набредает, наконец, на бедуинскую стоянку, где встречает Хамада ибн Хамиса, когда-то изгнанного из аль-Мурейбиды, которому рассказывает о своей неприязни к эмиру. Все это происходит, как выясняется из повествования, через тринадцать лет после падения Хиссы в яму Абу-Мутлака.

Далее автор возвращает действие в аль-Мурейбиду, рассказывая о братских отношениях Саида, сына Хаммада ас-Сильми, и Авада, сына Хамада ибн Хамиса. Последний, оказываясь, покидая аль-Мурейбиду, оставил своего малолетнего сына на попечение семьи ас-Сильми. Люди рассуждают о том, что Хаммад хочет отправить

сына на учебу в неведомые края, а Хамад ибн Хамис велел своему сыну стать охранником Миджляда. Авад рассказывает Саиду о том, что ненавидит Миджляда, но не может не выполнить волю отца. Автор также рассказывает о ненависти жителей городка к Абу-Мутлаку, которого одноглазый Али, хозяин местной кофейни, считает то ли евреем, то ли дьяволом, отправляющим невинных людей в темницы эмира, где они пропадают навсегда.

Мрачное настроение и молчаливость вернувшегося в одиночестве из паломничества Сулеймана заставляют его жену и дочь гадать о том, что случилось с ним в Мекке. Вскоре к Сулейману домой приходит Хаммад ас-Сильми и просит у него прощения, из чего можно сделать заключение, что он был повинен в мекканском «унижении» Сулеймана. Во время их общения Хисса обнаруживает подслушивающего у стены их дома Абу-Мутлака, о чем сообщает отцу. Абу-Мутлак спасается от Сулеймана и Хаммада бегством, но падает в собственную яму и разбивается насмерть. Далее следует подробное описание споров жителей относительно церемонии похорон Абу-Мутлака, затем описание самих похорон.

Вскоре Сулейман узнает о том, что эмир Миджляд намерен взять себе в жены его дочь Хиссу, и спешно выдает ее замуж за Саиду, с которым она уже была помолвлена. Описывая традиционную свадьбу, автор очень живо и красочно передает ее атмосферу. Во время свадьбы приходит известие об аресте Авада, к тому времени уже служащего охранником во дворце эмира. За этим следует сцена суда над Авадом, которого обвиняют в краже боеприпасов и приговаривают к тюремному заключению.

Далее перед читателем предстает обновленный облик аль-Мурейбиды, в котором уже присутствуют черты, порожденные началом нефтедобычи: дома современного типа, асфальтированные улицы, легковые автомобили и грузовики, фуры и цистерны, иностранцы и воцарившийся дух отчуждения между местными жителями. В этих условиях происходит тайная встреча Сулеймана с Хаммадом и Хамадом ибн Хамисом, на которой последний предлагает физически ликвидировать Миджляда. Провести эту операцию он планирует через месяц, когда преданные ему бедуины будут находиться в аль-Мурейбиде. Однако его собеседники не хотят ждать столь долго.

В последней сцене повести городок вздрагивает от автоматных очередей, и перед читателем предстает окровавленный труп Хаммада, распростертый у ворот дворца эмира. Собравшиеся вокруг него люди строят предположения о том, кто в него стрелял. Тем временем его невестка Хисса рождает странного на вид ребенка, не похожего ни на кого из родственников, и называет его именем убитого свекра. Никому из пришедших поздравить молодую мать не удастся узнать голос, которым некто произносит фразу: «Это сделал Хамад ибн Хамис!» Этой фразой автор завершает свое повествование, оставляя читателям разгадывать аллегорический — как можно предположить — смысл некоторых деталей сюжета повести, особенно в ее финале.

Завершая на этом рассмотрение «большой» прозы ОАЭ 70–80-х годов XX в., можно сделать вывод о синхронном совмещении в ней черт разных идейно-художественных направлений, таких как просветительский сентиментализм, романтизм и реализм, доминировавших на разных стадиях развития мировой литературы. Подобная «полистадиальность» прозы ОАЭ в рассматриваемый период делает ее ярким примером воплощения теории ускоренного развития «отставших» литератур, выдвинутой в свое время Г. Д. Гачевым [19].

Литература

1. *Michalak-Pikulska B.* Modern poetry and prose of Oman. 1970–2000. Kraków, 2002. 440 p.
2. *Michalak-Pikulska B.* Modern literature of the United Arab Emirates. Kraków, 2012. 187 p.
3. Суворов М. Н. Специфика просветительского этапа в развитии современной художественной прозы стран Аравии // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2012. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. Вып. 3. С. 63–71.
4. Суворов М. Н. Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2012. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. Вып. 4. С. 61–68.
5. *Rāshid 'Alī Muḥammad.* Al-Qiṣṣa wa al-riwāya wa adab al-atfāl fī dawlat al-Imārāt al-'arabiyya al-muttaḥida: madkhal tawḥīqī. Ras al-Khaimah, 2009. 272 p.
6. *'Ubayd Aḥmad Muḥammad.* Mu'jam udabā' dawlat al-Imārāt. Abu Dhabi, 2012. 155 p.
7. *Ramsay G.* Global heroes and local characters in short stories from the United Arab Emirates and the Sultanate of Oman // Middle Eastern literatures. Vol. 9, N 2. August 2006. P. 211–216.
8. *Ramsay G.* Globalisation and cross-cultural writing in the United Arab Emirates and Oman // Literature and literary history in global context: A comparative project. Vol. 3. Berlin; New York, 2006. P. 241–277.
9. *Ramsay G.* Styles of expression in women's literature in the Gulf // *Orientalia Suecana*. Vol. LI–LII (2002–2003). Uppsala: Uppsala University, 2003. P. 371–390.
10. *Ramsay G.* The past and the present: Aspects of intertextuality in modern literature in the Gulf // *Intertextuality in modern Arabic literature since 1967*. Durham: Durham University, 2006. P. 161–186.
11. *al-Na'imī, Rāshid 'Abdallāh.* *Shāhanda*. 4th ed. The UAE, 2012. 288 p.
12. *al-Nāwiri 'Abdallāh.* 'Unuq yabḥath 'an 'iqd. 2nd ed. Abu Dhabi, 2009. 160 p.
13. *Rāshid 'Alī Muḥammad.* Jurūḥ 'alā jidār al-zaman. Khartoum, 1982. 151 p.
14. *Rāshid 'Alī Muḥammad.* 'Indamā tastayqiz al-ashjān. 1986. 158 p.
15. *Rāshid 'Alī Muḥammad.* Sāhil al-abṭāl. 1987. 93 p.
16. *Abū al-Rīsh 'Alī.* Al-I'tirāf. Abu Dhabi, 1982. 147 p.
17. *Abū al-Rīsh 'Alī.* Al-sayf wa al-zahra. 2nd ed. Beirut, 2009. 183 p.
18. *al-Ḥarbī Muḥammad Hasan.* Aḥdāth madīna 'alā al-shāṭi'. Beirut, 1986. 85 p.
19. Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М.: Наука, 1964. 312 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Суворов Михаил Николаевич — доктор филологических наук, доцент; soumike@mail.ru
Suvorov Mikhail N. — doctor of philological sciences, associate professor; soumike@mail.ru

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94

А. А. Борисова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ ШКОЛ ЯПОНСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ИСКУССТВ, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫХ ИЭМОТО

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В настоящей статье приводится общее описание путей возникновения новых школ традиционных японских искусств на примере некоторых школ, где существует система иэмото. Человек может как провозгласить себя иэмото (главой школы) самостоятельно, так и быть признанным таковым своими последователями. Также можно как основать собственную школу, так и возродить некогда существовавшую. Однако подобное характерно только для школ тех традиционных искусств, которые нацелены на расширение путем принятия и обучения большого количества учеников. Именно с этой целью основываются фонды, поддерживающие ту или иную школу, приглашаются известные личности в качестве почетных руководителей. Большая роль уделяется и средствам массовой информации. В случае же с традиционным японским театром, представляющим собой замкнутую семейную структуру, подобная деятельность практически не ведется, и даже отделение талантливых актеров от своей труппы не приводит к возникновению новой школы. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: иэмото, система иэмото, традиционные японские искусства, школы традиционных японских искусств, чайная церемония, икэбана, театр Но, театр Кабуки.

ORIGIN OF TRADITIONAL JAPANESE ARTS SCHOOLS LED BY THE IEMOTO

A. A. Borisova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article briefly describes some of the ways of origin of the schools of traditional Japanese arts which feature the iemoto system. A person can proclaim himself iemoto or be chosen by his followers. One cannot forget about the important role of the media. In some arts, where the iemoto system is not developed, the most talented or famous artist can be called the iemoto due to the media report. Also, it is possible to found their own school or revive a school that existed in the past or to use its name to attract principles. However, this is typical to the schools of traditional Japanese arts, which aim to become wider and stronger, and to achieve this aim it's essential to attract and teach a large amount of new principles. Furthermore, the schools organize foundations which support the school and invite famous people as honorable head of the school. In case of traditional Japanese theater Noh and Kabuki, that represent themselves as a closed family structure, such activity can barely be noticed, and even if an actor leaves a school and starts to act on his own, it will not lead to a genesis of a new school. Refs 8.

Keywords: iemoto, iemoto system, traditional Japanese arts, schools of the traditional Japanese arts, tea ceremony, ikebana, Noh, Kabuki.

Как известно, в Японии существует множество школ различных традиционных искусств. Это и чайная церемония, и искусство аранжировки цветов икэбана, и японские народные танцы, и многие другие. Каждую такую школу возглавляет

измото (家元) — глава дома. Как правило, *измото* — прямой потомок основателя школы, получивший знания и секреты мастерства от предыдущего *измото*. Частой является и практика передачи имени, когда каждый следующий *измото* получает от своего предшественника не только пост главы школы, но и его имя. Этим обычаем обусловлен тот факт, что имена *измото* многих поколений совпадают. Так, например, *измото* школы чайной церемонии Урасэнкэ (裏千家) носят имя Сэн Сосицу (千宗室), где Сэн — имя основателя рода Сэн-но Рикю (千利休), а Сосицу — имя основателя школы Урасэнкэ. Подобная ситуация существует и в школах *икэбана* (главы школы *Икэнобо* (池坊) носят имя *Икэнобо* — монаха, основавшего школу), и особенно в театрах Но и Кабуки, где в существующую актерскую династию практически невозможно попасть постороннему человеку.

Однако помимо школ, истории которых насчитывает не одно десяти-, а то и столетие, естественно, возникают и новые школы традиционных искусств. Особенно много их появилось в XX в. Связано это, несомненно, с развитием технологий, средств массовой коммуникации, широким распространением и высокой популярностью японской культуры в целом. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть, каким образом появляются «новые» *измото* и в чем заключены причины возникновения новых школ японских традиционных искусств.

Как было сказано выше, особенно много школ появилось в XX веке. Причины этому следует искать в истории. В период Мэйдзи (1868–1912), когда Япония встала на путь модернизации и вестернизации, многим *измото* пришлось буквально сражаться за выживание своей школы. Так, например, *измото* трех школ чайной церемонии дома Сэн («Сан Сэнкэ» 三千家) — Омотэсэнкэ, Урасэнкэ и Мусянокодзисэнкэ решились на изменение канона, позволив женщинам изучать чайную церемонию на профессиональном уровне, и даже получать лицензии на преподавание и становиться учителями. Позже подобные меры были предприняты и *измото* *икэбана*, а чайная церемония и аранжировка цветов даже стали обязательными предметами для девочек в общеобразовательных школах.

Тем не менее, несмотря на такие меры по спасению школ, в период Мэйдзи многие ученики перестали заниматься традиционными искусствами. Во многом этому «способствовала» и сложная экономическая обстановка, обусловленная заключением неравноправных договоров с западными державами, и две войны — Японо-китайская и Русско-японская, унесшие множество жизней [1, р. 74].

Несомненно, подобные экономические и политические изменения оказали большое влияние и на жизнь японского общества в целом. Модель семейной жизни, при которой несколько поколений жили под одной крышей, изменилась. Начиная с периода Тайсё (1912–1926), когда необыкновенно модным стало все американское, японские молодые люди стали предпочитать жить отдельно от родителей. Кроме того, все больше женщин начали устраиваться на работу, не довольствуясь ролью домохозяйки (причем далеко не всегда желание работать было обусловлено только экономическими причинами) [2]. Иными словами, произошли коренные изменения японской традиционной семейной модели — *из* (家 «дом»). Таким образом, можно предположить, что японцам стало психологически легче отделиться от той структуры, частью которой они являлись, будь то семья или школа.

Этот же иероглиф — *из* — неслучайно входит в состав слова «*измото*». Изначально структура школ традиционных японских искусств строилась по модели семьи, где

измото выполнял роль главы дома, а его непосредственные ученики — роли «старших братьев» по отношению к более младшим ученикам (а в случае с традиционным японским театром эта структура представляла и представляет по сей день династию, в которой все участники помимо профессиональных связаны и семейными узами). Естественно, что при такой достаточно жесткой иерархичности японцы, занимающиеся тем или иным традиционным искусством, не могли и помыслить о том, чтобы бросить школу и заняться самостоятельной практикой. Сохранению учеников способствовала и система лицензирования, при которой нельзя было заниматься преподаванием без получения разрешения от измото [3, с. 145]. Однако изменения в жизни японцев, о которых упоминалось выше, привели к возникновению множества новых школ традиционных японских искусств.

Несомненно, в период Эдо (1603–1868), к которому и относится окончательное формирование системы измото, новые школы традиционных искусств тоже возникали, но все же гораздо большей популярностью пользовались школы, существовавшие уже много лет или возглавляемые потомками великих мастеров. Можно привести пример школы чайной церемонии Энсю (遠州), которая пользовалась популярностью при жизни ее основателя Кобори Энсю (1579–1647), но после его смерти потеряла значительную часть своих последователей, в то время как школы дома Сэн, во главе которых стояли потомки великого мастера Сэн-но Рикю, пользовались (и продолжают пользоваться) большой популярностью.

Однако в первой половине XX в. многие ученики в силу различных причин покинули школы, где они обучались. И после достижения некоторой стабильности в социальной и экономической сфере японской жизни некоторые из них предпочли не возвращаться в старые школы, а основали собственные, отвечавшие их интересам и предпочтениям. Ярким примером этому является школа икэбана Согэцу (草月), основанная в 1927 г.

Основатель школы Согэцу Тэсигахара Софу (勅使河原 蒼風) обучался у своего отца — мастера школы Икэнобо, однако решив, что «аранжировщик цветов не должен слепо копировать канонизированные классические стили икэбана, а прежде всего должен стремиться к свободному творческому самовыражению с использованием различных материалов, а не только цветов», основал собственную школу, снискавшую славу авангардной за использование таких материалов, как пластик, металл, даже птичьи перья. Школа Согэцу существует и сейчас, и в настоящее время школой руководит внучка Тэсигахара Софу Тэсигахара Аканэ (勅使河原 茜) [4].

Такой путь появления нового измото — некто просто объявляет себя измото новой школы — является наиболее частым и очевидным. Один из очень известных исследователей системы измото Нисияма Мацуносукэ выделяет два типа таких «самопровозглашенных измото». В первом случае человек сначала объявляет себя измото, при этом поначалу не требуется ни широкой огласки, ни оценки либо критики от третьих лиц. Во втором случае человеку не остается ничего другого, кроме как объявить себя измото, так как он уже стал известным мастером: у него появляется множество последователей и учеников, и он, благодаря их оценке и заслуженному авторитету, провозглашается основателем новой школы [5, р. 223].

Помимо этого, Нисияма выделяет пять путей появления новых глав школ.

1) Основание новой школы широко освещается средствами массовой информации.

2) Основание новой школы благодаря поддержке авторитетных лиц из мира того или иного традиционного искусства.

3) Появление новой школы под видом возрождения некогда существовавшей, но исчезнувшей старой школы.

4) В качестве иэмото приглашена известная и авторитетная личность, пусть даже и не имеющая прямого отношения к школе того или иного искусства.

5) В некоторых видах традиционных искусств, которые изначально не были составляющей системы иэмото (например, народные песни), выбирается наиболее яркий представитель, и именно он называется иэмото (зачастую благодаря репортажам СМИ) [5, р. 223].

Во всех этих случаях большую роль играют средства массовой информации, которые в некоторых ситуациях могут оказывать влияние на появление иэмото даже в тех искусствах, для которых система иэмото нехарактерна. Однако в этом случае нельзя говорить о возникновении новой школы в традиционном ее понимании, так как не происходит лицензирования учеников на право преподавания, отсутствует система экзаменов и другие элементы, присущие системе иэмото.

Известны и случаи, когда иэмото сам давал своему ученику право на основание новой школы. Таким образом возникла, например, школа икэбана Охара: ее основатель Охара Унсин (小原雲心) получил позволение на создание собственной школы от иэмото Икэнобо, который был так впечатлен новым стилем, созданным Охара, что позволил ему стать иэмото новой школы при условии, что найдутся ученики. Благодаря тому, что СМИ широко освещали выставку только что возникшей школы в Кобэ (1897), недостатка в интересующихся школа не испытывала и существует по сей день [6].

В случае, когда появление новой школы «маскируется» под возрождение старой, несомненно, делается ставка на приверженность японцев к старым традициям. Несмотря на то что зачастую кроме названия в «возрожденной» школе не остается ничего от старой, интерес к ней всегда достаточно велик, что свидетельствует об уважении и бережном отношении к наследию прошлого как деятелей искусства, так и простых японцев. Так, например, школа икэбана Сага Горю (嵯峨御流) была заново основана последователем стиля морибана Цудзии Косю (辻井 弘洲) в 1915 г. Эта школа действует и сейчас [6].

Кроме того, как отчетливо видно из приведенной выше классификации, для придания авторитета новой школе часто прибегают к помощи влиятельных людей, которые либо выступают в качестве спонсоров, либо провозглашаются иэмото. Впрочем, во втором случае это скорее знак уважения, так как тогда роль руководителя становится номинальной. Интересно отметить, что к подобной практике привлечения известных лиц прибегают и состоявшиеся школы традиционных японских искусств. В таком случае можно говорить о взаимной выгоде сторон: если школа, привлекающая известную личность, обладает влиянием и популярна, приглашение вступить в ряды последователей этой школы является своего рода признанием со стороны мира традиционных японских искусств, что может благотворно отразиться на имидже.

Если же знаменитость не хочет связывать свою жизнь с деятельностью школы, можно пригласить ее принять участие в деятельности благотворительного фонда. Так, например, широко известна деятельность фондов Омотэсэнкэ Фусин'ан (表千

家不審庵財団) и Урасэнкэ Коннитиан (裏千家財団法人今日庵) (чайная церемония) и фонда Согэцу (икэбана), направленная на расширение влияния и увеличения известности школы. Фонды занимаются проведением мастер-классов, лекций, приглашением мастеров, демонстрацией того или иного искусства. Часто при фонде действуют библиотеки и музеи. Во главе фонда часто стоит или сам измото, или члены его семьи. Руководители фонда могут присутствовать при открытии новых филиалов школ либо учреждений, финансируемых из этого фонда, как в Японии, так и за рубежом. При этом такие события освещаются в прессе, что говорит о значительной роли фондов в мире традиционных японских искусств [7]. Чтобы принимать участие в деятельности фонда, не обязательно быть обучающимся тому или иному искусству. Например, любой желающий может посетить мастер-класс по икэбана или поприсутствовать при демонстрации чайной церемонии. Однако впоследствии этот человек может привлечь потенциальных учеников, делаясь своими впечатлениями.

Любопытно, что подобных фондов не возникло в японском театре Но и Кабуки. Связано это, несомненно, с тем, что театры изначально представляли собой замкнутую семейную структуру, ревностно оберегающую секреты своего мастерства от широкой публики. Кроме того, в силу таких специфических особенностей как, например, исполнение всех ролей, включая женские, мужчинами, японский театр в его классическом виде не может принимать всех желающих обучиться исполнительскому мастерству. Конечно, существуют любительские театральные кружки, в которых могут участвовать и женщины, но эти кружки не являются профессиональными студиями и, скорее, существуют в качестве хобби.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отличие от измото школ таких традиционных искусств, как чайная церемония или икэбана, т. е. тех, в которых для процветания школы должны быть задействованы множество учеников, измото Но и Кабуки наоборот следят за тем, чтобы секреты мастерства оставались достоянием той или иной театральной труппы, и сейчас зачастую представляющей собой одну семью (один род). Именно поэтому и в настоящее время, например, в театре Но существуют пять ведущих школ¹, сформировавшиеся в период Эдо и ранее. При этих школах действуют ассоциации молодых актеров, которые могут основывать собственные творческие содружества, не выходящие, тем не менее, за рамки той или иной школы. В случае же, если актер выходит из школы, формирования новой школы не происходит. Показателен пример актера Кандзэ Хисао (観世 寿夫), который в 60-е годы прошлого столетия объявил себя свободным от иерархической системы измото. В 1971 г. он создал актерское общество «Тайное содружество» («Мё-но кай» 冥の会), которое из всех школ театра Но заимствовало то, что считало лучшим. Тем не менее в полноценную школу это общество так и не трансформировалось, и по-прежнему, когда говорят о школах театра Но, имеют в виду пять классических школ [8, с. 169].

Исходя из вышесказанного, видно, что формирование новых глав школ — измото — происходит несколькими путями. Это может быть как самопровозглашение при основании собственной либо при возрождении когда-то существовавшей школы того или иного традиционного искусства, так и признание со стороны, благодаря таланту и авторитету. Кроме того, в наши дни чрезвычайно велика роль средств

---

¹ Школы Кандзэ (観世), Хо:сё: (宝生), Компару (金春), Кита (喜多) и Конго: (金剛).

массовой информации, благодаря которым широкая аудитория может узнать о создании новых школ, и таким образом могут появиться новые ученики. Этой же цели привлечения учеников служит и назначение измото какого-либо известного лица, пусть даже и не имеющего отношения к данному традиционному искусству. Нельзя недооценивать и деятельность фондов при школах традиционных японских искусств, направленную в первую очередь на поддержку и распространение влияния той или иной школы. Однако в таких достаточно закрытых семейных структурах, как театры Но и Кабуки, формирование новой школы является процессом очень трудным, поэтому формирующиеся новые актерские организации, как правило, действуют под эгидой существующей школы.

Литература

1. *Hara Sokei*. Cha-no yu nyu:mon (The entrance to the Cha-no yu). Tokyo, PHP kenkyu:jo, 2004. 206 p. [原宗啓. “茶の湯” 入門. 東京、PHP 研究所、2004年. 206頁. 2004. 206 p.]
2. The Taisho Era: When modernity ruled Japan's masses // The Japan Times. URL: <http://www.japan-times.co.jp/life/2012/07/29/general/the-taisho-era-when-modernity-ruled-japans-masses/>. Uj86kYa-2So (дата обращения: 15.05.13).
3. Шмелев А. И. Социально-политические функции системы измото в современной Японии // Дух Ямато в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1989. 210 с.
4. Ikebana Sogetsu ryu: sogetsu to ha: sogetsu wo shiru. The Sogetsu ikebana school. What is the Sogetsu: to learn about it [いけばな草月流 草月とは: 草月を知る]. URL: <http://www.sogetsu.or.jp/know/about/> (дата обращения: 28.04.13).
5. *Nishiyama Matsunosuke*. Gendai-no iemoto (Iemoto nowadays). Tokyo: Kobundo, 1962, 236 p. Токио: Кобундо, 1962. 236 p. [西山松之助. 現代のいえもと. 東京、弘文堂、1962年. 236頁.]
6. Ikebana international. URL: <http://www.ikebanahq.org/history.php> (дата обращения: 28.04.13).
7. Bo:ku Shigeko. Nihon-no dento: bunka wo tsutaetai // Capital. N 6 (155). 2012. [ボークシゲコ. 日本の伝統を伝えたい // Capital, 第6号 (155)、2012年.]
8. Анарина Н. Г. Японский театр Но. М.: Наука, 1984. 214 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Борисова Анастасия Анатольевна — магистр, ассистент; borisovaanastasia.a@gmail.com
Borisova Anastasia A. — MA, Assistant Professor; borisovaanastasia.a@gmail.com

О. Ю. Завьялова

ПОНЯТИЕ М̀Г̀Д̀УА В ПОСЛОВИЦАХ МАНДЕН

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Данная статья посвящена одному из центральных понятий во взаимоотношениях людей у народов манден — м̀г̀д̀уа — человечности как свойства людей.

У каждого народа есть понятие, характеризующее основное качество (качества), ценимое именно у данного народа, как правило, такие понятия трудно перевести на другие языки. В данной статье автор пытается проникнуть в суть такого понятия посредством анализа пословиц бамана. Ценность человека у манден, как и во всех коллективистских обществах, определяется его ценностью для коллектива, а не его личными достижениями. Поэтому в понятие м̀г̀д̀уа входит понятие приоритета общества над индивидуумом и взаимосвязь людей, их взаимозависимость. Взаимоотношения людей согласно м̀г̀д̀уа строятся на единстве, долге, понимании, уме, основой всего является именно взаимность. Понимание таких понятий, как м̀г̀д̀уа, является ключом к пониманию многих процессов в современном обществе манден. Библиогр. 10 назв. Ил. 1.

Ключевые слова: устная традиция, пословицы, мировоззрение, народы манден.

CONCEPT OF M̀G̀D̀U IN MANDEN PROVERBS

О. Ю. Завьялова

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is devoted to one of the central concepts of mutual relations between Manden people — м̀г̀д̀уа — humanity as people's characteristic.

Each people have a concept characterising the basic quality (qualities), valued in the society and, as a rule, such concepts are difficult to translate. In this article the author tries to penetrate into the essence of such concept by means of the analysis of bamana proverbs. Value of a person in the Manden society, as well as in all collectivist societies, is defined by a value for a group of people, instead of its personal achievements. Therefore, the concept м̀г̀д̀уа includes a concept of priority of society over an individual, intercommunication of people, and their interdependency. In accordance with м̀г̀д̀уа, people mutual relations are based on unity, debt, understanding, mind and reciprocity. Understanding of such concepts as м̀г̀д̀уа is a key to understanding of many processes in a modern Manden society. Refs 10. Figs 1.

Keywords: oral tradition, proverbs, worldview, Manding people.

Понятие м̀г̀д̀уа — центральное во взаимоотношениях людей у народов манден. В одном из диалогов, записанных Ш. Байодем, говорится, что Мали известно своим м̀г̀д̀уа, и бамана гордятся этим принципом.

Чтобы лучше понять значение слова, необходимо проследить его словообразование: *т̀д̀г̀* — 'человек', *-уа* — суффикс, дериваты с ним обозначают статус, качество, состояние, присущие соответствующим лицам. Таким образом, это «состояние, присущее человеку, человеческое качество». Суффикс *-уа* присоединяется и к некоторым названиям животных, однако их дериваты всегда обозначают качества, присущие людям.

Ní àẁ té á d̀énk̀é` b́́ á kà s̀àg̀am̀ǹeyá` lá, ñ b́́ é à g̀én kà b́́ l̀èk̀s̀l̀í` lá. 'Если вы не выведете своего сына из состояния лени и апатии (кастрированного барана), я выгоню его из школы.'¹

¹ Здесь и далее примеры приводятся по источникам [2–5].

Dùgú` bée, mógo sí té Fádèbí dān fàliyá` lá. 'Во всей деревне никто не превосходит Фадебу в тупом упрямстве (осла)'.

То есть *m̀d̀g̀d̀ỳa* — качество, присущее всем людям, характеризующее именно их.

В словаре Ш. Байоля приведено несколько переводов *m̀d̀g̀d̀ỳa*: человечность (основное значение), человеческая сущность, взрослое состояние человека, социальные отношения, вежливость, доброта, любезность [1]. Если у одного слова в словаре слишком много разных значений, значит, скорее всего, мы не полностью понимаем его реальное значение. Что же на самом деле вкладывается в значение *m̀d̀g̀d̀ỳa*?

Отметим, что у бамана и манинка есть также понятие *hadamadenya* — синоним *m̀d̀g̀d̀ỳa*, с одинаковым способом образования (человек + суф. -ya), но это более новое слово, частично заимствованное: *hadamaden* 'ребенок Адама — человек'. Различие между этими двумя понятиями сходно с различием в понимании «человечности» и «гуманности» в русском языке: они образованы аналогичным способом, но заимствование несет и заимствованный нюанс в значении: *m̀d̀g̀d̀ỳa* значительно более нагруженное понятие, *hadamadenya* чаще упоминается в газетных текстах.

У каждого народа есть понятие, характеризующее основное качество (качества), ценимое именно у данного народа. Как правило, эти понятия невозможно перевести на другие языки одним словом. Так, в качестве «центральной характеристики» шведской ментальности О. Даун («Шведская ментальность») рассматривает «местное» качество *duktig*, понимаемое как компетентность в самом широком смысле слова, включая моральное обязательство человека быть таковым. Для русских базовым является понятие *милосердия*, именно оно и входит в понятие человечности. При исследовании Г. Триандисом и В. Вассилиу греческой субъективной культуры было обнаружено, что у греков в иерархии личностных черт как ценностей самое высокое место занимает черта, обозначаемая словом *филотимос*, которое в «психологических автопортретах» использовали 74% испытуемых.

«Филотимос» — это человек широкой души, вежливый, надежный, добродетельный, гордый, щедрый, правдивый, «уважительный», обладающий чувством долга, выполняющий свои обязательства [см. 2]. В принципе, все эти качества составляют набор характеристик, делающих человека удобным и нужным для данного общества. Соответственно, для греческого общества (в отличие от шведского) важны взаимность поведения, гордость.

Что же входит в понятие человечности у манден? Проанализируем пословицы бамана, посвященные *m̀d̀g̀d̀ỳa*.

В системе ценности понятие *m̀d̀g̀d̀ỳa* находится наверху. Акцентируется его ценность и значимость для бамана: *M̀d̀g̀d̀ỳa ka bon ni fən bée ye.* — Человечность больше всех вещей. — *M̀d̀g̀d̀ỳa ka fisa fən ye.*

M̀d̀g̀d̀ỳa ye sababu ye. — Человечность — это причина (м.б. секрет). [*Sababu* — 'причина, происхождение, резон, мотив; секрет (магический).]

То есть *m̀d̀g̀d̀ỳa* — это то, что является основой всего.

Ala yà da m̀d̀g̀d̀ỳa katà, màà tē ò dən. — Бог создавал его ради человечности, но человек этого не знает.

Ценность человека у манден, как и во всех коллективистских обществах, определяется его ценностью для коллектива, а не его личными достижениями. Поэтому в понятие *m̀d̀g̀d̀ỳa* входит понятие *приоритета общества над индивидуумом и взаимосвязь людей, их взаимозависимость*:

Fóló, m̀̀g̀̀ỳ̀a m̀̀ǹǹ t̀̀ǹ j̀̀ng̀elən don, nk'a t̀̀ǹ t̀̀ b̀̀ǹ, sisan m̀̀g̀̀ỳ̀a m̀̀ǹǹ d̀̀b̀irila. — Раньше чаша человечности была наклонена, но не выливалась, теперь чаша человечности опрокинута.

В статье из интернет-газеты о hadamadenya [4] (как мы уже упоминали, это синоним mǝḡḡya, и для газетной статьи часто он оказывается полным синонимом) говорится о проблеме взяток: слишком много просителей приходят к чиновникам, предлагая (точнее, даря) им деньги, и те в свою очередь, боясь за свою репутацию, согласно правилам hadamadenya вынуждены помогать просителям в ущерб государству! Просители не понимают, что чиновники не всегда имеют возможность помочь им, полагая, что они заведомо лучше живут и должны помогать нуждающимся. Здесь прослеживается идея распределения не по вкладу (кто сколько внес усилий или средств) или поровну, а по тому, кто нуждается больше. Это принцип, характеризующий субъективную культуру манден. Еще одна важная идея статьи — люди больше всего боятся испорченной репутации в обществе — соотносится с идеей стремления к славе и важности известности среди людей у манден. Чиновники (по словам автора статьи) готовы сами пострадать, нарушить правила только для того, чтобы никто не обвинил их в черствости, нежелании помочь другим.

Анализируя данную статью, можно проследить истоки так называемого взяточничества в Африке и понять, что с традиционной точки зрения оно не только не является отрицательным феноменом в обществе, но наоборот, представляет собой необходимую часть общения. Вред от этого прослеживается в экономике, логика и нормы которой идут всегда вразрез с большинством норм традиционных коллективистских обществ. Соответственно борьба с этим явлением должна происходить на уровне социальных установок и ценностей, со сменой национального мировоззрения... Но для нас важнее проследить принципы, лежащие в основе поведения баманцев, данный принцип дарений — тот же, что лежит и в основе обычая прихода в гости дарить подарок, показывающий уважение к хозяину. Собственно это и есть превентивная взаимность [5]. Это базовый принцип, на котором базируется *m̀g̀d̀u*. В понятие *m̀g̀d̀u* значительно больше именно понимания взаимности, чем в понятии «человечность» в других языках. Именно эта взаимность и некоторый расчет подразумевает и понимание, и ум в данных отношениях. «Хочешь, что-либо получить, сперва предложи людям, что ты им можешь дать».

Отметим, что общество бамана, в отличие от многих других коллективистских систем, — общество охотников, сильно развитый институт охотников объясняет возникновение специфических норм поведения. Во-первых, для охотников характерен внутренний локус контроля и повышенная степень индивидуализма. Но все это идет вразрез с понятиями коллективизма африканских народов. И именно во взаимности поведения можно найти компромисс между этими двумя базовыми понятиями [10]. Пословицы манден свидетельствуют о том, что внутренний аффективный локус контроля является у них стабильной внутрикультурной чертой, вследствие которой человек контролирует свою жизнь благодаря влиянию на других людей. Данный вариант локус-контроля прослеживается именно на примере главного принципа *mɔ̀gɔ̀yɔ̀*.

Следующие пословицы доказывают вышесказанное и пересекаются с идеей mǝḡḍya.

Ni i t'a fê mògò ka fên k'i la, i kana o kè a la. — не делай человеку того, что не хочешь, чтобы он делал тебе.

Mògò fê, min b'I fê. — Люби того, кто тебя любит (кому ты нравишься).

«*Mògò bɛ jɔnnin fê?*» — «*I ladiyabaga*». — «Кто тебе нравится?» — «Тот, кто ко мне хорошо относится».

Dannaya sòrɔ̀ man di. — Доверие (честность) найти тяжело.

Dannaya doni ka girin. — Груз доверия тяжел.

Jurù te ban m̀d̀gɔ̀ la, fo kà taa i sa. — Долг не заканчивается перед человеком, пока он не умрет.

Dùgu o dùgu tɔ̀gɔ̀ ko «Bèndugu» kɛlɛ tɛ ɔ̀ cì. — Деревню с названием «Бэндугу» (деревня согласия) война не разрушит.

Bɛn ka di. — Согласие (понимание) — хорошо.

Согласие и доверие (точнее, возможность положиться на другого) также предполагают взаимность.

«Относись к другим так, как ты бы хотел, чтобы они к тебе относились». Этот закон чаще всего мы увидим в сказках, реже в эпосе, где он является базовым во взаимоотношении с чужим миром. Но в пословицах и в повседневной жизни он является базовым и во взаимоотношениях между людьми.

При описании взаимодействия с чужим миром (в эпических сказаниях или сказках) основными идеями выступают поддержание баланса и невмешательство, а также правило взаимодействия «я тебе — ты мне» (взаимность отношений). Все вместе это и определяет гармоничные отношения внутри социума, а также с членами иных обществ, этносов, не только с представителями «чужого мира». А кроме того, эти законы поведения входят в понятие *m̀d̀gɔ̀*, обеспечивая именно понимание других и уважение к их жизни — то, что психологи называют «безэмоциональным приятием» и полагают основой грамотных взаимоотношений между любыми людьми.

M̀d̀gɔ̀ ya ye sanga ye — Человечность — это мгновение (время, минута), Человечность — это успех.

Возвращаясь к вопросу места *m̀d̀gɔ̀* в жизни любого представителя манден, а также его ценности, попробуем представить ее роль в иерархии потребностей народов манден.

Рисунок представляет пирамиду потребностей Маслоу.

В. Н. Колотов

**ТЕХНОЛОГИИ ГИПНОЗА
В МИССИОНЕРСКОЙ ПРАКТИКЕ ИЕЗУИТОВ
ВО ВЬЕТНАМЕ XVII ВЕКА¹
(Часть 1)**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В настоящей статье впервые предпринята попытка проанализировать с привлечением специальной литературы по психотерапии и гипнологии хорошо известный источник первой половины XVII в. «Катехизис за восемь дней» как эффективный инструмент по изменению религиозной идентичности населения Вьетнама. В исследовании посредством современной терминологии описаны использовавшиеся миссионерами механизмы и технологии вербального воздействия и внушения, которые позволяли им перепрограммировать психику и менять модели поведения местных жителей. Данный подход объясняет не только почему, но и как иезуит Александр де Род с помощью составленного им «Катехизиса за восемь дней» смог начать процесс массовой католизации Вьетнама. Примененная им технология сравнивается с методикой другого выдающегося иезуита Маттео Риччи, который работал в Китае. Изучение и систематизация исследованного материала приводит к выводу о том, что при обращении в католицизм во Вьетнаме в XVII в. европейские миссионеры на высоком профессиональном уровне использовали технологии боевого гипноза, однако они применяли их не в терапевтических, а в политических, вернее, даже геополитических целях. Библиогр. 22 назв. Ил. 3.

Ключевые слова: католицизм, католизация, катехизис, технологии обращения, культурная адаптация, дискредитация, гипноз, психокоррекция.

**HYPNOSIS TECHNIQUES IN MISSIONARY ACTIVITIES OF
JESUITS IN VIETNAM IN THE XVII CENTURY**

V. N. Kolotov

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article is the first attempt to analyze the well known source of the first half of the XVII century "Catechism explained in Eight days" as an effective tool to change the religious identity of the population of Vietnam from the point of view of the psychotherapy and hypnology. Using modern terminology, the study describes the techniques and means of verbal influence and suggestion used by the missionaries, which allowed them to reprogram the mind and change the behavior of local residents. This approach explains not only why, but also how Jesuit Alexander de Rhodes could begin the process of mass Catholicization in Vietnam with his book "Catechism explained in Eight days". This technique is compared to the methods of another prominent Jesuit Matteo Ricci, who had been worked in China. The research and systematization of the available information leads to the conclusion that during the conversion to Catholicism in Vietnam in the first half of the XVII century European missionaries at a high professional level had used battle hypnosis technique, but they did not apply it as a therapy, but for political and even geopolitical purposes. Refs 22. Figs 3.

Keywords: Catholicism, catholicization, catechism, conversion technology, cultural adaptation, defamation, hypnosis, psychological correction.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта НИР СПбГУ «История Азии и Африки в контексте геокультурной парадигмы глобального развития» (Шифр ИАС: 2.38.103.2012).

Хотелось бы надеяться, что в скором времени все эти королевства изменятся и мы увидим расцвет религии во всех этих местах, идолопоклонничество будет разрушено, дьявольские культы уничтожены, Церковь и Небо обогатятся за счет остатков Ада, величие истинного Бога будут поклоняться и величественное имя Господа нашего Иисуса Христа будет звучать в сердцах и восхвалениях единства верных ...

Франсуа Паллю [1, р. 25]

И мой голос пойдет за вами, где бы вы ни были

Милтон Эриксон [2, с. 15]

Про распространение католицизма во Вьетнаме написано много книг, однако описанию и исследованию именно технологий обращения в католицизм местных жителей уделено, на наш взгляд, неоправданно мало внимания. Обычно сообщается, что миссионеры составляли словари, разрабатывали вьетнамскую латинизированную письменность, серьезно и глубоко изучали вьетнамский язык, на котором читали проповеди местным жителям. Но почему-то не уточняется, что они говорили в своих проповедях, какого рода информацию они распространяли, как она влияла на слушателей, почему после прослушивания этих проповедей многие местные жители жестко и бесповоротно порывали со своими традиционными верованиями и культами, ритуально уничтожали алтари поклонения предкам, меняли имя, перебирались поближе к католической церкви и сплывались вокруг иностранных миссионеров, образуя сплоченные и стабильные религиозные сообщества, которые пережили многочисленные гонения и давление со стороны «одержимых бесами» властей. В результате такого подхода «за скобками» оставалась проблема того, как проповедовали миссионеры и что происходило с психикой конвертитов в процессе изменения религиозной идентичности. В этих условиях особую роль в деятельности иезуитов играл интеллектуальный инструментарий и технологии манипулирования местными жителями, с целью их последующего использования в качестве «пушечного мяса» в геополитических проектах. В ходе конвертации происходило перепрограммирование или психокоррекция местных жителей, что вызывало фундаментальные изменения в их мировоззрении и поведении. При этом из потенциального противника и/или конкурента они превращались в надежных союзников, которые бесплатно, рискуя жизнью, становились солдатами информационной, а в последующем и колониальной войны против собственной страны.

Известный американский политолог С. Хантингтон в нашумевшей статье «Столкновение цивилизаций?» совершенно справедливо отметил, что в «конфликте цивилизаций вопрос ставится так: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полу-французом и полу-арабом, и даже гражданином двух стран. Куда сложнее быть полу-католиком и полу-мусульманином» [3]. Авторитетный эксперт справедливо указывает на этнорелигиозные параметры конфликтов, которые ранее по

причинам политкорректности даже не рассматривались в научной литературе, однако он уходит от проблемы навязанной идентичности. Он утверждает, что религиозная идентичность — нечто данное и изменению не подлежит, дословно “that is given cannot be changed” [3]. Поэтому в данном исследовании особое внимание будет направлено именно на этот аспект. Мы попытаемся рассказать о том, как меняют то, что «не подлежит изменениям» [3]. Иными словами, данная статья начинается с того, на чем останавливается известный американский автор. Она о том, кто, как и зачем меняет то, что «не подлежит изменениям» [3], и о тех технологиях, которые позволяют это делать, о том, как трудно быть наполовину одним и наполовину другим, о том, как людей ставят в положение кризиса идентичности [5, с. 94–180]. В первую очередь речь пойдет о самом важном параметре, о религиозной идентичности. По мнению С. Хантингтона, «Религия в современном мире — одна из центральных, пожалуй, самая главная сила, которая мотивирует и мобилизует людей» [5, с. 91]. Однако религиозный фактор играет центральную роль не только в настоящем, но и в прошлом. Поэтому в данной работе предлагается систематизировать и обобщить детали религиозных конфликтов, которые имели место в истории Вьетнама.

Мы рассматриваем данную проблему на примере деятельности католических миссионеров во Вьетнаме в первой половине XVII в., которые были вынуждены действовать малым числом во враждебной среде, с крайне скромным финансированием, вдали от основных баз Ордена Иисуса. При рассмотрении данной проблематики, как правило, нет сравнительного анализа методик обращения, которые применялись миссионерами в соседних странах Восточной Азии. Мы учли это обстоятельство и сравнили миссионерскую деятельность и ее результаты в Китае и во Вьетнаме того времени. Такой сравнительный анализ позволит понять причины, по которым миссионеры во Вьетнаме смогли добиться таких поразительных результатов, причем не с помощью логики и убеждения, на что делали основной упор иезуитские миссии в Китае.

Миссионерство — целенаправленная деятельность, направленная на распространение в иной, зачастую враждебной, среде, с риском для жизни, священных писаний, догм, ценностей, норм, правил, моделей поведения, стандартов и пр. своей религии. При осуществлении этой работы используются специально созданные для этих целей технологии (разработка адаптированных именно к данной среде приемов и методов информационного воздействия, изменение религиозной идентичности, закрепление нового признака, создание стабильных религиозных сообществ, система постоянного информационного воздействия на неофитов). Ключевой элемент в миссионерской практике — система целенаправленного информационного воздействия на психику с определенной целью — вызвать изменение отношения к реальности и изменить поведение объекта в интересах католических миссий.

Изменение религиозной идентичности — результат миссионерской деятельности, когда происходит обращение объекта воздействия в иную веру, что подразумевает фундаментальную переоценку системы ценностей, изменение отношения к символам веры, модификация моделей поведения.

Считается, что обращение в иную веру происходит в силу сознательного решения индивида, однако анализ текста одного из основных источников по обращению в католицизм во Вьетнаме, «Катехизис² за восемь дней. Для того, кто хочет совер-

---

² Катехизис (от лат. Catechēsis — поучение, наставление, внушение) — наставление в вере какой-либо религии, в данном случае католицизма.

шить крещение и принять священную религию Небесного Правителя» [6], далее «Катехизис за восемь дней», показывает, что при чтении проповедей использовались элементы гипноза. Технология использования так называемого «мягкого гипноза» (без погружения в глубокий транс) предполагает существенное снижение левополушарной деятельности мозга (сознание, функции логического анализа) в пользу правополушарной (эмоциональной); в теории гипноза эта стадия получила название «депотенциализация сознательных психических установок» [7, с. 223], что позволяло проповеднику получить прямой доступ к подсознанию объекта воздействия и существенно усилить внушение, а также проводить внедрение в его подсознание иных установок. Для более подробного изучения технологий воздействия католических миссионеров на психику представляется вполне оправданным ввести новый термин «религиозный гипноз», поскольку в миссионерской практике иезуитов определенно использовались **транссовые состояния сознания**, характерные именно для гипнотических и суггестивных практик. В религиозном гипнозе в подсознании объекта воздействия происходит дискредитация одних ценностей и внедрение ценностей иной религии, других мировоззренческих установок, новых ценностей, догм, поведенческих паттернов, вплоть до подготовки мучеников, которые в измененных состояниях сознания шли на смерть за веру. Очевидно, что в миссионерской деятельности очень важную роль играет система воздействий на психику. Использование гипноза позволяет существенно усилить эффективность косвенного влияния на поведение людей, провоцировать конфликты и пытаться управлять ими в своих интересах.

Особого внимания заслуживает применение иезуитами в своих проповедях в начале XVII в. элементов того, что спустя несколько веков получит название эриксоновского гипноза и в менее жесткой версии нейролингвистического программирования (НЛП), которое использовалось для оказания скрытого психологического влияния. Власть над конвертитам на этом свете миссионеры получали путем распространения шокирующей информации об альтернативной (не такой, как она описывалась в местных культурных традициях) структуре загробного мира, запугивая их карами на том свете, в случае ослушания. При конверсии неофит принимал новую систему ценностей, получал новое имя, жил по другому календарю и поклонялся иному Богу.

В результате достигалась не операционная совместимость несовместимых культурных кодов, а жесткое перекодирование из одного в другой, причем в дальнейшем предусматривалось закрепление нового кода путем эмоционально окрашенных спекуляций о безвременном уходе местных мучеников и провоцирования гонений со стороны местных властей, что окончательно сплачивало неофитов вокруг иностранных миссионеров и блокировало процессы индигенизации³ и распада общин в случае высылки иезуитов.

Термин «конвертит» происходит от лат. *conversio*, или *convertito*, что означает «обращение, превращение, преобразование». Кроме того, термин «обращенный», или «новообращенный в другую веру», передается по-французски словом «*convertie*», а по-английски — «*convert*». Процесс именуется *conversion* (обращение). Если перевести это слово на русский как можно ближе к оригиналу, то получится слово «обращенный», «переконвертированный» или даже «перевертыш». По-вьетнамски

---

³ Возвращение в исходное состояние «язычества», которое было до конвертации.

данное понятие передается фразой *Cải Đạo*, что значит «изменить Путь». «Путь» в данном случае — производное от кит. *dào* 道, «путь, учение, религия». Это и есть в самом общем виде своеобразная дефиниция, отражающая совокупность мер, которые обеспечивают смену ценностной ориентации! Жил-был человек, но вот кто-то пришел, что-то сказал, «перевернул» или «переконвертировал» его определенным образом, и человек пошел другим путем, в направлении другой системы ценностей. Человек внешне остался тем же самым, но при этом внутренне стал другим. «Мягкое оружие» поражает не внешнюю физическую оболочку или внутренние органы: оно изменяет внутренний мир человека в результате психокоррекции. Чем больше таких «перевертышей» наделают миссионеры, тем большая часть населения будет двигаться в указанном ими направлении. Это не естественный процесс, а результат целенаправленного внешнего воздействия! Традиционная ценностная ориентация заменяется католической. Этот процесс представляет собой не столько замену одной ориентации на другую (не их сочетание или взаимопроникновение), сколько определенное «вправление мозгов», которое по сути очень похоже на инфицирование определенными вирусами современных информационных систем. При этом получается не католик, полностью идентичный своему европейскому «оригиналу», а именно *convert*, т. е. «перевертыш», введенный в состояние кризиса идентичности. Стремление преодолеть этот кризис и служит основным мотивом политической мобилизации сообщества «перевертышей».

В те далекие времена миссионеры-иезуиты, как наиболее профессионально подготовленные, использовали разные подходы к изменению религиозной идентичности местного населения. По нашему мнению, прежде всего, следует рассмотреть метод итальянского иезуита Маттео Риччи (1552–1610) (кит. имя Ли Мадоу) — одного из наиболее известных представителей иезуитов в Китае, который глубоко проник в культуру этой великой страны и внес выдающийся вклад в дело распространения в Европе знаний о Китае.

Хорошо известно, что иезуиты отличались от представителей других миссионерских орденов впечатляющим знанием восточных языков. Глубокое изучение восточного языка, этнопсихологии и местных традиций было необходимо для миссионеров, так как они составляли проповеди, писали Катехизис для обращения местных жителей в католицизм. Маттео Риччи был на особом счету даже в столь высокопрофессиональной среде. Об уровне его подготовки можно составить представление по следующей цитате: «Однажды вечером <...> [он] произнес наизусть целую книгу китайских стихов, прочитанную им один лишь раз. Для того, чтобы убедить присутствующих в том, что он действительно специально не заучивал текстов он <...> просил собравшихся составить список из несвязанных между собой по смыслу иероглифов (на этот раз их было 500), после чего повторил список по памяти после первого прочтения» [8, с. 93]. Однако даже таких выдающихся мнемонических способностей было недостаточно, чтобы приступить к массовому обращению местных жителей в католицизм в Китае.

Католические миссионеры выполняли сложную и опасную миссию, в самом прямом смысле рискуя жизнью, поскольку власти многих стран Востока препятствовали деструктивной, с их точки зрения, деятельности миссионеров и иногда даже казнили их, а местных конвертитов подвергали гонениям за нарушение многовековых традиций и устоев. Суть этого конфликта состояла в том, что распространенный на

Дальнем Востоке культ предков был несовместим с христианством, так как основывался на вере в посмертную жизнь душ умерших предков, а также в то, что при соблюдении ритуалов и жертвоприношений, совершенных по определенным правилам, эти души и духи с того света могут влиять на жизнь своих ныне здравствующих потомков. С точки зрения традиционного христианства это предосудительное суеверие, за тайное следование которому неопитов даже проклинали.

Перед европейскими миссионерами стояла чрезвычайно сложная задача, находясь на чужой территории, убедить местное население отбросить их традиционную веру и культы и принять новые, ходить в другую церковь, сменить имя, образ жизни, календарь, праздновать другие праздники.

Один из наиболее выдающихся миссионеров-иезуитов в Китае Маттео Риччи выдвинул теорию **культурной адаптации**, которая предполагала такую культурную адаптацию католицизма, чтобы он не вызывал отторжения местной культурной среды. Суть этого подхода, по мнению известного отечественного китаеведа Д. В. Дубровской, состояла в том, что «христианство должно адаптироваться к конфуцианству» [8, с. 84]. А чтобы католицизм не отторгал культ предков, иезуиты призывали считать культ предков не религиозной традицией, каковой он и был на самом деле, а ... гражданской церемонией. Это было самое настоящее «иезуитство». Проблема состояла в том, что в случае принятия этой точки зрения в восточных обществах получил бы распространение уже не традиционный католицизм, а нечто другое. Ватикан в этом совершенно справедливо усматривал опасность появления сект и ересей внутри собственно католицизма и поэтому занял принципиальную позицию, а китайские ритуалы были «осуждены как базовое заблуждение, предрассудок и идолопоклонничество, которое не мог практиковать ни один христианин» [8, с. 151–152].

Чтобы не вызывать настороженность местных жителей и втереться к ним в доверие, иезуиты в Китае переодевались в китайскую одежду, сначала буддийских монахов, поскольку европейские миссионеры поначалу посчитали, что буддийские монахи пользуются большим уважением, но, разобравшись в ситуации, переоделись в чиновников-конфуцианцев. Иезуиты пытались с помощью логических построений в ходе «научных» диспутов доказать родство конфуцианства и христианства. Так появилась «идея совместимости учения Конфуция и христианства, признание конфуцианства “предхристианством”» [9, с. 24]. Много времени было потрачено на то, чтобы найти некие параллели (очевидно мнимые) между христианством и китайской культурой, с тем чтобы доказать китайцам некую схожесть между в реальности несовместимыми идеологиями и таким образом уговорить их принять крещение. По нашему мнению, в предложенном Маттео Риччи подходе имелось **фундаментальное противоречие: с одной стороны, он хотел изменить религиозную идентичность китайцев, обратить их в католицизм, католицизовать их, но, с другой — окитаивался сам.** Следуя такой логике, обрести неопитов было сложно.

В то время стали активно работать так называемые «фигуристы» [8, с. 178] или «фигуралисты» [9, с. 34] (от фр. Figurism), которые, пытаясь доказать наличие общих корней у традиционных китайских учений с католицизмом, выдвинули ряд странных теорий. В частности, они утверждали, будто «первоначально китайцы были потомками старшего сына Ноя — Иафета <...> [а, — В.К.] государство у китайцев основал сын Ноя — Сим» [9, с. 34]. В иероглифе 天 «небо», они видели графические элементы 二 «два» и 人 «человек», что якобы отражало «идею второго пришествия

Христа» [9, с. 34]. В иероглифе 来 «приходить» они «обнаружили» «человека на кресте» [9, с. 34]. Также особое «глубокое» толкование получило созвучие произношения некоторых китайских иероглифов и имен из Ветхого завета. Так они обнаружили «связи» между именем Бога Яхве и 堯 Яо, одного из легендарных правителей Древнего Китая, а также именем сына Ноя (Сим) и звучанием иероглифа 生 shēng «родиться, жизнь» [9, с. 34]. Все эти «открытия» делались не для того, чтобы повеселить почтенную публику, а чтобы вызвать интерес китайцев к глубинным «параллелям» между историей Китая и Запада. Однако эта хитрая уловка не сработала.

Уже окрещенным китайцам запрещалось следовать культу предков, который миссионеры называли китайскими ритуалами. «В целях борьбы с культом предков новообращенным было запрещено держать дома ритуальные таблички с именами предков, отлучением от церкви каралось даже коленопреклонение перед гробом» [9, с. 39]. В итоге «Спор о китайских ритуалах привел к тому, что Папа проклял китайскую практику приносить подношения предкам, преклонять колени и кланяться перед их алтарями» [8, с. 167]. Папа Климент XI в своей булле “Ex illa die”⁴ (1715 г.) осудил предложения иезуитов по вопросу отношения к так называемым китайским ритуалам и удостоверил «под страхом отлучения от церкви все предыдущие ограничения и запреты, связанные с культурной адаптацией христианства в Китае» [9, с. 39].

Весьма специфическая логика иезуитов в Китае привела фактически к провалу миссионерской деятельности, которая предусматривала массовое распространение там католицизма. Вот как определил ее итоги авторитетный отечественный китаевед Н. Г. Пчелин, который долго и качественно изучал эту проблематику: «...главная цель пребывания иезуитов в Китае — распространение там христианства — достигнута не была, также не была создана единая католическая Церковь Китая» [10, с. 24].

По сути, Маттео Риччи предлагал не столько культурную адаптацию, сколько пытался найти «операционную совместимость» несовместимых мировоззрений и религиозных систем, поскольку была «производственная» необходимость «упаковки» некоторых функций католической церкви (а не католических догм и понятий) в более приемлемую форму для изменения культурной идентичности китайцев, но соответствующих технологий в то время еще не было.

Католический миссионер это — посланец с особой миссией, суть которой состоит в том, чтобы в чуждой среде проповедовать свои ценности и догмы, в результате этой целенаправленной деятельности должна была произойти замена соответствующих ключевых элементов местной культуры на католицизм. В этом контексте за местной культурой не признавалось равной ценности. Она должна быть разрушена, уничтожена и заменена на католицизм. Местную культуру миссионеры изучали лишь в целях лучшего ее понимания и разработки наиболее эффективных методов ее уничтожения и замены на свою по принципу «врага надо знать». А изучив местные языки и поняв основные параметры культуры, они поняли, что распространение католицизма уперлось в «стену» культа предков, который был категорически несовместим с католицизмом.

Осознание тупиковости ситуации породило **дилемму адаптации** (схема 1). Суть этой проблемы состояла в том, что логика иезуитов вела к двум взаимоисключаю-

⁴ Лат. С этого дня.

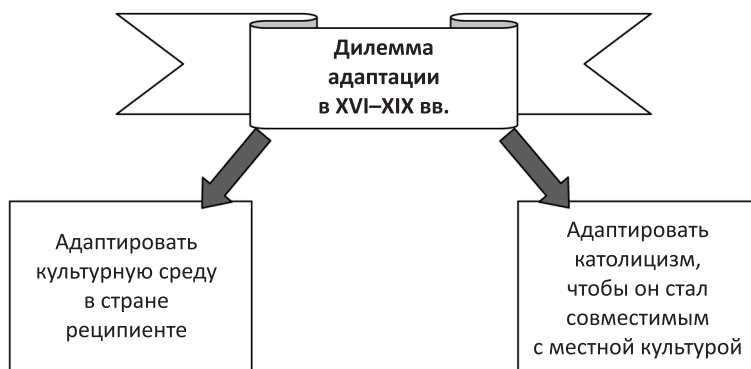

Схема 1. Дилемма адаптации.

щим положениям. Либо адаптировать насаждаемую религию, либо среду, в которой ее следует распространить. При уровне развития технологий того времени в конкретных исторических условиях это был трудноразрешимый тупик.

Поскольку местная китайская культура отторгала католицизм, Маттео Риччи предложил поменять католицизм так, чтобы он стал совместим с китайской культурой. Проблема была в том, что в таком «адаптированном» виде это был бы уже не католицизм, что вызывало вполне предсказуемую и логичную негативную реакцию Ватикана, который стоял на страже своих традиций! В Риме хорошо помнили события XIV в., когда «произошел “великий раскол”»: создались две папские курии, и один папа проклинал другого как антипапу. Появился даже “контр-антипапа”» [11, с. 131]. Получался технологический тупик — когда ни Ватикан не шел на уступки, ни миссионеры не могли изменить культурную среду восточных обществ. Иезуитская казуистика по поводу признания культа предков гражданской церемонией, очевидно, была направлена на выполнение плана по обращению «язычников», но она одновременно была очень рискованной для католицизма, поскольку по сути отрицала ряд основополагающих догматов. В этом смысле предложение иезуитов действительно было очень близко к ереси [12, с. 169–185].

Эта **дилемма адаптации** была разрешена намного позже путем создания и распространения в стране-жертве деструктивных сект, операционно совместимых с местной средой, но одновременно не представлявших угрозы для культуры страны экспортера, которая разрабатывала такие деструктивные культы с наполнителем, подавлявшем реакцию отторжения у местной культуры, и имплантировала их в целях разрушения местных культур и ослабления их потенциала сопротивления духовной и вооруженной колонизации [13, с. 94–104]. Так происходило глубокое переформатирование геокультурного пространства, в ходе которого католицизм приобретал характер подлинно геополитического фактора [4, с. 94–180].

Таким образом, только много лет спустя, уже в другом регионе Дальнего Востока, при решении этой дилеммы адаптации удалась выдающаяся политехнологическая инновация. Для практической же ее реализации в Китае в то время (XVI век) не было условий. Поэтому, получив жесткий и принципиальный отказ Ватикана от адаптации католицизма, миссионеры вернулись к уже проверенной методике, кото-

рая в иной культурной среде при соответствующей доработке доказала свою эффективность.

С точки зрения распространения католицизма в Восточной Азии, особенно в странах конфуцианской культуры, метод «культурной адаптации» представляется тупиковым. Он не сработал нигде! В Китае закрепившимся при дворе императора иезуитам в течение длительного периода «предстояло служить по “научно-технической части”» [8, с. 100], занимаясь в основном ремонтом часов и астрономическими расчетами.

Девиз иезуитов “*Finis sanctificat media*” («Цель оправдывает средства») приобретает особый смысл, если принять во внимание, что в странах Восточной Азии миссионеры выступали как посланцы могущественной западной цивилизации, используя ее научные достижения во благо церкви, несмотря на то, что в то же самое время в Европе католическая церковь была символом реакции и тормозом научно-технического прогресса, а наиболее продвинутые ученые подвергались гонениям со стороны инквизиции. Сожженный на костре Джордано Бруно (1548–1600) и принужденный к отречению Галилео Галилей (1564–1642) были современниками Маттео Риччи (1552–1610) и Александра де Рода (1591–1660).

Гелиоцентрическая система мира Николая Коперника (1473–1543), за развитие которой пострадали Джордано Бруно и Галилео Галилей, была публично осуждена католической церковью как противоречащая Священному писанию и здравому смыслу, что отнюдь не мешало иезуитам использовать научно-теоретические и математические разработки в астрономическом приказе, поскольку только таким образом миссионеры могли закрепиться при дворе китайского императора. Как полагает Д. В. Дубровская «Демонстрируя и расширяя чудеса и достижения западной науки и технологии, они надеялись добиться того, чтобы хотя бы этот раздел знаний о Западе завоевал доверие и уважение правящих классов» [8, с. 82]. В результате такого странного на первый взгляд симбиоза науки и религии иезуиты выстраивали псевдологические цепочки между видимыми результатами научных исследований и христианской догматикой в прозелитических целях. «Большинство неофитов из среды высшего класса были пойманы на крючок науки, которой их заинтересовал проповедник» [8, с. 94]. Но даже несмотря на изворотливость и рискованные ухищрения миссионеров ситуация с продвижением католицизма в Китае оставалась очень тяжелой.

В Японии в конце XVI в. проповедническая деятельность шла успешнее, чем в Китае. В деле продвижения своей религии иезуиты возлагали большие надежды на проведение теоретических диспутов с буддийскими монахами, рассчитывая в ходе полемики логически переубедить конкурентов и доказать таким образом свое превосходство. Они очень серьезно готовились к этим интеллектуальным битвам! Так в 1569 г. в присутствии Ода Набунага прошел публичный диспут, посвященный сравнению преимуществ католицизма и буддизма, который, согласно записям иезуитов, закончился их убедительной победой [14, с. 188], что однако не помешало японским властям всего через несколько лет начать жестокие антикатолические гонения практически по всей Японии. Эти гонения привели к разгрому миссий и дезинтеграции католических поселений. Во многом такая реакция была вызвана тем, что обращенные в католицизм феодалы, как и в соседних странах, где ими руководили иезуиты, громили буддийские храмы [14, с. 187–188] и глумились над тра-

Planche VI. — Le P. A. de Rhodes: portrait du Musée Calvet, en Avignon.

Рис. 1. Александр де Род.

Cadière L. Iconographie du Père de Rhodes // Bulletin des Amis du Vieux Hue. 25 année, 1938 [16].

составлялись первые словари, разрабатывалась латинизированная письменность. Именно этот интеллектуальный фундамент позволил позднее осуществить тот технологический рывок в соседней стране, который связан уже с именем другого иезуита — Александра де Рода (рис. 1).

Маттео Риччи был, вне всякого сомнения, был гораздо лучше подготовлен для ведения диспутов о высоких материях с конфуцианскими учеными и представителями буддийского духовенства, однако в плане результативности ведения именно миссионерской работы Александр де Род, конечно, был намного эффективнее.

Альтернативный «культурной адаптации» метод по распространению католицизма в Азии был найден другим миссионером, который через 15 лет после кончины Маттео Риччи прибыл во Вьетнам. Речь идет о другом выдающемся представителе ордена иезуитов — Александре де Роде (1591–1660) (вьетн. имя A Lich Sơn Đắc-Lộ). Он, опираясь на мощный интеллектуальный фундамент, наработанный предшественниками, так же как и Маттео Риччи, блестяще освоил восточный язык и приступил к чтению проповедей для местного населения. К 1629 г. количество обращенных им жителей Тонкина приблизилось к 6700 [17, р. 15; 18, р. 39]. Как отмечает А. Шрейнер: «де Род был первым евангелизатором Тонкина <...> успех превзошел его надежды и к 1639 г. в Аннаме⁵ насчитывалось 82000 христиан» [19, р. 69]. В этом контексте возникает вполне логичный вопрос, как Александр де Род обращал в католицизм местных жителей? Основная инновация в изменении религиозной идентичности, как мы полагаем, состояла в содержании этих проповедей, поскольку

традиционными святынями, что, конечно же, не нравилось «язычникам», которые выжидали и готовились к достойному отпору.

Влияние миссии Маттео Риччи, по мнению французского исследователя Анри Бернара, не замыкалось в пределах китайской империи; оно оказывало некоторое воздействие на соседние страны и регионы: Японию, Корею, китайский Туркестан и на Индокитай. В частности, в Гуандуне в конце XVI в. Маттео Риччи встречался с вьетнамскими послами, которым был передан его «Катехизис» и Карта мира. Первые добравшиеся до Северного Вьетнама (Тонкина) иезуиты позднее обнаружили там эти труды Маттео Риччи и пытались поначалу применять на практике его методы [15, р. 91–92]. С точки зрения практической миссионерской работы толку от методов Маттео Риччи было не много, однако в это время шло активное знакомство миссионеров со страной, накопление и систематизация знаний о ней, шло активное и всестороннее изучение китайского и вьетнамского языков,

⁵ Аннам 安南 — китайское название Вьетнама — в переводе означает «Умиротворенный юг».

евангелизации предшествовала катехизация — ознакомление с катехизисом, в ходе которого конвертиты в доступной форме получали наставление в вере.

За годы работы на Востоке де Род систематизировал наработанный миссиями опыт и подготовил книгу «Катехизис за восемь дней. Для того, кто хочет совершить крещение и принять священную религию Небесного Правителя» [6]. С помощью этой книги начался процесс самого настоящего массового перепрограммирования психики местных жителей. Причем Александр де Род не собирался находить мнимые параллели и случайные совпадения между католицизмом и местными учениями, а обрушился на них с грубой критикой, применив в этой информационной войне метод дискредитации. Он, в отличие от Маттео Риччи, делал упор не на «культурную адаптацию», а на *жесткую дискредитацию*, включавшую также *десакрализацию* местных традиций и культов. В них переставали верить, и они теряли ореол святости. В ходе этого процесса миссионер ломал психику слушателей, и в результате они становились воинствующими католиками.

Метод Александра де Рода с точки зрения ведения бескомпромиссной информационной и идеологической войны был более традиционным. Как отметил известный российский востоковед А. Л. Вассоевич: «Само латинское по происхождению слово «дискредитация» — восходит к глаголу *dis-credo* — «не верю» <...> Слово содержит приставку *dis-*, означающую разделение, разъединение, расчленение, и глагол *credo* — «верую». Дискредитация, таким образом, есть разуверивание или обезвреивание» [20, с. 29].

Еще на заре появления христианства этот метод уже применялся для его дискредитации. В частности, по данным А. Л. Вассоевича: «...книжники и фарисеи <...> прежде, чем Христос был распят, прибегли к использованию всевозможной дискредитирующей, то есть разуверивающей, информации <...> началось оспаривание богочеловеческой природы Христа» [20, с. 29].

В дальнейшем столь эффективная методика, конечно, не была забыта и широко применялась в борьбе против идеологических конкурентов и противников. «В средние века эта иудаистическая традиция информационной войны против чуждой (христианской) религии была дополнена также дискредитацией пророка Мухаммада и ислама» [20, с. 30].

В период Великих географических открытий и последовавшей за ними колонизации эта методика была творчески использована европейскими миссионерами и в Азии для дискредитации местных «бесовских учений», что открывало широкие возможности для распространения католицизма и натравливания одних групп местного населения на другие, прежде всего, по конфессиональному признаку. «Дискредитирующей информации часто принадлежит важное значение в формировании образа врага, а, следовательно, и в процессе сплочения любого этноса [либо его части, — В. К.] в соответствии с принципом «против кого дружим?»» [20, с. 31].

Также следует отметить еще одну особенность миссионерской деятельности Александра де Рода. Если Маттео Риччи доказывал превосходство христианства в диспутах с представителями интеллектуальной элиты Китая, то Александр де Род обращался не только к элите, но и к простому народу. Очевидно, что убедить в преимуществах католицизма по сравнению с местными учениями «человека с улицы» гораздо проще. Тут начинает «работать» совсем другая система «доказательств». Именно поэтому собственно миссионерская деятельность Маттео Риччи была про-

валена, тогда как Александр де Род, сконцентрировав усилия на профанном сегменте населения, разработал соответствующего уровня аргументы и методики, благодаря чему и вошел в историю в качестве очень успешного миссионера. Очевидно, что, вступая в полемику о сравнительном преимуществе ценностей с представителями интеллектуальной элиты, надо обладать соответствующей подготовкой, и это еще вопрос кто кого обратит в свою веру! А вот «диспут» на эту же тему хорошо подготовленного миссионера с оппонентом несопоставимого с ним интеллектуального уровня вполне предсказуемо заканчивался обращением.

В отличие от Маттео Риччи Александр де Род вел «дискуссии» с конкурентами о сравнительных преимуществах различных религий заочно, поскольку он во время проповедей сам задавал вопросы и сам на них отвечал.

Однако надо помнить, что использованная де Родом система католических терминов на вьетнамском языке, была разработана Маттео Риччи для Китая. Ведь в то время во Вьетнаме была распространена китайская иероглифическая письменность, и Александр де Род записывал вьетнамское произношение китайских иероглифов, которые обозначали нужные ему понятия христианства, с помощью вьетнамской иероглифической письменности. Например, предложенный Маттео Риччи термин «Небесный Правитель» 天主 *tiān zhǔ* (вьетн. *Thiên Chúa*), для обозначения католического Бога использовался и Александром де Родом во Вьетнаме. Однако он предпочитал использовать не *Thiên*, вьетнамизированное (хан-вьет) произношение китайского иероглифа небо 天, а слово вьетнамского происхождения *Trời*, чтобы получить более вьетнамский вариант Небесного Правителя — *Chúa Trời* с вьетнамским порядком слов (определение после определяемого). Это позволяло ему во время проповедей как бы быть ближе к простому народу.

Проповеди из «Катехизиса за восемь дней» Александра де Рода читались на вьетнамском языке с целью обращения в католицизм и создания местных религиозных обществ, но изменение религиозной идентичности местного населения, как уже говорилось выше, было невозможно без дискредитации традиционных учений, верований и культов. И именно миссионер-иезуит Александр де Род разработал и зафиксировал в своей книге постулаты, ставшие с тех пор основой католической пропаганды во Вьетнаме. Эта книга, кстати, стала первым произведением, опубликованным в 1651 г. на вьетнамской латинизированной письменности в Риме. Несмотря на весьма почтенный возраст этой книги, индекс ее цитирования оставляет желать лучшего. Нам думается, что работа с самим источником, а не с многочисленными и не очень корректными комментариями в апологетической литературе, может открыть глаза на многое и избавить от многочисленных заблуждений, которые заботливо культивируются в специальной и популярной литературе вот уже несколько столетий [21, с. 541–548].

Выражаясь современным языком, «Катехизис за восемь дней» представляет собой блестящий пример не только нейролингвистического программирования, но и гипноза, который эффективно выполнял роль дискредитации традиционных верований и обращения в католицизм. Жаль что эта работа до сих пор еще не получила должной оценки со стороны профессионального сообщества, поскольку без преувеличения представляет собой титанический труд, достойный намного большего внимания, чем ему уделялось до сих пор.

Первое издание 1651 г., ставшее классическим, представляет собой билингву: левый столбец набран на латыни, правый — на вьетнамской латинице (рис. 2). В обо-

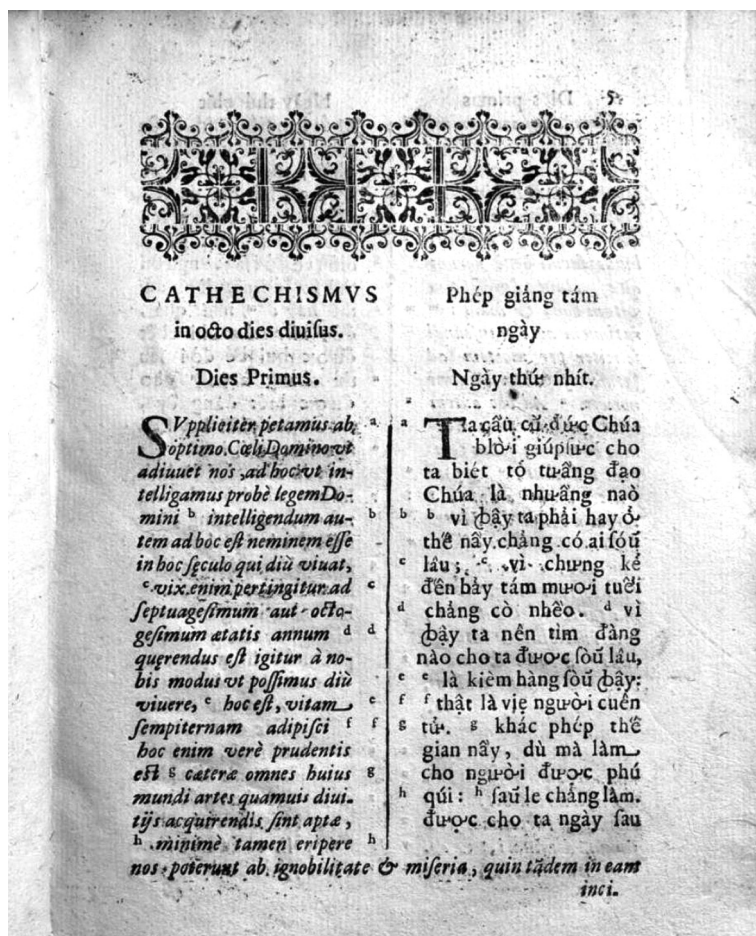

Рис. 2. Начало первого дня в «Катехизисе за восемь дней» [6, p. 5].

их столбцах вдоль разделительной линии и в тексте имеются специальные пометки из латинских букв, которые позволяют проводить синхронизацию текстов на разных языках. Причем вьетнамский текст представляет собой, по сути, фонетическую транскрипцию, которую мог внятно продекламировать даже молодой неопытный миссионер, освоивший только правила чтения и произношения вьетнамских слов, не очень понимавший, быть может, вьетнамский текст, и имевший возможность сверяться с параллельным текстом на латыни. На слушателей при этом в любом случае оказывалось мощное информационное воздействие! Авторитетные отечественные ученые В. М. Бехтерев, А. В. Дубровский и А. П. Слободяник доказали на практике, что гипнотизация возможна даже на большом расстоянии, при использовании письма или фотографии, особенно если данный человек уже подвергался гипнотическому внушению [22, с. 88]. В этом контексте вполне логично оказание мощного воздействия психоактивного текста, в который предварительно «встроены» соответствующие «закладки», активизирующиеся при регулярном перечитывании миссионерами, катехистами или самими неофитами.

Работать с текстом «Катехизиса за восемь дней» непросто. Ведь это первая книга на латинице, которая была издана в Ватикане в 1651 г. К тому времени она уже практически прошла «боевое крещение» в идеологических боях с многочисленными жертвами еще до высылки де Рода из Вьетнама в 1645 г. Параллельные тексты на латыни и вьетнамской латинице похожи, но не идентичны, поэтому следует отдельно отметить, что перевод некоторых пассажей из «Катехизиса за восемь дней» в данной работе сделан с вьетнамского языка, а использованные в статье цитаты даны в постраничных сносках на современном вьетнамском языке, который является прямым «генетическим» потомком разработанной в первой половине XVII в. европейскими миссионерами латиницы.

«Катехизис за восемь дней» имеет четкую и глубоко продуманную структуру разделов:

- «День первый. Религия Небесного Правителя»⁶.
- «День второй. Небесный Правитель»
- «День третий. Самый лучший мастер»
- «День четвертый. Ложные религии»
- «День пятый. Единый Бог в трех лицах порождает спасителя мира»
- «День шестой. Самый лучший лекарь»
- «День седьмой. Кроткий католик и злой волк»
- «День восьмой. Десять ступеней, ведущих в рай»⁷

Приведенная выше структура «Катехизиса за восемь дней» при более детальном разборе текста этой книги показывает, что с самого начала перед слушателями, которым миссионер читал это произведение, подвешивалась такая «морковка», что к теме повествования вызывался искренний неподдельный интерес.

Каким же образом иностранный миссионер удерживал внимание значительной части местных жителей во время чтения своих проповедей в течение восьми дней? Дело в том, что начинался «Катехизис» первой половины XVII в. с постановки проблемы, которая могла бы заинтересовать практически каждого и в наши дни, а именно, с проблемы жизни и смерти, из которой вытекали два вопроса, почему люди живут так мало и что делать, чтобы жить дольше [6, р. 5]. В попытках найти решение этой актуальной проблемы разворачивается дальнейшее повествование. Следует отметить, что используя весьма ограниченный набор слов, в условиях полной культурной несовместимости христианских терминов с местной культурой, автору «Катехизиса за восемь дней» удалось не только связно изложить основные догматы католицизма, но и эффективно дискредитировать местные культы! Методически

⁶ Так в буквальном переводе на вьетнамский язык передается католицизм (Религия или путь Небесного Правителя).

⁷ Ngày thứ nhất: Đạo Thánh Đức Chúa Trời,
Ngày thứ hai: Đức Chúa Trời,
Ngày thứ ba: Đức Thọ Cả,
Ngày thứ bốn: Những Đạo Vạy,
Ngày thứ năm: Một Đức Chúa Trời Ba Ngôi,
Ngày thứ sáu: Thầy Thuốc Cả,
Ngày thứ bảy: Con Chiên Lành và Chó Sói Dữ,
Ngày thứ tám: Mười Bạc Thang Lên Thiên Đàng.

Здесь и далее цитаты из «Катехизиса за восемь дней» даются на современном вьетнамском языке.

этот курс «молодого католика» был рассчитан на восемь дней⁸, по одной проповеди в день.

Миссионер говорил на вьетнамском языке, используя расхожие слова и выражения, чтобы вызвать доверие и расположение аудитории, а затем следовало все более и более жесткое напоминание о неминуемом конце и о том, что за этим неотвратимо наступит суровое наказание, которое страшнее любых невзгод и тягот в этом земном мире. Так фокус внимания аудитории суживался и переводился в сферу внутренних переживаний. Запугивая посмертными карами, миссионер проникал в самые сокровенные переживания, в глубинные слои подсознания, туда где живут первобытные страхи смерти и леденящие душу ужасные истории о том, что будет за последней чертой, которую неизбежно предстоит пересечь каждому живому существу. Перепрограммирование слушателей достигалось не с помощью логических умозаключений и воздействия на сознание, а на более глубоком уровне, подсознания, при мощной активизации эмоций и страхе смерти, который в той или иной степени свойственен всем людям.

Аналогичная методика используется и при гипнозе. В работе основоположника «мягкого гипноза» Милтона Эриксона отмечается: «Сфокусировав внимание пациента вопросом или общим контекстом интересной темы <...> Эриксон вводит ряд методов, рассчитанных на депотенциализацию сознательных установок <...> В трансе фокусы внимания пациента ограничены до нескольких внутренних реальностей; сознание закреплено и сфокусировано на относительно узких рамках внимания, вместо того чтобы оставаться диффузным на широком поле <...> Когда сознание закреплено и сфокусировано в таких узких рамках, оно находится в состоянии нестабильного равновесия и может быть относительно легко «депотенциализировано» путем смещения, трансформировано или обойдено» [7, с. 253].

Таким образом, вызвав живой интерес к теме проповеди, миссионер завладевал вниманием аудитории, что является первым шагом на пути изменения манеры поведения слушателей. Как полагает М.Эриксон: «целью клинического наведения является фокусирование внимания во внутрь и изменение некоторых привычных паттернов функционирования человека» [7, с. 253]. Эта технология введения в транс, созданная знаменитым психотерапевтом, многое объясняет в деятельности миссионеров! Фокус внимания во время проповедей смещается именно «вовнутрь», когда «бессознательный поиск» начинает лихорадочно искать ответ на вопрос: «Что же будет со мной после смерти?» Что станет с неофитами после смерти предсказать сложно, но можно с уверенностью сказать, что у очень многих из тех, кто принимал правила игры католических миссионеров, на этом спокойная жизнь в этом мире заканчивалась.

При изменении религиозной идентичности происходит глубокое переформатирование мировоззрения, что сопровождается изменением картины окружающего мира и своего места в нем. Причем сначала в сознание слушателей внедрялись альтернативные представления об устройстве загробного мира, которые меняли их поведение в этом мире, ставя в психологическую зависимость от иностранного миссионера!

---

⁸ Вообще эта изданная в середине XVII в. книга не утратила актуальности и в наши дни, а в контексте изучения ведения информационных войн она вполне может служить серьезным пособием даже в начале XXI в.

Такое внимание к проблеме смерти и загробному миру отнюдь не случайно. Каждый, кто терял родственников и близких людей знает, какую глубокую боль и длительный стресс вызывает эта трагедия. Каждый по мере взросления понимает, что рано или поздно придет и его час! Каждый мучился безответными вопросами: почему, за что и что ТАМ? Естественно, ни одна религия не могла обойти вниманием эту чрезвычайно острую и актуальную проблему, предлагая свою версию объяснений и ответов на эти вопросы. Однако тут возникает другая проблема — убедительность аргументации и доказательства.

Конфуцианство возвело в культ ритуал и формы поклонения отошедшим в иной мир предкам. Конфуций предпочитал уходить от обсуждения проблематики жизни и смерти. Китайские классики относились к этой проблеме по-философски. Широко известно изречение Конфуция: «Мы не знаем что такое жизнь, откуда нам знать, что такое смерть?» (кит. 不知生焉知死)⁹. Однако, даже не давая окончательный ответ, китайский мудрец справедливо связывал в единое целое эти два феномена.

Александр де Род ставил вопрос ребром и уверенно, безапелляционно давал на него четкий и очень конкретный ответ с развернутой аргументацией. При этом он ссылаясь на вьетнамскую народную мудрость, используя как современный для того времени вьетнамский язык, так и архаичные хан-вьетские¹⁰ слова, чтобы подчеркнуть высокий стиль своей проповеди. В частности, говорилось: 生寄野, 死回野 «жизнь — это временное пристанище, смерть — это возвращение в исконную обитель» [6, p. 117]¹¹.

Таким образом, аудитории ненавязчиво предлагалось перенести дискуссию, проблематика которой играет ключевую роль в информационную войну, в другое измерение — по ту сторону земного бытия, которое начинается тогда, когда заканчивается эта жизнь. Как это ни парадоксально звучит, но исход этой «отвлеченной» интеллектуальной битвы в умах и сердцах людей о потусторонних сюжетах очень многое менял в этом мире.

Литература

1. Taboulet G. La geste française en Indochine. Histoire par les textes de la France en Indochine des origines à 1914. T. I. Paris: Adrien Maisonneuve, 1955. 424 p.
2. Эриксон М. Мой голос останется с вами: Обучающие истории [психа и фантазера] Милтона Эриксона / [пер. с англ.]; авт. предисл. Л. Хоффман; изд. и коммент. С. Розена. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. 254 с.
3. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer, 1993. Vol. 72, N 3. P. 22–49.
4. Колотов В. Н. Этнорелигиозные сообщества во Вьетнаме в контексте системы региональной безопасности: история и современность // Проблемы современной Азии: история, конфликты, геополитика / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 94–180.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
6. Rhodes A. de. Cathéchismus. Pro ils, qui volunt suscipere Baptismum in octo dies divisus. Phép giảng tám ngày. Cho kẻ muốn chịu phép rửa tội mà vào đạo thánh Đức Chúa Trời. Rome: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1651.
7. Эриксон М. Гипнотические реальности: Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения / Эриксон М., Росси Э., Росси Ш.; пер. с англ. М. А. Якушиной под ред. М. Р. Гинзбурга. М.: Класс, 2000. 352 с.

⁹ bù zhī shēng yān zhī sǐ.

¹⁰ Слова, в которых закрепилось вьетнамизированное чтение китайских иероглифов.

¹¹ “Sinh kí dã, tử quý dã”, sống thì gửi, chết thì về.

8. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: Крафт+, 2001. 256 с.
9. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 256 с.
10. Пчелин Н. Г. Миссия иезуитского ордена в Китае 1579–1842: автореф. дис. ... канд. ист. наук. РАН ИВ СПб. СПб., 1999. 26 с.
11. Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука, 1994. 382 с.
12. Колотов В. Н. Востоковедение и конфликтология // Концепции современного востоковедения. СПб.: Каро, 2013. С. 169–185.
13. Колотов В. Н. Классические религиоведческие методики и изучение новых религий (опыт политологического анализа) // Религиоведение. 2005. №4. С. 94–104.
14. Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, 1984. 447 с.
15. Bernard H. Pour la compréhension de l'Indochine et de l'Occident. Hanoi, 1939. 199 p.
16. Cadière L. Iconographie du Père de Rhodes // Bulletin des Amis du Vieux Hue. 25 année, 1938. P. 27–61.
17. Lange C. L'Église catholique et la société des Missions Étrangères au Vietnam. Vicariat apostolique de Cochinchine XVIIe et XVIIIe siècles. Paris: L'Harmattan, 2004. 261 p.
18. Chu Văn Trinh. Alexander de Rhodes và chữ quốc ngữ. Alexander de Rhodes: National Language and Espionage. Florida: Văn Sử Địa, 1996.
19. Schreiner A. Abrégé de l'histoire d'Annam. Saigon: Imprimerie Coudurier & Montégout, 1906. 587 p.
20. Вассоевич А. Л. Информационные войны. К истории становления приемов психологического воздействия // Вестник политической психологии. Специальный выпуск: А. Л. Вассоевич. Избранные статьи. Июнь 2004. СПб.: Центр политических и психологических исследований, 2004.
21. Колотов В. Н. «Катехизис за восемь дней» как источник по методике обращения в католицизм во Вьетнаме в XVII веке // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока. Материалы научной конференции 7–10 февраля 2007 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 541–548.
22. Буль П. И. Техника гипноза и внушения. СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001. 178 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Колотов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор;
VladimirKolotov@aim.com

Kolotov Vladimir N. — doctor of historical sciences, professor; VladimirKolotov@aim.com

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. Э. Дубровина

А. С. Аврутина. Древнетюркские рунические памятники: Система письма и фонологическая реконструкция. М.: Едиториал УРСС, 2011. 136 с.

Монография А. С. Аврутиной представляет собой попытку реконструировать фонологическую систему языка древнетюркских рунических памятников — памятников, иллюстрирующих ранний этап развития тюркских языков и отражающих состояние этих языков в VII–VIII вв. Вопрос о возможности такой реконструкции вызывал в специальной литературе немало дискуссий. Противники нередко демонстрировали склонность к смешению понятий «фонетика» и «фонология», ожидая, что работа продемонстрирует, как звучала речь древних тюрков, в то время как автор посвятил свою работу исследованию фонемного состава языка рунических памятников, инвентаря звукопредставлений (по терминологии И. А. Бодуэна де Куртенэ), который во многом определил развитие фонологических систем тюркских языков более поздних эпох (в работе на с. 13 автор сразу замечает, что пишет о фонологической подсистеме языка как о фрагменте системы языковой, т. е. идеальной, в то время как фонетика отвечает за реализацию фонем, идеальных единиц, в конкретный момент речи). К другим очевидным новым идеям в рассматриваемой нами монографии можно отнести то, что до настоящего времени работ, в которых внимание уделялось бы древнетюркской фонологии с позиций современной грамматики, а также с применением принципов фонологической интерпретации

данных древних письменностей, заложенных трудами грамматологов И. Е. Гельба и И. Фридриха, не появлялось. Необходимо отметить, что монография А. С. Аврутиной логично продолжает серию публикаций представителей петербургской (ленинградской) тюркологической школы — В. Г. Гузева и С. Г. Кляшторного, в которых они убедительно доказывают автохтонное происхождение тюркской руники, что также прежде носило дискуссионный характер в специальной литературе. Именно тезис об автохтонном происхождении тюркского рунического письма и убедительное изображение того, что тюркское руническое письмо довольно быстро проходит все три стадии, необходимые, согласно правилам грамматики, для становления любой письменной системы, а именно словесную (словесно-слововую), слововую и фонемную, позволил проанализировать как фонологическую, как и морфонологическую системы давно исчезнувшего тюркского языка.

Монография состоит из Предисловия (с. 5–11), основной части, включающей главы с первой по девятую (с. 12–117), заключения (с. 118–125), списка цитируемой литературы (с. 126–134) и списка условных сокращений (с. 135).

Предисловие посвящено подробному обзору существующей литературы по рассматриваемому вопросу. Автор дает оценку материалу, сопоставляя наработки отечественных и зарубежных тюркологов с наработками лингвистов, которые занимаются проблемами общего языкознания. Специалисты согласятся с тем, что отечественное восточное языкоз-

вание в целом и тюркское языкознание в частности нередко грешило тем, что стремилось развиваться в «описательном» ключе, обособленно, как бы в отрыве от мировых тенденций и теорий в лингвистике, словно не желая «испытывать» общелингвистические теории, столь различные в индоевропейском языкознании, на тюркском материале. Конечно же, подобная обособленность не всегда сказывалась положительно. Однако труды петербургских тюркологов последних десятилетий — В. Г. Гузева, А. А. Бурькина, С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака — демонстрируют тенденцию преодоления этого разрыва. В рецензируемой же монографии подробный анализ существующей литературы по грамматологии и по тюркской рунике позволяет автору обосновать актуальность своих разработок, которые, кстати, в свое время были отмечены рядом научных наград.

В первых главах основной части даются вводные сведения, которые призваны помочь в восприятии материала читателю, далекому от тюркской лингвистики. В первой главе (с. 12–25) автор формулирует понятийно-терминологический аппарат своего исследования, дает определения таким понятиям, как язык, речь, языковая система, знак, фонетика, фонология и морфонология, определяет задачи рассматриваемых языковых подсистем. Вторая глава (с. 26–30) кратко знакомит читателя с историей открытия, дешифровки и изучения тюркских рунических памятников, попутно анализируя работы, посвященные проблеме происхождения и интерпретации данных рунического письма. Третья глава (с. 31–40) посвящена описанию классификации рунических памятников, так как не все они написаны одним языком, и также предназначена для читателей-нетюркологов. Грамматологический аппарат, использованный в исследовании, представлен в четвертой главе (с. 41–49), где также дается краткий обзор единичных работ по грамматологии, в которых хотя бы кратко освещались любые тюркские языки.

Исследование как таковое начинается с пятой главы (с. 50–54). Здесь автор рассматривает возможность анализировать звуковую сторону древнего, умершего языка по данным письменности, а также демонстриру-

ет существующие методы подобного анализа. Конечно же, именно в этом месте исследования важно умелое сочетание общих грамматологических правил и закономерностей фонологической интерпретации с отличительными особенностями тюркского материала, и поэтому шестая глава посвящается анализу этих особенностей (с. 55–69). В данной главе автор, ссылаясь на разработки В. Г. Гузева и С. Г. Кляшторного, анализирует аппарат рунических знаков и внутреннее устройство рунической письменности, здесь же предлагает оригинальную схему всех рунических знаков с учетом их функционирования в словесно-слогово-буквенной системе. (Упомянутые разработки представлены, в частности, в таких работах, как: *Гузов В. Г.* К вопросу о слоговом характере тюркского рунического письма // *Вопросы языкознания.* 1994. № 5. С. 67–72; *Гузов В. Г.* Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // *Востоковедение. Филологические исследования.* Вып. 24. Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 24–33; *Гузов В. Г., Кляшторный С. Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2.* 1993. Вып. 4. С. 57–62).

Последующие главы посвящены рассмотрению следующих вопросов: 1) анализ единиц фонологической системы языка рунических памятников; 2) соотношение фонем и слогов, нашедших отражение на письме; 3) анализ черт языка древнетюркских рунических памятников в родственных современных тюркских языках; 4) анализ морфонологической системы языка рунических памятников и присущих им особенностей; 5) возможные направления развития фонологической системы рассматриваемого языка и их реализация в современных тюркских языках.

В главе седьмой (с. 70–81) анализируется система гласных фонем, а в главе восьмой (с. 82–97) — система согласных фонем. Каждый знак рассматривается как словесный, слоговой, возможно, словесно-слоговой и, затем, как фонемограмма, в случае, если он употребляется в том или ином качестве. Примеры употребления знаков во всех трех функциях довольно редки, так же как и редки примеры употребления того или иного знака только

лишь в одной какой-либо функции. Таким образом доказывается, что вся письменная система имеет словесно-слогово-буквенный характер. В качестве вывода к этим главам автор представляет обе системы в виде таблиц. При этом мы видим, что в системе гласных фонем была девятая единица, которая не имела собственного знака и передавалась всякий раз разными знаками и которая как бы нарушает равновесие всей четырехклассной системы, а в системе согласных фонем три единицы оказались вне локальных рядов.

Фонологическим и морфонологическим особенностям и закономерностям языка рунических памятников посвящена девятая глава (с. 98–117). В этой главе формулируются основные выводы исследования. Отдельный раздел посвящен анализу известной монографии Ларса Юхансона «Язык древнетюркских рунических памятников как диссимилирующий» (*Johanson L. Alttürkisch als 'dissimilierende Sprache'*. Wiesbaden: Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz, Franz Steiner Verlag GmbH, 1979), автор которой, как убедительно доказывает А.С. Аврутина, допустил большое количество ошибок и неточностей в разборе материала рунических памятников, ошибочно сформулировав тезис о том, что язык рунических памятников был языком диссимилирующим. Автор рецензи-

руемой нами монографии демонстрирует таблицу распределения диссимилятивных и ассимилятивных явлений и формулирует вывод о том, что язык рунических памятников был не диссимилирующим, а ассимилирующим, а существующие диссимилятивные примеры призваны лишь подчеркивать морфемные границы в коммуникативных целях.

В Заключении (с. 118–125) А.С. Аврутина обобщает полученные выводы и проводит параллели с родственными современными тюркскими языками, находя немало параллелей, возникших в языке рунических памятников и сохранившихся до наших дней.

Некоторым недостатком монографии, как представляется, можно считать то, что автор рассмотрел материал не всех тюркских рунических памятников, пропустив, как минимум, важную группу енисейских памятников, в которой изобилуют разговорные формы, представляющие особый интерес для анализа морфонологических явлений и их отражений на письме.

В то же время монография, безусловно, представляет большой интерес, как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Термины и подача материала также позволяют пользоваться монографией в образовательных целях. Книга является прекрасным пособием для студентов-тюркологов.

Контактная информация

Дубровина Маргарита Эмильевна — кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: maggydu@rambler.ru

ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСКОГО И ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ЗАКАЗА
ИЗДАТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Обеспечивая издание журнальной и книжной продукции, отвечающей самым высоким мировым научным, издательским и полиграфическим стандартам, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета приглашает к сотрудничеству российские и зарубежные научные и учебные центры, авторов, издательства и редакции периодических изданий, заинтересованные в высококачественной редакционно-издательской обработке, полиграфическом исполнении и эффективном распространении научной и учебной литературы.

ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ УНИКАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ:

- РАЗРАБОТКА РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И КОНЦЕПЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ
- ИНТЕГРИРОВАНИЕ ПРОЕКТОВ В ПОРТФЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА СПБГУ
- ВЫСОКОПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕДАКТУРА И КОРРЕКТУРА
- ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН И ПОДГОТОВКА ОРИГИНАЛ-МАКЕТОВ
- ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ И ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ УСЛУГИ
- РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ИЗДАНИЙ И КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Оформить заказ и/или получить дополнительную информацию Вы можете по электронной почте (zakaz@unipress.ru) или по телефону (+7 (812) 328 44 22). Квалифицированный менеджер оперативно выполнит все необходимые действия по расчету, оформлению заказа и избранию наиболее выгодного способа его исполнения.

Ваши предложения и замечания о порядке, сроках и условиях выполнения заказов просим направлять директору Издательства Новикову Евгению Юрьевичу по эл. почте (novikov@lawpress.ru) или по факсу (+7 (812) 334 21 93).

Санкт-Петербург, В.О., 6 линия, д.11 (за Андреевским собором)
9.00 – 19.00 • пн–пт • www.unipress.ru • zakaz@unipress.ru
+7 (812) 328 44 22 • +7 (812) 334 21 93

ИНФОРМАЦИОННО-КНИГОТОРГОВЫЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

“МЕНДЕЛЕЕВСКАЯ ЛИНИЯ, 5”

- НОВЫЙ СОВРЕМЕННЫЙ МАГАЗИН
- БОЛЕЕ 50 000 НАИМЕНОВАНИЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- УНИКАЛЬНЫЕ СЕРВИС И ДИСКОНТНАЯ СИСТЕМА
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ БИБЛИОТЕК ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЦЕНАМ
- ПРЕЗЕНТАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ
- ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОГРАММЫ
- СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПОСТАВКИ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ОПТОВЫМ ЦЕНАМ
- ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСТОЯННОЙ И ВРЕМЕННОЙ ВЫЕЗДНОЙ ТОРГОВЛИ В ВУЗАХ И НА НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

Справки об организации студенческих продаж и выездной торговли
+7(812) 328 96 91, student@academlit.ru, torg@academlit.ru

ПРЕЗЕНТАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

В мае–августе 2014 года запланированы следующие выставки:

- МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОСТРЕБОВАННОСТИ И ДОСТУПНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СРЕДЕ. СОТРУДНИЧЕСТВО СПбГУ И EBSCO
- РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕДУЩИХ АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ
- РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК В КОНТЕКСТЕ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ ПО АРХЕОЛОГИИ

Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5
(Здание исторического и философского факультетов СПбГУ, вход с Биржевого проезда)
9.00–21.00 • пн–вс • +7(812) 329 24 71 • +7(812) 328 96 91 • sale@academlit.ru • www.academlit.ru

